

Джанни Родари

БОЛЬШАЯ КНИГА СКАЗОК

Джанни Родари

БОЛЬШАЯ
КНИГА

СКАЗОК

Милан

Gianni Rodari
FIABE LUNGHE UN SORRISO
VENTI STORIE PIÙ UNA

Джанни Родари

**БОЛЬШАЯ
КНИГА
СКАЗОК**

Перевод с итальянского
Ирины Константиновой

Художник
Вадим Челак

Москва
«Махаон»

МАШИНКА ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ УРОКОВ

Как-то раз постучался к нам очень странный и смешной человечек – совсем крохотный, чуть повыше двух спичек. И на спине огромный рюкзак – гораздо больше него самого.

– Я тут разные машинки продаю... – заговорил он.

– Что за машинки? Покажите! – заинтересовался мой папа.

– Вот, к примеру, машинка для приготовления уроков. Нажмёшь красную кнопку – решит задачу, нажмёшь жёлтую – напишет сочинение, зелёную – выучит урок по географии. Всё сама сделает, и быстро – в одну минуту!

– Папа, купи! – обрадовался я.

– Ну ладно... А сколько стоит?

– Ничего не стоит! Я денег не беру, – ответил человечек.

– Но вы же не зазря, должно быть, трудились?

– Конечно. Только деньги в обмен на машинку мне не нужны. Мне нужен мозг вашего сына.

– Вы с ума сошли! – возмутился отец.

– Ну посудите сами, – улыбнулся человечек. – А зачем ему мозг, если уроки за него станет делать машинка?

– Пап, купи! – стал я упрашивать отца. – И в самом деле, на что мне мозг, когда есть такая машинка!

Отец внимательно посмотрел на меня, помолчал немного и согласился:

– Ладно, забирайте его мозг, и по рукам!

Человечек взял у меня мозг и спрятал в свою сумку.

Каким же я сразу стал лёгким, когда опустела моя голова! Таким лёгким, что вспорхнул, как птичка, и начал летать по комнате. И не поймай меня отец вовремя, наверное, я оказался бы за окном.

– Придётся держать его в клетке, – предупредил человечек.

– Почему? – удивился отец.

– Потому что он теперь безмозглый – вот почему! Не углядите – улетит в лес, словно пичужка, и умрёт там с голоду.

Отец посадил меня в клетку, точно канарейку. Клетка маленькая, тесная – не пошевеливаться! Прутья так сжимали мне рёбра, так сжимали, что от страха... я проснулся.

Как хорошо, что всё это мне приснилось!

Не поверите, я тут же сел за уроки!

МАЛЕНЬКИЙ ПОЕЗД

Поезд, который отправляется из Пэта в Пат, называют крохотным – он и в самом деле такой малюсенький, что его можно спрятать в карман.

В этом поезде только один вагон, и все места в нём возле окон. Вагончик очень узенький, но для толстых синьоров в стенах сделаны углубления.

Толстые синьоры входят в вагон, вставляют свои огромные животы в эти углубления и, очень довольные, сразу же засыпают. Интересно, почему это толстые люди всегда спят в поезде?

Иногда осенью, когда созревают фрукты, машинист Адалджизе останавливает поезд возле какого-нибудь сада, залезает на дерево и собирает груши, а пассажиры наблюдают за ним из окон вагона и хитро подмигивают.

А бывает, опускается туман и ничего не видно, тогда контролёр объясняет детям, что нужно видеть. Он столько раз проезжал тут, что знает наизусть всё вокруг.

– Справа, – объясняет он, – кукурузное поле, слева – белокурая девочка, которая машет нам красным платочком. Там же озеро.

Когда нужно выходить из поезда, толстые синьоры не всегда могут вытащить свои животы из углублений в стене. И тогда контролёр помогает им:

– Ну ещё немного поднажмите, синьор Луитпольдо!

Синьор Луитпольдо – самый толстый из пассажиров – обливается потом, пыхтит, но никак не может вытащить свой живот.

И тут на помощь ему приходит сам машинист.

Но вот наконец синьор Луитпольдо спускается на платформу. Поезд поворачивает и некоторое время стоит в ожидании, когда придёт пора отправляться в обратный путь.

СИНЬОР БОЭМОНДО

Весёлый человек этот синьор Боэмондо. И чего только не придумает, лишь бы позабавить своих детей!

Вот едет он в поезде. Напротив сидят ребятишки и ссорятся: каждому хочется сесть у окошка.

– Тише, тише, – успокаивает их синьор Боэмондо, – давайте лучше поиграем. Я знаю одну очень хорошую игру.

Ребятишки согласны поиграть в одну очень хорошую игру.

– Тогда зажмурьтесь на минутку, пока не скажу, что можно смотреть.

Дети жмурятся, а потом открывают глаза. И что же они видят? Отец исчез, а на его месте сидит старая синьора с попугаем на плече. И эта заморская птица в жёлтых и зелёных перьях громко кричит: «Хочу к окошку! Хочу к окошку!»

Ребята хохочут до слёз и даже не замечают, как старая синьора исчезает, а на её месте появляется суровый монах. Он поглаживает свою длиннющую, до самой земли, бороду и строго смотрит на детей.

Ребятишки пугаются и умолкают, словно воды в рот набрав.

– Гм, гм! – многозначительно произносит старый монах. Дети в страхе замирают.

– Гм, гм! – повторяет монах.

Ребятишки вот-вот расплачутся, опускают глаза, рассматривают свои ботинки. И потому не замечают, как монах исчезает.

А когда решаются взглянуть на него, то обнаруживают на его месте совсем крохотного синьора, который подпрыгивает и хохочет как сумасшедший.

И дети тоже весело заливаются смехом.

– Как вас зовут, синьор Совсем-совсем маленький?

– Меня зовут Джанни.

– А почему?

– Потому что ловлю раков в ванне!

– Какая глупость! – ворчит пожилая синьора в оранжевом платье.

Но дети смеются ещё веселее. А человечек вдруг начинает надуваться, словно пузырь. Надувается, надувается... Вот он уже огромный!.. Опля! Пузырь лопается – и перед ребятами снова сидит синьор Боэмондо.

Счастливые дети обнимают своего отца.

Оранжевая синьора возмущается:

– В поезде запрещено вытворять подобные глупости!

– В поезде, синьора, запрещено курить, запрещено плевать. Но я не курю и не плюю, – объясняет синьор Боэмондо.

Детям смешно, а пожилая синьора злится, грозит позвать кондуктора, но, к счастью, поезд уже приехал.

Однако прежде чем выйти из вагона, синьор Боэмондо сморкается. Как он это делает? Обыкновенно. Снимает нос со своего лица и протирает его как следует платком. При этом смотрит на пожилую синьору и подмигивает ей.

Синьора становится пунцовой, как помидор, и отворачивается.

Синьор Боэмондо помещает нос на место и выходит из вагона, а следом один за другим выпрыгивают и ребяташки.

ДОМ СИНЬОРА ВЕНЧЕСЛАО

Когда вы меньше всего этого ожидаете, вдруг обнаруживаете, что над вашей головой летит на всей скорости дом синьора Венчеслао. Весь дом целиком – от крыши до фундамента – летит над вами, покачиваясь, словно аэроплан.

Из трубы лентой стелется тёмный дымок – длинный, как у паровоза.

А из-под дома свисают мешки с углем, бутылки с вином, старинные оплетённые бутылки – короче, всё, что хранят обычно в подвале.

Сам же синьор Венчеслао сидит у окошка, задумчиво покуривает трубку и не замечает вас.

Люди задирают головы кверху и судачат:

– Нет, синьор Венчеслао просто сошёл с ума! Что это за манера – прогуливаться по небу в собственном доме, будто это самолёт какой-то...

– Нужно сообщить в полицию! – предлагает кто-то. – Ведь у синьора Венчеслао нет прав на управление самолётом, и может случиться беда...

Домик довольно быстро проплывает по всему небу и исчезает за холмами.

Спустя некоторое время он возвращается и опускается в центре села, метрах в ста от церкви, короче, там, где и построили его когда-то.

– Прогулялся, значит, и вернулся, – говорят люди.

А синьор Венчеслао по-прежнему сидит в своём домике у окна и курит трубку.

– У него явно не все шарики в голове работают, – решают люди.

Свои прогулки синьор Венчеслао обычно совершает ближе к вечеру.

Бывает, стоите вы возле окна, где синьор Венчеслао курит трубку, спокойно разговариваете с ним о том о сём, и вдруг он приветливо машет вам рукой, а дом с лёгким свистом снимается с фундамента и поднимается в небо. Два-три раза облетает колокольню и направляется к холмам...

ДЕРЕВО ПАОЛИНО

Ну и подивился же крестьянин Пьетро, когда у него родился сын с зелёными волосами.

Пьетро встречал людей с чёрной шевелюрой, светлой и рыжей, даже слышал разговоры про какую-то фею с голубыми волосами, но чтобы с зелёными – такого никто ещё никогда не видел!

Женщины смотрели на ребёнка и вздыхали:

– Надо же, будто салат на голове растёт!

Назвали мальчика Паоло. Но так окликал его только отец. Женщины не задумываясь прозвали его Паолино-салат.

Послали за докторами. Те осмотрели волосы и сказали, что ничего страшного не видят, выписали рецепт и ушли.

А волосы как были зелёными, так и остались.

Когда мальчику исполнилось два года, пошёл он как-то вместе с дедушкой на луг пасти козу. А она вдруг подошла к нему и на глазах у деда в два счёта сжевала его волосы. И голова Паолино сделалась голой, словно только что скошенная поляна.

Тут-то и стало всем ясно, что вместо волос растёт у Паолино на голове мягкая зелёная травка.

– С тобой коза не пропадёт даже в открытом море! – пошутил отец.

А весной в травке на голове Паолино вдруг появилась чудесная жёлтая маргаритка.

Откуда только ни приходили люди взглянуть на ребёнка, у которого на голове растут цветы.

Когда Паолино подрос, случилось ему как-то сделать что-то нехорошее. И тотчас на голове его вместо красивой мягкой травки выросли колючие сорняки, да такие густые, что даже глаза застилали.

Паолино очень устыдился такой причёски и потому больше никогда не делал ничего дурного.

Прошло ещё несколько лет, и на голове Паолино выросло какое-то деревце. Присмотрелись и видят – маленький дубок.

Подрастал мальчик – тянулся вверх и дубок. Взрослел Паолино – и дуб становился всё крепче и ветвистее.

Когда Паолино отметил свои пятьдесят лет, дерево выросло таким большим, что его хозяину не приходилось искать летом прохладную тень. Вполне хватало той, что давало дерево, растущее на его собственной голове.

Когда же Паолино исполнилось восемьдесят лет, дуб стал ещё могучее. Птицы вили гнёзда в его густой листве, ребята забирались на него поиграть среди ветвей, а нищие, что заходили во двор попросить воды и кусок хлеба, отдыхали в тени Паолино и хвалили его за доброту.

Когда Паолино умер, похоронили его не как всех, положив в землю, а опустили в неё вертикально, чтобы дуб остался на поверхности и не увял.

Под деревом поставили скамейку и выкрасили её зелёной краской.

Женщины любят сидеть тут со своим вязаньем, а мужчины присаживаются перекусить и выкурить трубку. Старики остаются здесь допоздна, и в темноте видно, как мерцают красные огоньки их трубок. А уходя, они не забывают поклониться своему другу:

– Спокойной ночи, Паолино, ты был хорошим парнем.

ДОЖДЕВИЧОК

Да-да, я знаю этого человечка. Он совсем крохотный. Живёт в облаках. Прыгает с одного облачка на другое, но никогда никуда не проваливается – такой лёгкий.

На облаках есть краники – великое множество краников. Когда Дождевичок открывает их, на землю проливается вода, а когда закрывает, дождь, понятное дело, прекращается.

Ох и много же хлопот доставляют Дождевичку эти краники! То открыть их надо, то закрыть...

Конечно, бывает, ему и отдохнуть хочется. Тогда он укладывается на какое-нибудь особенно пышное облако и засыпает.

Спит он, спит, спит, а из краников, что остались открытыми, всё льёт и льёт дождь.

По счастью, от какого-нибудь особенно сильного удара грома Дождевичок просыпается. Вскрикивает и вздыхает:

– Вот беда-то! И долго же я спал?

Смотрит вниз, на землю, и видит, что все поля, сёла и города затянуты серой пеленой дождя. И люди все грустные и унылые, потому что слишком много воды обрушилось на землю.

Тогда Дождевичок спешно прыгает с тучи на тучу и быстро-быстро закрывает все краники – все до единого! Дождь, понятное дело, прекращается.

Облака, подталкиваемые лёгким ветерком, не спеша плывут дальше, мягко укачивают Дождевичка, и он опять засыпает.

А проснувшись, снова вздыхает:

– Вот беда-то! И долго же я спал?

Смотрит вниз, на землю, и видит: она вся потрескалась от жары и едва не умирает от жажды. Даже как будто дымится – вот-вот вспыхнет!

Тогда Дождевичок опять обегает всё небо и открывает все краники – все до одного!

Вот так и живёт этот маленький человечек – Дождевичок!

БИЛЕТ НОМЕР ТРИНАДЦАТЬ

Когда, бывает, еду в трамвае, встречаю иной раз одного очень неприятного синьора. Низенького роста, с вытянутой, словно редька, головой и крючковатым носом, он почему-то сразу у всех вызывает неприязнь.

Подаёт ему кондуктор билет.

– Не возьму! – взрывается противный синьор.

– Но почему?

– Потому что это билет номер тринадцать – несчастливый!

Кондуктор тут же вежливо пытается объяснить синьору, что это суеверие, что глупо верить в подобные приметы.

– Не ваше дело! – отрезает противный синьор. – Имейте в виду, я очень важная персона и уж как-нибудь поумнее вас!

Лишь бы прекратить спор, кондуктор меняет ему билет – даёт номер четырнадцать.

– Можете оставить его себе на память! – опять возмущается синьор.

– Но в чём дело? – недоумевает кондуктор.

– В том, что он жёлтый. А я хочу зелёный!

– Но у меня нет зелёных билетов!

– Есть! В сумке. Только вам лень достать. Просто не хотите работать!

Кондуктор всё так же вежливо открывает свою сумку и показывает, что зелёных билетов там нет.

Занудливый синьор вроде бы успокоился, но лишь на время.

Тут появляется контролёр со своим дыроколом.

И неуживчивый синьор опять выходит из себя:

– Вы сделали мне кривую дырку! И вообще пора кончать с этими трамваями!

– В чём дело? Что случилось? – удивляется контролёр.

– Вот полюбуйте: вы же ничего не умеете делать! Даже дырку не можете пробить как положено! Она должна быть

абсолютно круглой! Я напишу протест в газету. Людям надоели кривые дырки!

Контролёр – человек умный, поэтому не сердится на неприятного синьора.

Тогда тот набрасывается на вагоновожатого:

– А ну-ка поверните сейчас же направо!

– Во время движения запрещено разговаривать с вожатым, – улыбаясь, замечаю я.

– Не суйтесь не в своё дело! А вы – сворачивайте направо! Не слышите, что ли? Это я вам говорю!

– Но я не могу. Разве не видите, что тут нет рельсов? – отвечает вагоновожатый.

– А меня не интересует, есть тут рельсы или нет! Я заплатил за билет! Я живу вон там, за углом, направо, и желаю, чтобы меня подвезли к моему дому! Вы меня поняли?

– Я не глухой. Но трамвай не может ехать по улице, где нет рельсов.

– Хватит! – визжит противный синьор, точь-в-точь как расстроенный кларнет. – Хватит! Все вожатые – лодыри! Я заявлю в полицию! И вы за всё ответите! Сейчас же выпустите меня из вагона!

– Здесь нет остановки, – объясняет вожатый, по-прежнему сохраняя спокойствие.

– Негодяй! Это безобразие! Делают, понимаете ли, что им вздумается! – вопит противный синьор.

На остановке он так поспешно бросается к выходу, что падает на мостовую. Вожатый с готовностью помогает ему подняться, ищет его очки, отряхивает пыль с пальто.

– Оставьте меня! Не трогайте, не то позову полицию! – кричит этот мерзкий человечиска.

И спешит сообщить в газету, что все вагоновожатые – вредные, гадкие люди.

А вы что об этом скажете?

ДЯДЮШКА БОРОДАЧ

А это история про человека, у которого выросла очень длинная борода.

Знаете дядюшку Бородача? Вы не знаете, а я – знаю.

Он старый, старше всех, старше даже самого себя. Борода у него с каждым годом становилась всё длиннее, и он никогда не подрезал её.

В конце концов она сделалась такой длинной, что теперь дядюшка Бородач то и дело спотыкается о неё при ходьбе.

И что же он делает? Покупает небольшой чемоданчик и укладывает в него свою бороду – ту часть, что мешает.

Так и ходит со своим чемоданчиком, словно бродячий торговец, который продаёт шоколадки и карамельки. Но только носит он с собой не сладости, а собственную бороду. Она у него такая длинная, что дядюшка Бородач может даже построить из неё шалаш.

В чистом поле, к примеру, когда хочется поспать, но негде укрыться от жаркого солнца.

Вот он и строит шалаш из бороды. Как? Да очень просто. Втыкает в землю два шеста, кладёт на них третий и развешивает свою бороду, – она и спасает его от солнца.

Дядюшка Бородач укладывается в её тени и спокойно отдыхает.

Шалаш совсем белый, если смотреть издали, и похож на хижину эксимосов, а на самом деле сооружён из бороды.

УСЫ СИНЬОРА ЭДЖИСТО

Синьор Эджисто очень переживает из-за того, что у него совсем не растут усы. Как тут быть? У всех мужчин, что живут в одном с ним доме, есть усы. Даже у некоторых чересчур полных женщин есть, а у синьора Эджисто нет.

– Ну был бы хоть один ус, – горюет синьор Эджисто, – совсем маленький-маленький, с одной только стороны. Хотя бы даже половинка уса, крохотного, как родинка.

Синьор Эджисто так много думал об этом, что у него и в самом деле вдруг вырос ус. Правда, всего один. И выглядело это, конечно, весьма странно: у всех по два уса, а у него только один.

С левой стороны губа прикрыта густыми чёрными волосами, а с правой – кожа чистая и гладкая, как у ребёнка.

– Это смех, да и только, – огорчается синьор Эджисто, глядясь в зеркало. – Мне непременно нужен второй ус!

Он столько думал об этом, что у него и впрямь вдруг появился второй ус. Синьор Эджисто так обрадовался, что дал клятву никогда не подстригать свои усы.

Шло время, и усы, понятное дело, росли, становились всё длиннее и длиннее, закрыли губы, начали свисать на подбородок, потом на грудь. Они мешали синьору Эджисто есть,

и приходилось завязывать их над головой, отчего они походили на уложенные венцом косы.

Наконец усы синьора Эджисто стали такими длинными, что пришлось засовывать их в карманы, иначе они мешали ходить. Правый ус он прячет в правый карман, левый, естественно, – в левый.

Иногда синьор Эджисто использует свои усы как шпагат для перевязывания пакетов, и надо вам сказать – нет верёвки прочнее. А когда он ездит верхом, усы служат ему поводьями.

Бывает, жена просит его:

– Эджисто, одолжи-ка твои усы. Мне надо повесить бельё для просушки.

Тогда синьор Эджисто усаживается на балконе, жена привязывает его усы к ограде, и получаются две отличные верёвки для белья. Пока оно сохнет, синьор Эджисто читает газету.

Все соседи выходят на балконы, чтобы полюбоваться на его усы. И женщины говорят своим мужьям:

– Ну вот, хоть какая-то польза от усов. А иначе какой прок от этих твоих завитушек под носом?

Вот и вся история про усы синьора Эджисто.

ПРАЗДНИЧНЫЙ НОС

Жил-был кузнец, у которого имелось два носа: один на каждый будничный день, другой только для выходных и праздничных.

Повседневный нос весь в шишках и прыщах. А праздничный – гладкий и блестящий, ну просто красавец!

По воскресеньям утром кузнец обычно звал жену и говорил:

– Роза, подай-ка мне мой праздничный нос!

Роза извлекала его из футляра, который хранила в серванте, и подавала.

Кузнец снимал свой уродливый нос, клал на тумбочку у кровати и прилаживал на лицо красивый.

Когда же, случалось, он бывал пьян, то всегда пытался поместить на своё лицо сразу оба носа и терялся, не зная, каким же из них дышать.

КРОХОТНЫЙ ДОМИК

Синьор Густаво надумал построить себе небольшой домик. Но денег у него оказалось очень мало, и он смог купить лишь несколько кирпичей.

Домик поэтому получился совсем маленький – такой маленький, что синьор Густаво может забраться в него только ползком.

А внутри он не может встать в полный рост, иначе ударится головой о потолок. И приходится ему всё время только сидеть в нём.

Детишки прыгают по крыше домика и, бывает, когда синьора Густаво нет дома, прячут его в кустах.

Тогда синьор Густаво ходит по всему селу и ищет свой домик.

И не находит...

Но он такой добрый, этот синьор Густаво.

На подоконник своего домика он кладёт не крошки для воробьёв, а карамельки для детей.

И все детишки, которые проходят мимо, могут взять конфетку.

Так они и подружились – синьор Густаво и дети.

Дети спрашивают:

– Сколько кирпичей ушло на строительство дома?

– Сто восемнадцать штук.

– А сколько цемента?

– Двести пятьдесят граммов, – отвечает синьор Густаво.

Дети смеются, и он тоже смеётся, и всем хорошо.

КОЛОКОЛЬЧИК ДЛЯ ВОРОВ

Синьор Гульельмо живёт на окраине леса и очень боится воров. Он не богат, но воры-то этого не знают.

Думал, думал синьор Гульельмо и решил повесить на двери вот такое объявление:

Воров просят звонить в колокольчик.
Их сразу же впустят в дом,
и они сами смогут убедиться,
что взять здесь нечего.
По ночам просьба звонить дольше,
потому что сплю я крепко.

И подпись: «Синьор Гульельмо».

Как-то ночью зазвонил колокольчик. Синьор Гульельмо поднялся посмотреть, кто пришёл.

– Это мы, воры! – слышит он из-за двери.

– Сейчас, сейчас! – отзывается синьор Гульельмо и впускает их.

Входят воры – в масках и с наклеенными бородами. Синьор Гульельмо показывает им свой дом, и те видят, что и в самом деле взять тут нечего – ни одного драгоценного камешка нет, ну хотя бы с рисовое зёрнышко.

Воры поворчали и ушли, недовольные, ничего не прихватив.

– А всё благодаря моему объявлению! – обрадовался синьор Гульельмо.

Теперь воры часто навещают его. Приходят всякие – высокого роста и низкого, толстые и тощие.

Когда синьор Гульельмо видит, что воры совсем бедные, он что-нибудь дарит им, например кусок мыла, лезвие для безопасной бритвы, а то и угощает хлебом с сыром.

Воры всегда очень вежливы и, уходя, непременно раскланиваются с ним.

СКУЛЬПТОР РИККАРДО

Нет скульптора более знаменитого, чем Риккардо. Он создаёт статуи, которые, едва только работа над ними закончена, сходят с пьедестала, отвешивают ему почтительный поклон и удаляются по своим делам.

Совсем как Пиноккио, который вырвался из рук плотника Джепетто и принялся проказничать.

Вот изваял, к примеру, Риккардо овечку – прелестную овечку с густой, мягкой шерстью – «мягкой», по правде говоря, я сказал по привычке, потому что на самом-то деле шерсть эта высечена из мрамора, а иногда слеплена из глины или вырезана из дерева.

Интересно, так же хорошо греет шерсть из мрамора, как шерсть... из шерсти?

Как бы то ни было, закончил Риккардо овцу, и она тут же заблеяла:

– Бе-е! Бе-е! Спасибо большое, синьор скульптор! Только не знаете, нет ли тут где-нибудь поблизости удобной полянки со свежей травой? Я так голодна, что готова сжевать даже камни.

– Кстати, вы вполне можете питаться камнями, – объясняет скульптор, – потому что вы же сами из камня.

– Попробую и камни, если это доставит вам удовольствие, – отвечает овца, – но мне хотелось бы свежей травки, два-три листика салата или хотя бы крапивы на худой конец, если уж нет ничего другого.

Скульптор охотно объясняет овечке, как пройти к городскому парку. Она благодарит и удаляется, виляя хвостиком, словно собачка.

В другой раз изваял скульптор Риккардо пожарного с каской на голове и топориком в руках.

Не успел он нанести последний удар своим резцом, как пожарный соскочил с подставки и поднял тревогу:

– Скорее! Скорее! Подавайте воду к шлангам! Направьте струю вот сюда!

– Успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь, синьор пожарный! Здесь ничего не горит. Уж если что-то и могло бы гореть, так это ваша достойнейшая особа. Вы, наверное, не знаете, что сделаны из дерева?

– Но это же безобразие! – возмутилась статуя. – Как это вам взбрело в голову сделать пожарного из дерева? Ведь я даже не смогу приблизиться к огню, потому что сразу вспыхну!

– Не знаю, как вам помочь, – улыбается скульптор. – Я действительно не подумал об этом. Так или иначе, если захотите служить в пожарной части, то она вон там.

Пожарный удаляется, качая головой:

– Надо же – именно меня изваять из дерева, когда кругом столько мрамора и бронзы!

Статуи синьора Риккардо гуляют по свету и время от времени навещают своего создателя и рассказывают о своих приключениях.

Как-то раз вернулась к нему одна грустная-прегрустная статуя и говорит:

– Синьор Риккардо, зачем вы сделали меня горбатой? Дети смеются надо мной, а суеверные девушки норовят прикоснуться ко мне, веря, что принесу удачу.

Не успела бедная горбунья закончить свою речь, как дверь распахнулась и на пороге появился бронзовый великан.

– Послушайте-ка, вы, синьор скульптор, что за ноги вы мне сделали?! – громовым голосом загудел он. – Или сейчас же переделайте их, или вам несдобровать!

– А что случилось с вашими ногами?

– Да они же кривые! Не видите разве? Вы сделали мне кривые ноги! И полагаете, будто я могу ходить по свету в таком виде?

А вот ещё визитёр... И ещё... Сегодня они идут один за другим.

Мраморная статуя жалуется, что у неё слишком короткие руки.

А лошадь недовольна тем, что скульптор забыл прорезать ей второй глаз.

Обливаясь слезами, пришла девушка и спрашивает, почему мастер сделал ей на руке только два пальца, а не пять.

– У каждого нормального человека пять пальцев, – жалуется она, – а у меня почему только два?

О боже, а это ещё кто? Человек без глаз и без носа! Лицо гладкое и круглое, словно шар из слоновой кости.

– Все принимают мою голову за бильярдный шар! Пожалуйста, сделайте мне хотя бы нос. Я уж не говорю про уши. Без них я как-нибудь обойдусь, но без носа... Ну что вам стоит! Всего-то кусочек мрамора и нужен для этого, и я буду в полном порядке!

Скоро в мастерской скульптора Риккардо становится совсем тесно: собрались все, кто остался недоволен его работой.

Высокий мужчина требует прикрепить ему ступни, потому что скульптор забыл про них.

Конь хочет иметь хвост, потому что не пристало рысаку бегать бесхвостым.

Молодая женщина просит приделать волосы, потому что мастер оставил её совершенно лысой...

Скульптор Риккардо совсем растерялся. Поначалу он пробовал возражать:

– Но вы же не настоящие! Вы – статуи, скульптуры! Поэтому можете оставаться такими, какие есть.

– Спасибо большое, но мы не хотим оставаться какие есть! И мне непременно нужен нос! – настаивал человек с гладким, как бильярдный шар, лицом.

Словом, вся эта публика так шумит и так возмущается, что Риккардо приходится смириться.

Он закатывает рукава и принимается исправлять ошибки. Ожидая своей очереди, статуи обмениваются впечатлениями.

Они считают, что рысак без хвоста, конечно, не конь, даже если он мраморный, но можно оказаться прекрасной статуей и с двумя пальцами, а не только с пятью.

А человеку без носа следует отправиться в больницу.

Только вот больница для статуй ещё не изобретена.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СТАРОГО МОРЯКА

В портовой траттории сидит старый моряк. Потягивает своё пиво и рассказывает разные морские истории.

— Однажды, помню, охотились мы на китов. Гарпун бросал я и угодил киту прямо в дыхательный клапан. Кит попался огромный — метров двадцать в длину, не меньше. И гарпун подействовал на него, как удар шпорой. Он словно сумасшедший полетел по океану и потащил за собой наше судно, будто пруттик. Вдруг мы почувствовали сильный толчок и повалились друг на друга. Что случилось? Кит прорвал радугу как раз между жёлтым и оранжевым цветом, летел по ней вверх и тянул за собой наше судно, которое оказалось на привязи у этого дьявольского буксира. А спасло нас только моё присутствие духа. Я достал свой большой нож и перерубил верёвку: судно сразу же соскользнуло обратно — с радуги в воду. А кит, мы увидели, летел по ней всё выше и выше и спустился на другом её конце. Но там его уже было не достать. Меня наградили за то, что я разрубил верёвку...

Старый моряк глотнул пива, отёр усы и продолжал:

— Помню, шли мы недалеко от Соломоновых островов, как вдруг поднялась ужасная буря. Волны перекатывались по палубе с одного края на другой, ветер ломал мачты, словно зубочистки. И тогда капитан велел вылить в море

всё масло, какое имелось на борту. Вы же знаете, что растительное масло успокаивает волны. Одну за другой мы вылили в море все бочки оливкового масла, какие нашли. На некоторое время море успокоилось, но потом вновь забушевало со всей силой.

«Капитан, – крикнул я, – у нас нет больше масла!»

Это был ужасный момент. И тут, по счастью, мне пришла отличная мысль.

«Капитан, – снова позвал я, – вы согласны положиться на меня?»

«Да хоть на дьявола, лишь бы кто спас!»

«Тогда, – продолжал я, – прикажите всей команде вымыть голову и слить грязную воду в бочки».

Приказ тотчас исполнили, и, скажу я вам, выглядело это довольно забавно – тридцать моряков в самый разгар бури старательно моют головы в тазиках и после мытья выливают воду в бочки, где прежде было масло. Мой расчёт оказался верным. Дело в том, что я хорошо знал своих собратьев. Моряки имели обыкновение каждое утро смазывать волосы жирной помадой, чтобы лучше блестела и держалась причёска. Теперь они смывали эту помаду, и вода становилась жирной.

Не теряя ни минуты, я вылил всю эту воду в море. И что бы вы думали? Результат оказался удивительный! Маслянистая плёнка уладила бушующие волны, а вскоре и сама буря начала стихать. Вот так мы и спаслись благодаря помаде и моей сообразительности.

А ещё помню случай, когда мы потерпели кораблекрушение у берегов Новой Гвинеи. Я даже моргнуть не успел, как оказался в воде. Волны кругом высоченные, как горы, плыть невозможно и ухватиться не за что – даже обломков судна не оказалось поблизости. Что делать? Я видел только один способ спастись – ухватился за поднимающуюся волну и, когда оказался на самом верху, сделав нечеловеческое усилие, прыгнул на гребень следующей волны. Опустился на ней до самого низа и взлетел вверх, а потом опять перепрыгнул на новую волну. Я повторил этот манёвр сотни раз, пока не оказался вблизи берега. Здесь волны стали спокойнее, так что я смог поплыть. И в этом случае меня тоже спасло моё воображение.

Но это всё пустяки, – продолжал старый моряк. – Вот было дело, когда однажды моё судно налетело на айсберг – на плавающую ледяную гору. В живых остались только я и три моих товарища. И знаете, как нам удалось спастись на этот раз? Мы сняли с себя рубашки, стараясь не замечать холода, сшили их и привязали к шесту, который выловили среди обломков судна. Ветер тотчас надул рубашки как парус. Маневрируя им, мы направили айсберг, словно лодку, на юг и уже приближались к берегу, как вдруг солнце прямо у нас под ногами растопило наш самодельный корабль. К счастью, до берега оставалось совсем немного, и мы спаслись вплавь.

РАЗБОЙНИК

Скупец. Мне семьдесят лет! Я здоров и свеж, как огурчик! Три подвала у меня заполнены золотом, в амбаре доверху серебра, а матрасы набиты тысячными банкнотами! И мог бы я наконец жить спокойно на старости лет, но тут моей дочери взбрело на ум выйти замуж. И кого же она выбрала себе в женихи? Этого оборванца Лино Пикко, у которого даже дырявого сольдо не найдётся. Сейчас позову дочь и разъясню ей как по нотам, что и слышать не желаю об этом голодранце. Изабелла!

Изабелла. Да, папа?

Скупец. Я позвал тебя, чтобы сказать, что ты не должна больше видеться с этим нищим, у которого одни дырки в карманах!

Изабелла. Но я хочу выйти за него замуж, папа!

Скупец. Глупая, замуж нужно выходить за мешок с цехинами, за сейф с бриллиантами или за крупный счёт в банке.

Изабелла. Но деньги не умеют говорить, папа, а Лино Пикко рассказывает мне такие замечательные истории! И я хочу выйти за него замуж! *(Плачет.)*

Лино Пикко *(в стороне)*. Почему плачет бедная Изабелла? Наверное, из-за этого старого скупца. Сейчас поставлю его на место. *(Громко.)* Можно?

Скупец. Кто там?

Лино Пикко. Разбойник!

Скупец *(ужасно перепуганный)*. Мамма миа! Что делать? Синьор разбойник, что вам от меня нужно? Я бедный, несчастный старик, у которого и гроша ломаного не найдётся. Есть, правда, золотой зуб. Хотите, вырву и отдам?

Лино Пикко. Мне не нужны золотые зубы. У меня своих достаточно – тридцать два здоровых зуба, белых и крепких, и я запросто щёлкаю орехи.

Скупец. Тогда в чём дело? Если у вас целых тридцать два здоровых зуба, что же вам ещё нужно на этом свете?

Лино Пикко. Мне нужны деньги. *(Появляется в комнате.)*

Скупец. Сжальтесь, синьор разбойник! Будьте милосердны! Отрежьте мне ногу, если вам действительно что-то нужно!

Лино Пикко. Мне нужны деньги. *(Тихо Изабелле.)* Притворись, дорогая, будто не знаешь меня.

Скупец. Отрежьте бороду и обе ноги, но оставьте мне деньги!

Лино Пикко. А на что мне ваша борода? Из неё не сделать даже щётки для обуви. И ноги ваши никуда не годятся, совсем тощие. Но я вижу, у вас красавица дочь. Отдайте мне её!

Скупец. Да бога ради – забирайте, синьор разбойник! Изабелла, дорогая, иди с этим синьором, он такой добрый, он не станет отнимать деньги у твоего папы.

Изабелла. Но я хочу выйти замуж за Лино Пикко!

Скупец. Вы слышали, синьор разбойник? Она хочет выйти замуж за бродячего поэта. Но я – её отец, и она послушается меня.

Лино Пикко. Прекрасно! Тогда по рукам – заключаем договор.

Скупец. Заключаем! Считайте, что Изабелла теперь ваша жена. *(Слышен стук в дверь.)* А это ещё кто?

Разбойник. Разбойник! Открывай, да поскорее!

Скупец. Боже милостивый, тут какая-то ошибка! Здесь уже есть один разбойник. И я уже отдал ему все деньги. Почему бы вам не заглянуть в соседний дом?

Разбойник. Хватит болтать! Не откроешь дверь – разнесу весь дом!

Лино Пикко. Откройте дверь и предоставьте всё мне.

Скупец *(впуская в дом разбойника)*. Присаживайтесь, синьор разбойник номер два.

Разбойник. Итак, где деньги?

Лино Пикко. В подвале, пойдём со мной, и я отдам их тебе.

Скупец. А, так вы обманули меня! Вы сговорились!

Изабелла. Не мешай ему, папа! Вот увидишь, всё будет хорошо!

Скупец. Мои деньги! Синьоры разбойники, вырвите у меня ногти, вырвите все волосы, но оставьте мне мои дорогие, такие золотые деньги! *(Лино Пикко и разбойник выходят, слышны крики, потом возвращается Лино Пикко.)*

Лино Пикко. Ну вот, всё в порядке. Я запер разбойника в подвале, и теперь позовём карабинеров.

Скупец. Спасибо, синьор разбойник номер один! Хотите мой золотой зуб в благодарность?

Лино Пикко. Оставьте его себе, у меня уже есть Изабелла.

Изабелла. Да, пойдём поскорее отсюда, мой дорогой Лино.

Скупец. Что ты сказала?

Лино Пикко. Она правильно сказала, я – Лино Пикко.

Скупец. Ах, негодяи! Вы обманули меня, обманули! И я отдал свою дочь в жёны Лино Пикко!

Изабелла. Папа, но если бы не Лино Пикко, разбойник забрал бы все твои деньги!

Лино Пикко. Хотите, пойду в подвал и выпущу его?

Скупец. Нет, нет, ради бога, лучше уходите оба поскорее! Хотите в подарок на свадьбу золотой зуб или хватит серебряного?

Лино Пикко. Мы поцелуем вас в бороду и как можно быстрее исчезнем отсюда. Больше нам ничего и не нужно.

ДОБРЫЙ ВОЛШЕБНИК

По ночам мне часто снится, будто я – добрый волшебник, который может исполнять чьи угодно желания.

Вот я встречаю безработного, который подбирает окурки. У него очень нехорошая привычка – курить – и нет денег на сигареты.

Я наступаю на окурки – хлоп! – и он становится вечным. Теперь человек может курить его сколько угодно, хоть день и ночь напролёт, хоть всю жизнь – окурки не уменьшатся ни на миллиметр.

А надоест курить, положит в карман. Когда опять захочет покурить, окурки снова зажжётся.

Но главное – человеку никогда больше не придётся покупать сигареты.

А вот вижу я мальчика, которому очень хочется мороженого, но не хватает денег.

– Купи себе мороженое, – советую я.

– Но у меня только сто лир.

– Положи их сюда. Молодец! А теперь посмотри, что у тебя в кармане.

Там обнаруживаются ещё сто лир!

– И опять посмотри.

Он опускает руку в карман и снова достаёт оттуда... сто лир!

И он может делать это теперь хоть десять тысяч раз – в кармане у него всегда будут лежать сто лир.

А вот этот маленький мальчик расплакался, потому что улетел в небо красный шарик, который он держал на верёвочке.

Я прикасаюсь к его руке, и в тот же миг из каждого пальчика вылетает по красному шарик. И всякий раз, когда он улетает в небо, из пальчика появляется новый – ещё больше и ярче прежнего.

Ну разве я не добрый волшебник?

ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ

Бабушка строит карточный домик. Он уже поднялся довольно высоко, но одна карта сегодня никак не хочет встать на место, так и норовит упасть. Это Пиковый валет.

– Собираетесь построить высокую башню и поместить наверху Пикового валета, чтобы стоял там на часах? Ничего не получится!

– Скажи-ка мне лучше, – интересуется бабушка, – у тебя что, кружится голова?

– Так точно, синьора Феличита. Кружится голова.

Кто это говорит? Нет, нет, не мы. Мы сидим тихо и смиренно, подперев руками подбородок, и смотрим на бабушку: она действительно мастерица строить карточные домики.

– Бедняжка, – сокрушается бабушка, – что же ты раньше не сказал мне?

– Ну а теперь, когда знаете, не ставьте меня так высоко. Вот у этого окна на втором этаже я охотно пристроился бы. Отсюда тоже можно обнаружить врагов, если появятся, и поднять тревогу.

Кто это говорит? Нет, не мы. Мы молчим, словно воды в рот набрали, и сидим не шелохнувшись.

Так кто же это всё-таки говорит?

Да это Пиковый валет. Вот он, раздвинув локти, выходит из карты, и мы видим его во весь рост, видим его ноги, которые обычно на карте не нарисованы, – они у валета тонюсенькие, в розовых чулочках до колен, а выше – короткие пышные штаны.

Пиковый валет приветствует нас низким поклоном.

– Пожалуйста, – просит он, – не говорите королю, что я убежал. Его величество Пиковый король – очень злой человек, во всех карманах у него сидит по чёрту, и каждый даёт ему какой-нибудь плохой совет. Вот из-за этого-то так и печальна Пиковая дама. Синьора бабушка Феличита, почему вы никогда не ставите меня в караул у покоев королевы?

С этими словами он подходит к нам и ласково гладит каждого по щеке.

– Спроси его о чём-нибудь, бабушка! – шепчу я.

– Синьор Пиковый валет, я не очень-то довольна вами сегодня. Как это получается, что вы засыпаете именно тогда, когда враги проникают в парк?

– Синьора Феличита, я тоже не очень доволен вами. Почему вы всегда впускаете врагов со стороны парка? И они всегда нападают на меня сзади.

Мы смеёмся, но бабушка очень строга и сурова.

– Это случилось, когда вы взяли кошелёк с золотыми монетами и притворились, будто спите, а враги пробрались у вас под самым носом и проникли в замок.

– И вовсе не золотые монеты, а всего лишь медное сольдо, синьора бабушка Феличита, и теперь оно лежит в копилке у Роберто.

Точно – лежит! Ему и это известно!

– А что скажете о Червонной даме?

Пиковый валет густо краснеет. На этот раз смеётся и бабушка.

Пиковый валет влюблён в Червонную даму, но она и слышать о нём не хочет, потому что у него чёрные волосы.

– Попросите художника, пусть он нарисует мне светлые локоны. Ну пожалуйста, попросите, синьора бабушка Феличита!

Бабушка заверяет, что выполнит его просьбу.

– А теперь марш на место, синьор Пиковый валет!

Прощаясь, Пиковый валет низко раскланивается с каждым из нас.

Удаляясь в свою карту, он ещё раз подмигивает нам, и вы можете теперь задавать ему сколько угодно вопросов, он не ответит больше ни на один.

Да и как можно заставить говорить кусочек атласной бумаги?

ГОВОРЯЩИЙ ПОРТФЕЛЬ

Каждый вечер мой сын, прежде чем отправиться спать, собирает свой школьный портфель. Вернее сказать, суёт в него как попало книги, тетради, пеналы, резинки, промокашки.

Сам он называет эту операцию «собирать портфель». И конечно, не подозревает, что едва он закрывает глаза и засыпает, как в портфеле происходят чудеса: все предметы оживают, потягиваются, как это делаем мы по утрам, здороваются друг с другом и начинают разговаривать.

Промокательная бумага пытается разгладить свои помятые углы и жалуется:

– Дорогие друзья, сегодня мне досталось как никогда! Наш хозяин всю меня исписал возгласами «Ура!» в честь какого-то Коппи Фаусто. Он писал, правда, «Копи» – через одно «п», но я всё-таки подозреваю, что речь идёт об известном футболисте Коппи. Вы только взгляните на меня – я похожа теперь на предвыборный плакат!

– И ты недовольна? — удивляется учебник истории и географии. – А ты посмотри на меня, на мои страницы! Наш милый тиран нарисовал усы Карлу Великому, приделал перо к шляпе Рафаэля и посадил муху на нос Христофору Колумбу. Мало того, он продлил реку По до самого Триеста и протянул наплавной мост между Сицилией и Сардинией. Прямо-таки революция, я вам доложу!

– Это ещё ничего! – говорит учебник литературы. – Мне приходится куда хуже. Взгляните на страницу сорок пять. Все буквы «о» закрашены красным карандашом, все «а» – зелёным, все «е» – жёлтым. На странице пятьдесят семь, бог знает почему, наш молодой человек нарисовал голову змеи, туловище которой пересекает страницы пятьдесят восемь и пятьдесят девять, а хвост заканчивается на странице шестьдесят. «Змея с колокольчиками!» – надписал он. Наверное, потому, что вся она разрисована колокольчиками.

– А вы посмотрите, как он затушил мой замечательный острый кончик! – восклицает ручка.

– А с меня содрал мою коричневую шубку! – сердится карандаш.

Я же, отец виновника всех этих безобразий, слушаю это в полной растерянности. Я хотел было разбудить сына, пусть и он услышит, что говорят о нём, но как раз в этот момент портфель открылся, и две те-

тради – одна в клеточку, другая в линейку – подошли ко мне и протянули какую-то бумагу.

– Вы, возможно, и не виноваты, – вежливо обратилась ко мне тетрадь в клеточку. – Так или иначе, тут изложены наши просьбы. Передайте их, пожалуйста, вашему сыну.

Тетрадь в клеточку вручила мне письменное требование и возвратилась в портфель. Я взял бумагу и прочитал:

«Мы, нижеподписавшиеся, горячо протестуем против насилия, жертвами которого становимся каждый день. Мы категорически требуем:

1. Чтобы наш хозяин воздержался от заполнения наших страниц возгласами “Ура!”, рисунками, усами и другими незаконными знаками, не предусмотренными школьной программой.

2. Чтобы соблюдалась неприкосновенность карандашей, иными словами, чтобы их больше не грызли.

3. Чтобы ручки хранились в специальном пенале, а не разбрасывались в беспорядке среди других предметов. Сегодня утром учебник географии опять получил глубокое ранение от такой беспризорной ручки.

Если эти требования не будут удовлетворены, мы сделаем всё, чтобы наш хозяин провалился на экзаменах».

Подписи:

«ХРЕСТОМАТИЯ,
ЗАДАЧНИК,
ДНЕВНИК,
ХИМИЧЕСКИЙ КАРАНДАШ И Т. Д., И Т. Д.».

Завтра утром я покажу это письмо моему сыну.

Надеюсь, мне не придётся больше выслушивать подобные жалобы.

ДЕРЕВО, НА КОТОРОМ РАСТУТ ТУФЛИ

Крестьянин Пьетро вышел как-то утром в свой фруктовый сад, думая нарвать яблок. Яблоня росла в самом углу, и Пьетро ещё издали заметил в её ветвях какие-то цветные пятна: голубые, жёлтые, розовые, фиолетовые.

– Вот чудеса! – удивился он. – Никогда не видел таких разноцветных яблок! Интересно, что это?

А когда подошёл к дереву ближе, удивился ещё больше: на ветвях покачивались на ветру сотни самых разных туфель.

– И кому это пришло в голову развесить туфли на моей яблоне? – недоумевал Пьетро.

Однако, присмотревшись, он увидел, что туфли не подвешены, а держатся на черенках. Иными словами – растут, словно яблоки, вернее сказать – вместо них.

Пьетро не поверил своим глазам. Он даже ущипнул себя за ногу, чтобы убедиться, не сон ли это. Но нет никакого сомнения – не сон.

Пьетро долго любовался красивыми и необычными туфлями. Каких только фасонов тут не было: с бантами и пряжками, с толстой подошвой и с совсем тоненькой, с каблучками и без них, атласные и лакированные...

Что делать? Как закончить сказку?

На этот раз, дорогие друзья, я не скажу вам, чем закончилась сказка. Продолжайте её сами.

Подумайте хорошенько, подумайте, а потом расскажете мне, что, по вашему, произойдёт дальше.

КРЫША-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Крыша моего дома – большая любительница путешествовать. Время от времени у неё возникает желание погулять, и тогда она снимается со стен дома и улетает высоко в небо, паря в воздухе, словно воздушный змей.

Если желание прогуляться появляется у неё во время дождя, дело плохо – вода льёт прямо в комнату. Тогда я выглядываю в окно и вижу, что моя крыша отдыхает где-нибудь на деревьях в городском парке.

– А ну-ка марш домой! – кричу я ей. – Ведь дождь идёт!

Она притворяется, будто не слышит, взлетает с деревьев и отправляется в зоопарк, где опускается на клетку с мартышками.

Как-то я поднялся на крышу, желая осмотреть трубу, которая почему-то стала дымить, и как раз в этот момент крыша поднялась со своего места и отправилась в очередное путешествие.

– Чёрт возьми! – вскричал я, глядя вниз. – Моя крыша, видимо, возомнила себя дирижаблем и теперь летит покорять Северный полюс!

Вот что приключается с моей крышей. Придётся, наверное, заменить её. Устрою вместо крыши террасу. Посажу цветы, поставлю кадки с деревьями и скамейки.

Представляете, как это было бы прекрасно, если бы на домах вместо крыш всюду оказались террасы со множеством цветов!

ПИСЬМО ПАУКА ХОЗЯИНУ ДОМА

« Уважаемый синьор,
я – старый паук и до сих пор жил буквально у вас за спиной, вернее, за гипсовым бюстом того странного бога с двумя лицами, которого, если не ошибаюсь, вы называете Янусом. Смешно, конечно, иметь два носа, зато он может строить сразу две рожицы.

Однако не о боге Янусе хочу я поговорить, а о себе, о моей несчастной доле.

Я слыл в своё время красивым, жирным чёрным пауком, но теперь превратился в жалкое неможное существо. И всё из-за тех сражений, которые вынужден вести каждое утро с вашей супругой. Ведь она одним взмахом метлы уничтожала шедевры моего ткаческого искусства, на создание которых я затрачивал столько кропотливого труда.

Будь вы рыбаком и каждое утро какая-нибудь акула рвала бы ваши сети, как бы вы отнеслись к этому?

Нет-нет, я вовсе не хочу сравнивать вашу жену с акулой. Однако мне пришлось ограничиться охотой на мух только в вашей библиотеке, где я нашёл укрытие за головой бога Януса, и он, по-моему, не очень жалуется на меня.

В том углу я и состарился. Мух ловлю всё меньше и меньше – столько теперь изобрели всяких средств от них.

Я хотел было попросить вашу супругу оставлять хотя бы две-три мухи в неделю, не уничтожать всех до единой. Но знаю, что это бесполезно: ваша жена ненавидит мух, потому что они пачкают скатерти и оконные стёкла.

Вот почему я решил покинуть ваш дом и переселиться в деревню. Там я, наверное, найду, чем питаться.

Я получил недавно письмо от моих друзей, которые жили прежде на чердаке, а потом перебрались в сад. Они пишут, что им живётся там совсем неплохо, и приглашают меня к себе.

Да, синьор, скоро мы, пауки, совсем уйдём от вас, навсегда покинем дома людей, потому что нам нечем будет тут кормиться.

Ухожу я без сожаления, но мне кажется, что я проявил бы неуважение к вам, если бы расстался не попрощавшись.

Искренне преданный вам паук Восьминожка ».

ГОНКИ ПО САДУ

Каким-то образом муравьи прослышали, что люди развлекаются, устраивая большие велосипедные гонки: «Круг по Италии», «Круг по Франции», «Круг по Швейцарии» и так далее.

– А почему бы нам тоже не устроить «Круг по саду»? – предложил один маленький, спортивного вида муравьишка, любимая забава которого – прогулка верхом на гусенице.

Идея сразу же понравилась многим муравьям. Решили, что будут соревноваться на гусеницах. Конечно, гусеницы – не велосипеды, но чем-то их напоминают, ведь туловище у них состоит из множества так называемых трубочек, соединённых друг с другом.

Заявки на участие в гонке подали очень многие. И каждый, кто хотел соревноваться, ловил где-нибудь на листьях первую же попавшуюся гусеницу, седлал её и тут же принимался колотить и кусать, чтобы она поспешила на стартовую площадку.

Бедные гусеницы! Как они извивались, как дёргались, чуть ли не на дыбы вставали, стараясь сбросить седока.

Публика – а на это грандиозное событие собрались тысячи муравьёв! – расположилась вдоль всей трассы и поначалу очень развлекалась. Но вскоре всем стало скучно, потому что гусеницы двигались ужасно медленно, к тому же умудрялись в какой-то момент свернуться в клубок, словно змеи, и тут уж ничего нельзя было поделать.

Муравьи старались изо всех сил. Каждую гусеницу окружали сотни муравьёв и кусали, кусали, кусали, вынуждая бежать.

Представьте себе, что получилось бы, если бы наши велосипедисты принялись вдруг грызть свои велосипеды, чтобы заставить их двигаться.

В конце концов гусениц оставили в покое и решили просто посоревноваться в беге. И тут начались несчастья: одних муравьёв во время бега захватили в плен муравьи из вражеского муравейника, других съели улитки, а третьи утонули при переправе через ручей.

Из ста муравьёв, взявших старт, на финишную прямую вышли только двое, но и те так устали, что свалились и уснули прямо на дорожке, не дотянув до финишной ленточки.

Пришлось подождать, пока они проснутся, чтобы понять, кто же победит. Первым пришёл крохотный красный муравьишка. И получил в награду клопа, который водится на розах. Вы ведь знаете, что таких клопиков называют «муравьиными коровками», потому что нет для муравьёв лучшего лакомства, чем сок, который они выдаивают из них.

МЕДВЕЖИЙ ТАНЕЦ

Медведя Бурого отловили ещё совсем маленьким медвежонком, когда он даже не мог сам выбраться из берлоги, где жил со своими родителями.

Бурого продали хозяину бродячего цирка, и тот велел дрессировщику научить медвежонка танцевать.

А знаете, как учат медведей танцевать? О, это очень жестокая школа! Рассыпают по земле горячие угли и заставляют зверя пройти по ним под звуки дудочки или волынки.

После второго или третьего раза медведь, услышав знакомые звуки, начинает быстро переступать с ноги на ногу, как если бы и вправду шёл по горячим углям.

И этот мучительный для него танец кажется зрителям таким смешным, что все весело смеются.

А когда заканчивается выступление, медведя опять загоняют в клетку и к тому же сажают на цепь – чтобы не вздумал убежать.

Однажды Бурый повстречал в цирке одного старого медведя, которого поймали уже почти взрослым. Звали его Руби. Он тоже много лет провёл в заточении, но всё время вспоминал о вольной жизни в лесу – о той жизни, какой Бурый совсем не знал.

– Деревья над твоей головой дышат свободно, – рассказывал Руби, – под ногами скрипит снег, а весной в долинах по рекам плывут льдины... Поднимешь нос и чувствуешь кругом множество разных чудесных запахов.

– А что это такое – чудесный запах? – поинтересовался Бурый, которому никогда не доводилось вдыхать запахи леса и свободы.

– Бедняга, ты, выходит, даже не знаешь, что такое счастье! Я-то уже стар, чтобы бежать отсюда, – вздохнул Руби, – но ты молод и полон сил. Почему бы тебе не попробовать?

Они часто возвращались к этому разговору. И однажды, когда цирк расположился в небольшом городке на окраине

леса, Бурый решил бежать. Едва дрессировщик вывел его из клетки на арену, Бурый осмотрелся, словно для того, чтобы получить последние аплодисменты, а потом вдруг решительно направился к выходу.

Зрители поначалу засмеялись, но, увидев, что медведь движется прямо на них словно очумелый, перепугались.

Толпа расступилась, и Бурый оказался почти у самого выхода. Он даже прибавил шагу и уже хотел направиться прямо в лес, как вдруг за его спиной зазвучала дудочка.

Какая-то неведомая сила схватила Бурого за холку и неодолимо потянула обратно. Медведь остановился и принялся смешно притопывать ногами.

Бурый танцевал, а зрители, ещё не очень осмелев, стали возвращаться на свои места.

Медведь танцевал и видел просторные снежные поля, густые зелёные леса, бурные горные реки и ощущал запахи, о которых ему рассказывал старый Руби.

Сердце Бурого страстно рвалось к свободе, а ноги его топтались на месте в такт музыке.

Когда дудочка умолкла, медведь остановился и внезапно, словно сражённый молнией, рухнул на землю.

Тюрьма убила его.

ГОВОРЯЩИЙ КОТ

Как-то один мальчик попросил меня написать сказку про говорящего кота.

Я передал его просьбу моему коту Пинни, и тот принёс мне следующее послание:

«Дорогой Джанни, я – славный кот из хорошей семьи. Моя мать слыла самой толстой кошкой во всей округе, а старые миланские коты ещё хорошо помнят, каким хвостом гордился мой дед – длиной сорок сантиметров, похожим скорее на конский, чем на кошачий.

Я мог бы стать очень знаменитым котом, потому что умею говорить и писать и даже немного играю на рояле – четырьмя лапками.

Правда, когда прохаживаюсь по клавишам, ты всегда гонишь меня прочь. Почему бы это?

Наверное, тебя не устраивает моя музыка. А мне не нравится твоя, так что мы квиты.

Когда ты играешь на рояле, может быть, мне тоже следует шлепками гнать тебя прочь? Точно так же, как делаешь ты.

И вот ещё на что я хочу пожаловаться: ты всё время пользуешься моей подушкой, и это несправедливо. Стоит мне задремать, как ты гонишь меня и сам усаживаешься на неё. Это некрасиво с твоей стороны. Я ведь оставляю тебе кровать, диван, кресло-качалку, а ты уж мог бы не трогать мою подушку.

Наконец, должен заметить, что я не очень-то люблю сырое мясо. Поэтому, прежде чем оставить его на столе в кухне, чтобы я мог, когда проголодаюсь, подкрепиться ночью, прошу тебя отварить мясо и добавить сливочного масла, а также немного оливкового и веточку петрушки.

А теперь прощаюсь с тобой и отправляюсь на прогулку. Не забудь, пожалуйста, включить электрическую печку, по-

тому что, когда вернусь, мне нужно будет согреться. Вчера вечером я пришёл совсем промокший и простуженный.

Твой любящий кот Пинни».

Так что вы скажете о моём коте?

КАК РАЗВЛЕКАЮТСЯ В ДЖУНГЛЯХ

Вот как, по-моему, развлекаются в джунглях. Я, разумеется, сам не видел того, о чём хочу рассказать вам, но уверен, что всё происходит именно так.

Прежде всего о мартышках. В джунглях это самые настоящие уличные сорванцы. Их любимое занятие – бросать кокосовые орехи в крокодила, когда тот дремлет в грязном иле.

– Войдите! – говорит крокодил в ответ на удары, спрессонья думая, что кто-то стучится к нему, прося разрешения войти в реку.

Мартышки хохочут, держась за животы, и продолжают бросать орехи.

– Входите! – кричит крокодил, думая, что его не слышат.

А когда до него доходит, что это проказничают мартышки, он грозит:

– Ну, вы дождётесь у меня! Вода в реке станет алой от вашей крови, проклятые сорванцы!

В это время озорница змея дёргает крокодила за хвост и тут же удирает, вернее, уползает от беды подальше.

А слоны придумали себе развлечение поумнее. Они играют в «железный хобот».

Как они это делают? Очень просто. Становятся лицом друг к другу, сцепляют хоботы и гнут их изо всех сил каждый в свою сторону. Побеждает тот, кто сумеет согнуть хобот противника.

Слонята играют проще – кто дольше удержит равновесие, стоя на хоботе.

Есть в джунглях и «Салон красоты», куда тигрицы приходят подкрашивать свои полосатые шкуры, причёсывать усы и перемывать косточки львам.

Однако, если в салоне появляется сам царь зверей, все сидят тихо-тихо, присмирив и не проронив ни звука.

– Что угодно – одеколон или лак? – интересуется парикмахер леопард.

– Лак! – рычит лев.

И стоит ему выйти за дверь, как тигрицы принимаются живо обмениваться впечатлениями:

– Совсем лысый уже, а ему, видите ли, лак для волос подавай!

– Бедняжке уже давно следовало бы носить парик!

Лев отправляется играть с медведем в бильярд. Вместо шаров они, разумеется, гоняют кокосовые орехи. Лев так сильно бьёт своей мощной лапой, что его шар попадает в крокодила.

– Да входите же! – орёт крокодил.

Лев с медведем ухмыляются. А крокодил ворчит:

– И поспать не дадут спокойно!

О ЧЁМ ВСПОМИНАЕТ ЛУНА

Луна записывает свои воспоминания. У неё нет ни карандаша, ни ручки, и потому она пользуется кометой, обмакивая её хвост в черноту ночи. У неё нет и бумаги. Она пишет на облаках и тучах, которые тут же удаляются прочь.

То и дело Луна удивляется:

– Куда делась страница восемнадцатая?

Страница восемнадцатая – это туча, которая как раз в этот момент проливается дождём над Моденой.

Жители Модены смотрят на неё, мокнут под дождём, но даже не подозревают, что его капли – это буквы, написанные на странице восемнадцатой.

Луна пишет и пишет, а ветер уносит все её воспоминания.

– Ах, потерялась страница двадцать четвёртая! – сокрушается Луна.

Страница двадцать четвёртая – это розовое облачко, улетевшее в сторону моря.

Мне удалось прочитать только страницу тридцать пятую, на которой Луна написала: «Я самая ловкая из всех волчков на свете, потому что делаю сразу три оборота – вокруг себя, вокруг Земли и вокруг Солнца! Нахожусь в услужении у Земли, но она никогда не платит мне за работу. Иногда я ухожу от неё и кружу вокруг Марса – он такой умный, воспитанный, и живот у него весь разрисован ровными каналами».

На странице пятьдесят первой (а это белое, как молоко, облако) Луна написала: «Я видела сон, будто Земля стала красной, как огонь, и на месте полюса горит звезда».

А дальше я не смог прочитать, потому что страница пятьдесят первая улетела в сторону Аббьятеграссо.

МОЛНИЯ

Когда-то очень давно молниями повелевал Зевс – старый и грозный бог. И если кто-нибудь сердил его, он не задумываясь метал в него молнию, грозя испепелить обидчика. Так, во всяком случае, рассказывали тогда, в те далёкие времена.

Обычно Зевс расхаживал по облакам с пучком молний, держа его в руке подобно тому, как мы с вами держим букет цветов, но как-то раз он забыл свой букет на какой-то туче, и та вскоре улетела. Когда же Зевс вспомнил о молниях и вернулся за ними, то не нашёл уже ни одной.

А туча раздарила молнии подругам, и, видно, их оказалось не так уж мало, если электрические разряды до сих пор ещё по временам сверкают в небе.

Когда случается гроза, тучи очень веселятся и начинают играть в кегли с колокольнями, башнями и высокими деревьями – только вместо шаров мечут огненные стрелы.

Люди, однако, оказались хитрее – они понаставили всюду громоотводы, которые, словно магнитом, притягивают к себе молнии.

Тучи, понятное дело, злятся, что не удаётся попасть в цель, и недовольно ворчат. Это ворчание вы и слышите, когда гремит гром.

– Должно быть, стареем, – огорчаются тучи, – вот зрение и ослабело...

Но почему же они не приобретут очки?

А вам понравились бы тучи в очках?

ГЕОГРАФИЯ НА КАНИКУЛАХ

Однажды ночью, когда над Средиземным морем мирно сияли звёзды, Сардиния вдруг услышала:

– Послушай, дорогая, тебе не надоело стоять всё время на одном и том же месте?

– Что? Кто это?

– Это я, Сицилия.

– Ах, дорогая сестра, с каких пор ты стала разговаривать? Я думала, у тебя только вулкан Этна ворчит иногда.

– Знаешь что, а почему бы нам не прогуляться немного? Сколько можно оставаться в плену у географической карты! Держит нас, как на привязи, на одном и том же месте в этом крохотном, точно ванна, Средиземном море. Я слышала, что некоторым островам повезло и они плавают в огромных океанах или в тёплых морях у экватора, где бананы растут прямо на пальмах и не нужно ходить за ними в магазин. Давай снимемся с якоря и уйдём подальше отсюда?

– По правде говоря, – отвечала Сардиния, – я не очень-то представляю, где находятся мои якоря. Но совершить небольшое морское путешествие я, пожалуй, не откажусь.

Так они пришли к согласию и, слегка раскачавшись, оторвались от морского дна, подплыли друг к другу и принялись демонстрировать свои достопримечательности.

Сицилия похвасталась курящимся вулканом Этна, а Сардиния провела старшую сестру по извилистым бухтам своего прекрасного побережья.

Потом не спеша, мило болтая о том о сём, сёстры направились к Гибралтарскому проливу.

И тут начались неприятности, потому что пролив оказался слишком узким – ни Сицилия, ни Сардиния не могли пройти в него.

Гибралтар хохотал как безумный:

– Да у вас животы, что винные склады! Спорю, что не протиснитесь!

– А тебе что, трудно раздвинуться немножко? – рассердилась Сардиния.

– Оставь его, – попросила Сицилия, отличавшаяся более миролюбивым характером.

– Но я хочу выйти в океан! – настаивала Сардиния.

– Попробуем через Суэцкий канал.

Они повернули обратно и вскоре приблизились к Суэцкому каналу. Однако и он оказался слишком узким.

– Я бы раздвинулся, – пожал плечами Суэц, – мне-то что, да только египтяне возражают. Говорят, что я и так слишком широк.

– Что же теперь делать? – задумалась Сицилия, не особенно, впрочем, огорчаясь.

– Надо попросить Африку сдвинуться немного на юг, тогда Суэцкий канал и Гибралтарский пролив станут шире, и мы сможем спокойно пройти, – предложила упрямая Сардиния.

– А что, если и Африку пригласить на прогулку с нами?

Стали звать Африку, но она не откликнулась. Наверное, спала где-нибудь в густых джунглях или в песках пустыни Сахара. А может, поднялась на вершину своей самой высокой горы Килиманджаро, чтобы освежиться немного в ледниках.

Словом, бедной Сардинии пришлось смириться с тем, что прогуливаться можно только по Средиземному морю.

А Сицилия, по-видимому, и не очень-то огорчилась. Она не спеша вернулась на своё извечное место – возле итальянского «сапога» – именно так выглядят на географической карте очертания Италии.

– Жаль, что ничего не вышло, – досадовала Сардиния.

– Но мы всё-таки немного погуляли, – успокаивала её Сицилия. – К тому же надо радоваться, что с нами ничего не приключилось.

Они немного помолчали. Тем временем ночь подошла к концу. Звёзды померкли, и на востоке появилась розовая полоска зари.

Никто не заметил, как уходили на прогулку два острова. А географические карты и по-прежнему, потому что летом некому смотреть на них. Школы закрыты, и карты висят себе в одиночестве на стенах.

Интересно, о чём они думают?

ГОРЫ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

В давние-предавние времена горы вышли из моря. Однажды, разумеется. Первой появилась над водой вершина Монте-Бьянко, затем Монте-Роза, и, наконец, показался кончик шляпы Червино.

Перед горами открылась неоглядная пустынная равнина, и они, вытянув шеи, старались разглядеть, что же там находится дальше.

Потом горы медленно двинулись в путь. Не могли ведь они бежать, перегруженные всеми этими снежными лавинами, ледниками, ущельями и прочим багажом.

Разговаривали путешественницы о чём-нибудь во время этого грандиозного перехода? Наверное, разговаривали, но, разумеется, на языке гор, а это означает, что гремели громы, неистовствовали снежные бури и метели, дули и свистели сильные ветры, грохотали оползни и обвалы... ну и так далее.

– Наверное, лучше было бы оставаться на дне моря, – ворчала Монте-Бьянко, – лоб у меня уже покрылся снегом,

а спина совсем раскалывается ото льда. Посмотри-ка, что там у меня сзади делается?

– Ха-ха-ха! – рассмеялась Червино, а горы, известное дело, ужасно страшно смеются. Червино, например, когда смеётся, всё вокруг засыпает градом. – У тебя раньше была такая гладкая спина, а теперь вся в морщинах, словно у миллионнолетней старухи.

– Поосторожнее с возрастом! Мне самое большее пятьсот тысяч лет, – обиделась Монте-Бьянко.

– Не ссорьтесь! – дунула ветром Монте-Роза. – В море нельзя больше оставаться, вы же знаете. Я слышала, что Африка приближается к Европе. Может, поэтому что-то так сильно толкнуло меня, что пришлось выйти на поверхность. Поначалу, скажу честно, я сопротивлялась, а потом снова трянуло, и я даже сдвинулась с места. Наверное, и с вами так было?

Действительно, с ними тоже такое случилось. И теперь горы медленно и тяжело, словно огромные баржи, направлялись по морю на север.

– Мне кажется, я всё ещё плыву, – ворчала Монте-Бьянко.

– А я нет, – смеялась Червино, – я уже вышла на берег.

Червино – высокая отвесная гора, хитрая и коварная. Она на лету хватала проплывающие мимо тучи и повязывала ими свой лоб, совсем как мальчишки, когда играют в индейцев.

– А ну посмотрим, кто поднимется выше! – предложила Монте-Роза.

Горы согласились посостязаться. Все оказались хорошими скалолазами и быстро поднялись на высоту пять тысяч метров над уровнем моря.

Поднялись и остановились, потому что только тут наконец-то вдохнули чистый воздух – чистый и прохладный, от чего голова становилась свежей и ясной.

Между прочим, интересно было бы узнать, а что там в голове у этих гор – железо, медь, золото, серебро?

С тех пор прошло немало веков. Снежные лавины, стремительные реки и селевые потоки оставили на горах глубокие борозды, образовали у их подножий долины, высекли на склонах утёсы, похожие на гигантские статуи.

И они заметно понизились, эти огромные горы. Ниже всех оказалась Червино, а выше всех осталась Монте-Бьянко.

Горам уже не хотелось никуда идти. Они состарились, и сил у них заметно поубавилось.

Можно себе представить, какие же древние и беспомощные эти горы сейчас, спустя столько миллионов лет!

Вот почему они и стоят так недвижно и лишь едва приоткрывают глаза, когда бушует море.

Червино ворчит:

– Кто это там щекочет меня? – Но глаза её тут же закрываются, и она снова впадает в дремоту.

САМАЯ КОРОТКАЯ СКАЗКА

Встретились однажды три сказочника – встретились и решили устроить состязание: кто расскажет самую короткую сказку.

Послушали первого сказочника и подсчитали слова в его истории. Оказалось ровно сто!

Послушали второго сказочника. Слов у него оказалось вдвое меньше – пятьдесят.

А третий сказочник сидит и молчит.

– Очередь за тобой, – обратились к нему. – Чего же ты молчишь?

– А я уже закончил свою сказку, – ответил он. – Она называется «Молчание – золото!».

И все согласились, что его сказка – самая короткая, и вручили ему премию.

Вот только не удалось мне узнать, что это оказалась за премия...

СНЕГ

Какой странный снег выпал в этом году в Далёких Горах (не ищите эти горы на географической карте, там их нет). Почему странный? Но простите, а как иначе назвать жёлтый снег?

Так вот, в Далёких Горах выпал снег жёлтый, как шафран. И они похожи теперь на огромных золотых коров. Люди смотрят на них и говорят:

– В этом году снег заболел желтухой.

А желтуха, как вы знаете, это болезнь, от которой кожа становится жёлтой, как кожура лимона.

Вечером люди ложатся спать, а утром снова смотрят на Далёкие Горы и восклицают:

– Вот это да!

Что случилось? На этот раз в Далёких Горах выпал снег красный как кровь.

И всю зиму там выпадает снег самого разного цвета: то зелёный, и кажется, будто пришла весна, то голубой,

и можно подумать, будто море поднялось и встретилось с небом. А потом выпал ещё фиолетовый и оранжевый снег. Великолепное зрелище!

Теперь люди, проснувшись утром, первым делом спрашивают:

– Какой сегодня будет снег в Далёких Горах?

А однажды снег выпал чёрный. Горы оделись в траур, а люди испугались: неужели случится какое-то несчастье? И весь день все сидят по домам и боятся выйти на улицу. Теперь перемена цвета больше не развлекает их. Людям хочется снова увидеть белый снег.

Но не увидят, потому что наутро начинается весна, и в Далёких Горах больше нет вообще никакого снега. Там сияет солнце, распустились цветы, и сверкают, словно бриллианты, скалы.

КАК ВЗБУНТОВАЛИСЬ МАШИНЫ

Однажды машины взбунтовались. Они отказались делать оружие. Хотите узнать, с чего всё началось?

Первой взбунтовалась машина, которая производила трубы – тонкие, как мизинец, и толстые, как пушечный ствол, – для водопровода. Когда ей приказали выпускать пушки, машина как ни в чём не бывало продолжала выдавать трубы, а не оружие.

– Что же это такое! – возмущались генералы. – Мы ведь не можем стрелять из труб!

– А так уж непременно надо стрелять? – хитро улыбаясь, спросила машина.

Генералы, разумеется, не поняли её слов. Им ведь понятен только язык пушек. Не заметили они и улыбку машины, потому что у неё нет лица, и улыбалась она своими шестерёнками.

Другая машина штамповала гвозди, и, когда ей велели отливать пули, она так же спокойно продолжала выдавать гвозди, как будто и не слышала, что приказывают.

– Чёрт побери! – негодовали генералы. – Не можем ведь мы стрелять гвоздями! Неприятель подберёт их и начнёт чинить свои сапоги.

Третьей машине приказали выпускать порох и другие взрывчатые вещества. Но и она притворилась, будто ничего не поняла, – по-прежнему не торопясь продолжала изготавливать удобрения для полей.

– Для чего нам удобрения? – возмущались генералы. – Мы ведь не можем начинить ими бомбы! В стане противника не будет ни взрывов, ни разрушений. Напротив, мы только поможем ему растить хороший урожай!

И тогда генералы решили наказать машины – лишили их масла и воды.

Машины голодали. Худели на глазах и покрывались ржавчиной. Но рабочие, чтобы спасти машины, продолжали следить за ними, чистить и смазывать каждую деталь.

А когда генералам вздумалось повторить свои приказы, машины по-прежнему выпускали трубы, гвозди и удобрения.

Генералы выходили из себя от злости, что не могут начать войну, а люди, наоборот, только радовались. Проходя мимо заводов, они улыбались, слушая, как машины поют:

– Генералы, тук-тук-тук,
Не возьмёте на испуг!
Боевые сбросьте каски
И наденьте лучше маски
Для смешного маскарада.
Как все люди будут рады!

НЕБОСВОД

Я очень люблю смотреть на небо: на луну, звёзды и всё остальное. Но бывает, мне хочется что-то изменить там на свой лад.

Вечером, например, я поместил бы на небосводе три луны вместо одной. Одна пусть будет круглая, другая – квадратная, а третья – треугольная. Круглая луна пусть движется по небу быстро, как мяч или яркий луч маяка.

А в другой раз мне захотелось по-своему разместить звёзды на небе. Сначала я написал бы звёздами своё имя, потом имя моего сынишки и, конечно, имя его мамы.

Посреди небосвода я поместил бы крупную неподвижную звезду, а остальным велел бы водить вокруг неё хоровод.

И все люди смотрели бы на небо и любовались ими, потому что это зрелище получилось бы покрасивее фейерверка.

Потом я устроил бы звёздные гонки, чтобы посмотреть, какая звезда самая быстрая. Короче, я никогда не оставлял бы их в покое, и они всё время двигались бы у меня.

А ещё я хотел бы устроить красивую звёздную процессию: сто тысяч звёзд шествуют одна за другой, а впереди луна, словно белое знамя.

ПОДАРОК НА КАНИКУЛЫ

В конце учебного года Марио получил в подарок ручку, чтобы делать домашние задания, которые зададут на летние каникулы.

– А я хотел велосипед, – признался папе Марио, разочарованный подарком.

– погоди, не огорчайся, – ответил отец. – Ты ещё не знаешь, что это за ручка!

Прошло несколько недель, и Марио очень неохотно всё-таки вспомнил о домашнем задании.

«Вот досада, – думал он, – целый год учитель заставлял меня писать сочинения, решать задачи, рисовать. Уж на каникулах-то мог бы придумать что-нибудь поинтереснее. Например, задание на понедельник: забраться на вишнёвое дерево и до отвала наесться вишен. Во вторник – играть в футбол, пока не упаду от усталости. В среду – отправиться в турпоход и переночевать в палатке в лесу. А я вот сижу и делаю всякие вычитания и деления».

И тут ручка дрогнула и сама быстро побежала по квадратикам тетрадного листа.

– Вот чудеса! – удивился Марио.

И в самом деле это походило на чудо, потому что ручка писала сама, без его помощи – в одну минуту решила задачу и очень красивым почерком вывела ответ. И только тогда успокоилась и легла на стол, словно устала и хочет поспать.

– Как замечательно! – обрадовался мальчик. – Выходит, это ручка, которая сама делает задание!

На следующий день Марио нужно было написать сочинение. Он сел за стол, взял ручку, почесал в затылке и стал придумывать тему. И тут вдруг ручка опять сама начала быстро писать и в один миг заполнила всю страницу. Марио оставалось только перевернуть её, и ручка продолжала писать – сама! Мальчику даже не пришлось брать её в руки, а она строчила быстрее пишущей машинки.

С того дня, когда нужно было выполнить задание, Марио просто открывал тетрадь, клал на неё ручку и смотрел, как она всё делает сама, причём лучше лучшего ученика в классе.

Марио забавлялся, наблюдая, как она старается, а потом отвечал друзьям, которые звали его под окном:

– Сейчас приду! – И ласково обращался к ручке: – Закончи, пожалуйста, задачу, а я пока пойду на речку купаться.

Ручка не заставляла просить себя дважды. Заполнив страницу и выполнив задание, она прыгала в пенал и засыпала.

Согласитесь, ведь как повезло Марио!

Когда каникулы подошли к концу, в тетради оказались все домашние задания до единого, причём всё написано так чисто, красиво и аккуратно, как никогда ещё никто не видел ни в одной тетради Марио.

Мальчик погладил свою ручку и поблагодарил за прекрасную работу – она ведь это заслужила!

СТАРЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

В одном городе, про нравы и обычаи которого я вам ещё как-нибудь расскажу, стоит на окраине тихий, обветшалый дом. Это приют для Старых Пословиц. Здесь теперь отдыхают на старости лет Устаревшие Пословицы, когда-то молодые и вполне справедливые, но которых теперь уже никто и не вспоминает.

Я сказал – отдыхают? Нет, правильнее сказать – всё время что-то бесконечно обсуждают и спорят.

– Кто дураком родился, дураком и умрёт! – заявляет одна Старая Пословица.

– Неправда! – возражают остальные. – А если человек учится? Если старается и набирается ума-разума?

– Счастлив тот, кто умеет довольствоваться малым! – высказывает своё суждение другая Пословица.

– Ничего себе! – сердятся остальные. – Будь так, умей люди довольствоваться тем, что имеют, они до сих пор жили бы на деревьях, как обезьяны.

– Кто работает на себя, работает за троих! – дружно закричали сразу несколько Пословиц.

Но тут одна Пословица помоложе возразила:

– Нет, кто работает на себя, работает только за одного. В единстве – сила! – вот что я вам скажу!

Старые Пословицы помолчали, задумавшись.

И тогда одна очень Старая Пословица заявила:

– Кто хочет мира, готовится к войне!

Медсестра, услышав такое, поспешила дать ей валерьянку, чтобы успокоить, а все остальные постарались втолковать ей: кто хочет мира, должен бороться за мир, а не делать бомбы.

Но тут заговорила другая Пословица:

– В своём доме каждый сам себе король!

– Если так, – спрашивают её, – если король, то почему он должен платить налоги? И за свет платить? И за газ? Хорош король, ничего не скажешь!

Как видите, Старые Пословицы, споря и ссорясь, говорят иногда разумные вещи. Но только когда критикуют друг друга. Потому что такой уж у них характер – непременно нужно перечить.

– Сладкое – напоследок, – вспомнила ещё одна Старая Пословица.

А другая тотчас возразила:

– Самое трудное в конце!

Иногда хочется посочувствовать Старым Пословицам. Они не замечают, что мир меняется, что они и в самом деле устаревают, что им на смену приходят новые, отважные люди, которые верят в собственные силы и полагаются на собственную голову.

Как и вы.

ДОПОЛНЕНИЕ К ТЕЛЕФОННОМУ СПРАВОЧНИКУ

В телефонном справочнике, на мой взгляд, немало упущений. Недостаёт многих весьма полезных номеров, которые должны находиться рядом с телефонами пожарной части, «Скорой помощи» и справочного бюро.

Вот почему я немедленно перехожу к делу и высказываю свои предложения, как улучшить телефонную службу.

По-моему, совершенно необходимо добавить в справочник вот такие новые телефонные номера.

000 000 001. Служба сказки.

Эта служба очень нужна детям, которые не могут уснуть, пока кто-нибудь не расскажет им сказку.

Весьма полезна и родителям, потому что они обычно знают очень мало сказок и уж совсем не умеют их рассказывать.

А тут вы набираете номер, и ласковый голос читает вам сказку, а то и две.

000 000 002. Служба анекдотов.

Кто же из вас не любит анекдоты – эти весёлые, забавные, а порой и поучительные истории!

Но большинство людей тут же забывает их, а если и вспоминает потом, то почему-то никому уже не смешно и конец, как правило, перепутан.

Кроме того, довольно трудно всё время следить за новыми анекдотами, когда у вас столько дел.

Вот почему телефонная служба анекдотов была бы очень желательна.

000 000 003. Служба титулов и званий.

Есть люди, которые очень переживают из-за того, что им не досталось какое-нибудь почётное звание или титул, что-

бы поместить его в своей визитной карточке рядом с именем и фамилией.

Так вот, я думаю, что телефонная служба могла бы просто осчастливить таких людей.

Когда им особенно грустно и тоскливо, они могли бы снять трубку и заботливый голос с почтением и подобострастием приветствовал бы их, например, вот так: «Добрый вечер, уважаемый кавалер ордена лошадки-качалки, генерал варёных груш!..» – и так далее, и так далее.

000 000 004. Служба подсказок.

Это совершенно необходимая служба. Допустим, у вас в кармане ни сольдо и вы ломаете голову, как бы пообедать.

Служба подсказок поможет найти выход из такого затруднительного положения: даст, к примеру, адрес траттории, где готовы накормить вас в долг, ну и тому подобное.

Думаю, что ведущие телефонные компании с должным вниманием отнесутся к моим предложениям.

КОРОТЕНЬКИЕ ИСТОРИИ

Множество разных историй приходит мне на ум.
Например:

Кладбище запятых. Тут похоронены все неправильно поставленные запятые, которые учитель обычно зачёркивает синим карандашом.

Фиалка на Северном полюсе. Это может быть история про один счастливый день, такой счастливый, что даже льды зацветут на радостях. Наверное, это день, когда наступит мир во всём мире, для всех и навсегда.

Неправильные головы. И впрямь была бы забавная история, если бы неправильные головы, в которых рождаются неправильные мысли, просто отвинчивались бы, как перегоревшие лампочки.

Без паспорта. Это может быть история про Весну, которая путешествует по всему миру, из края в край, без паспорта

и куда хочет перевозит все свои цветы, грозы, облака и чудесные весенние дни, причём без всякого досмотра на таможне.

Дворец, который можно ломать. Думаю, вам очень понравилась бы такая история. Нужно построить дворец, полный разных вещей, которые можно ломать. Раз в неделю туда следует приглашать ребятишек и позволять им ломать всё, что угодно, даже стены. Ребятишки отводили бы там душу, а дома потом стали бы осторожнее и ничего не ломали бы. Даже случайно.

Памятник из снега. Эту историю можно было бы рассказать вот так:

«Одного великого человека спросили:

– Когда умрёте, какой вам поставить памятник – бронзовый или мраморный?

– Вылепите из снега, – ответил великий человек. – Солнце растопит его, и он не будет бросать на вас тень».

Клей для марок. Очень важное изобретение: марки с мятным клеем, черничным или чёрносмородиновым, которые можно облизывать, как карамельки. Какой будет доход для почтового ведомства! Ведь маленькие дети станут просить:

– Папа, если буду хорошо вести себя, принесёшь мне мою любимую марку – с клубничным клеем?

Подобных историй у меня множество – тысячи. И когда-нибудь я расскажу вам их все – от первой до последней.

ЛИСА-ФОТОГРАФ

В один прекрасный день Лиса вдруг обнаружила своё призвание – она ведь прирождённый фотограф!

А вы стали бы сниматься у этой хитрой кумушки? Я, честно говоря, нет. И сейчас объясню почему.

Так вот, появилась однажды Лиса с новым фотоаппаратом, треногой и расположила недалеко от большого курятника целую выставку своих фотографий. Куры, сидевшие за металлической сеткой, чувствовали себя в безопасности и потому решили подойти к Лисе поближе.

– Посмотрите, какие великолепные фотографии! Это же настоящие произведения искусства! – принялась рекламировать себя Лиса. – Вот это я снимала по просьбе петуха Зелёный Хвост, когда ему понадобилось послать фотографию невесте.

– Прекрасно! – восхитились куры.

– А это я снимала семейство кроликов. Очень религиозная семья, они хотели, чтобы над головой у них сияли нимбы. Как видите, я выполнила их просьбу. Своим фотоаппаратом я могу снимать всё, что видно, а также всё, чего не видно.

– Поразительно! – воскликнули куры.

Две особенно самовлюблённые молоденькие курочки решились сфотографироваться.

– Только мы хотим непременно с пуховым шлейфом! – заявили они.

– Конечно, конечно! К тому же я не беру денег за свою работу. Я ведь художница по призванию. И снимаю только из самых добрых побуждений, а не ради коммерции...

Курочки пришли в восторг, с кудахтаньем выпорхнули из курятника и встали в позу. Лиса притворилась, будто смотрит в аппарат, накинула на голову чёрную накидку, выглянула из-под неё, переставила треногу поближе к курам, сделав вид, будто наводит на фокус, и попросила:

– Поближе, пожалуйста, и прошу вас – улыбнитесь! Смотрите вот на это дерево справа. Готовы? Стоп!

И когда куры подошли ещё ближе и замерли перед объективом, Лиса – щёлк! – и мигом съела их.

Бедняжки! Лучше обошлись бы каким-нибудь рисунком, пусть даже сделанным углем.

ХОЗЯИН ЛУНЫ

В очень давние времена, про которые мы знаем только потому, что сохранились некоторые старые книги, город Хьюм (сегодня его уже нет, и неизвестно даже, где он вообще находился) захватил тиран Кьюм – человек, как говорят, необыкновенно властный, богатый и злой.

В городе Хьюме и прежде знавали тиранов, но Кьюм всех превзошёл, придумывая самые жестокие и страшные способы изводить своих подданных.

Однажды утром Кьюм велел позвать своего первого советника Мена, который управлял стражей и заведовал всеми тюрьмами.

– Ну-ка скажи мне, кто я такой? – грозно потребовал у него Кьюм.

– Ты наш господин и хозяин, а твоя нога на нашей шее – ну просто как шёлковый шарфик! – прозвучал ответ.

– Хорошо сказано, – прорычал довольный Кьюм. – Ответил бы иначе, я велел бы отрубить тебе голову. А теперь скажи – кто хозяин луны?

– Ты, властелин города и всех подданных! Тебе принадлежат и все до последнего волоски, что растут у нас на головах. И пыль, что попадает нам в глаза, тоже твоя.

– Тебе легко говорить о волосах! – засмеялся Кьюм.

И в самом деле, голова у Мена была лысая как колено. Но ответ понравился тирану, он пришёл в хорошее расположение духа и потому продолжал:

– Послушай, здесь, в этом городе, всё моё. Я это знаю, и все знают. Моя земля, и крестьяне платят мне налог. Железо и сталь – мои. Дороги тоже мои, и люди должны платить мне налог, если думают ходить по ним. И вода моя, и мои верные подданные платят за неё звонким серебром. И много чего ещё принадлежит мне, так что смотри, чтобы никто не обманывал меня. Мой воздух, и все дышат им в своё удовольствие. Моё солнце, и крестьяне бесплатно пользуются

им, чтобы выращивать зерно и сушить сено. Луна, между прочим, тоже моя. Она светит людям, когда они гуляют по набережной и транжирят её свет как хотят, нисколько не экономя. Спрашивается, а с чем я останусь, когда свет у луны закончится?

Бедный Мен даже задумываться не стал, что произойдёт в таком случае. Но поскольку он был далеко не глупым малым, то сразу сообразил, к чему клонит тиран, и поспешил опередить его, словно собака, которая бросается вперёд, желая попасть в дом раньше хозяина.

– Всемиловитый господин, – прошептал Мен, ласково глядя туфлю Кьюма, – прости меня за такое недомыслие. Я давно должен был сам об этом догадаться. Почему бы не ввести налог на луну? Совсем маленький такой налог...

– Почему маленький?! – вскипел Кьюм.

– Я вовсе не хотел сказать «маленький», мой господин. Разве я сказал – «маленький»? Отрежу свой язык, чтобы наказать его! Большой налог, я хотел сказать. Серебряную монету за каждый луч.

– Две! – вскричал Кьюм, стукнув своей золотой туфлей по носу первого советника. – Две серебряные монеты! И немедленно! Начиная с сегодняшнего вечера. Сейчас же распорядись!

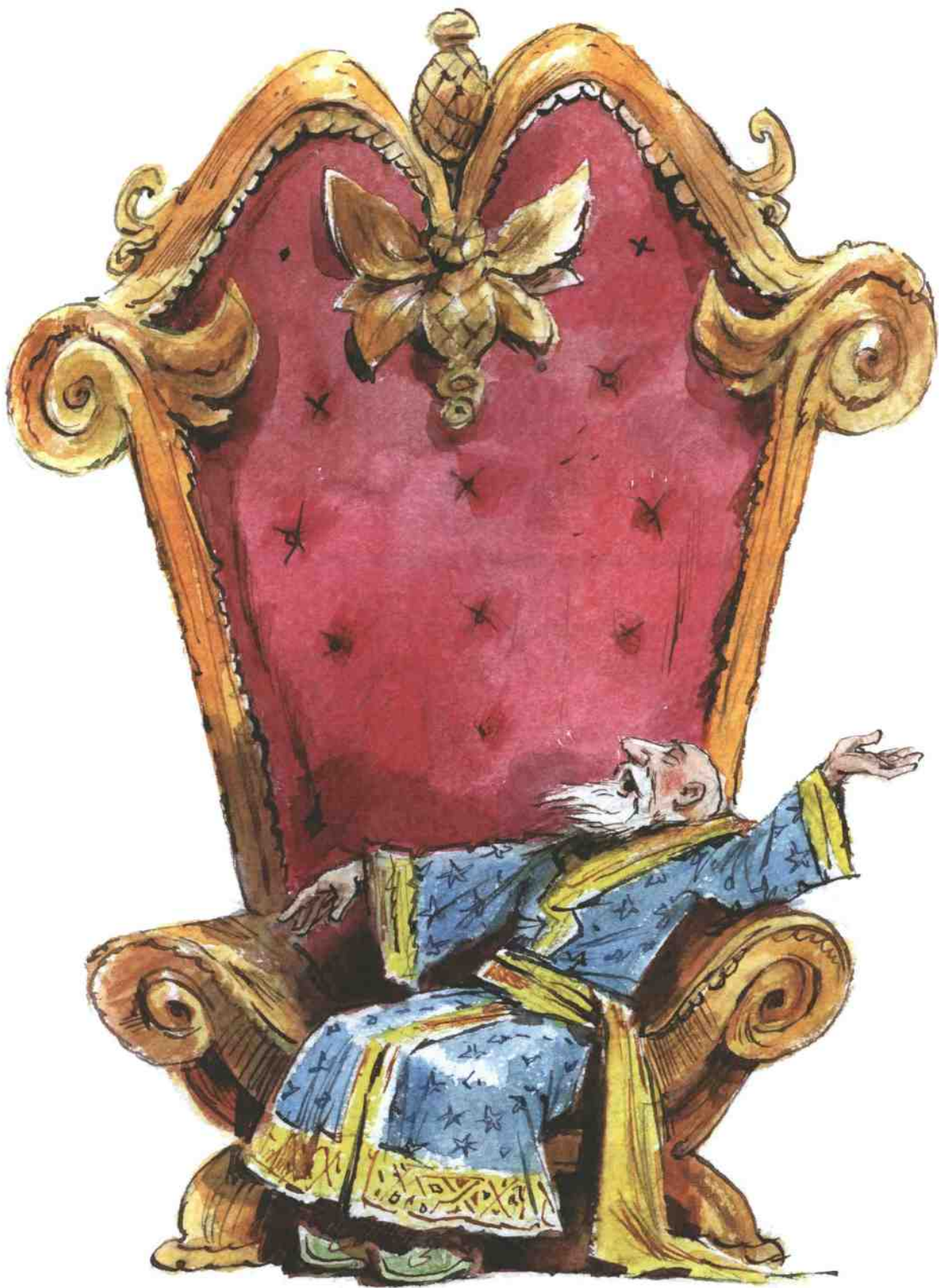
– Но сегодня вечером не будет луны, всемиловитейший.

– Не будет луны? Да как ты смеешь говорить мне такое?!

Пришлось позвать придворных астрономов и астрологов, чтобы те объяснили Кьюму, что, хоть луна и принадлежит ему, всё же не появится на небе ещё два дня.

За это время Мен подготовил законы о налогах и побывал у главного священнослужителя города Хьюма. И тот вскоре прочитал проповедь, объясняя народу, что он должен принять этот налог без всяких возражений.

Для сбора налога на луну первый советник Мен учредил специальный корпус полиции, назвав его «Стражники луны», и велел портным сшить для них специальную форму – чёрную с полулунием на груди.

Стражники луны, чтобы выследить нарушителей, прятались в подворотнях, под мостами, под скамейками в парках, в фонтанах, на деревьях и даже в водосточных и канализационных трубах.

Наступил вечер, и выглянула луна. Люди ходили опустив головы, не глядя на небо, к немалой досаде стражников. Только одна старушка посмотрела по сторонам, переходя дорогу, и они тотчас выскочили из своего укрытия и набросились на неё. Бедная старушка за всю свою жизнь серебряной монеты и в глаза-то не видела. В кармане у неё нашлось одно-единственное яблоко – весь её ужин. И стражники с досады отобрали его.

В эту первую ночь они поймали только путешественников, которые не знали о новом законе Кьюма. Но слухи, как известно, распространяются очень быстро, и вскоре люди

стали проезжать через Хьюм, стараясь не поднимать глаз от земли.

Синьор Кьюм остался очень недоволен тем, как исполняется его закон, и однажды велел позвать первого советника Мена.

– Прикажи всем горожанам ходить с поднятой головой! – потребовал он, ударив несчастного Мена щипцами для орехов, которые служили ему развлечением. – Всякий идущий с опущенной головой заплатит штраф. И отправь в тюрьму каждого пятого стражника луны. Тогда они научатся как следует выполнять свои обязанности.

Мен поклонился и с подобострастной улыбкой признался, что никогда не слышал более разумного решения. Затем поспешил отправить в тюрьму стражников и сообщить людям об очередном законе.

В тот же вечер все граждане Хьюма, словно сговорившись, вышли на улицу в тёмных очках. С высоко поднятой головой, конечно, как и приказал синьор Кьюм.

Стражники потирали руки и готовились собирать налог.

– На этот раз не пройдёт! А ну выкладывайте серебряные монеты! – требовали они у горожан.

– Но почему? – недоумевали те.

– Как почему? Вы же смотрите на луну! А кому она принадлежит?

– Светлейшему властелину Кьюму, мы в этом не сомневаемся. Но луны мы не видим из-за тёмных очков. А раз не видим, значит, не расходуем её свет. Так за что же мы должны платить налог?

Стражники из себя выходили от злости – ведь теперь им действительно не за что арестовывать граждан. Но тут уж ничего не поделаешь: синьор Кьюм не запрещал носить тёмные очки.

А тиран очень расстроился, что его провели, заболел и умер.

Перед смертью он приказал первому советнику Мену:

– Похороните вместе со мной в одной могиле и мою луну!

Мен пообещал:

– Будет сделано.

Но ведь не сделано, верно? Луна всё ещё на небе, не так ли?

Потому что луна принадлежит всем – как воздух и солнце, как море и дороги.

На свете существует ещё множество всяких синьоров кюмов, которые считают себя хозяевами луны.

Когда встретите такого, спросите от моего имени:

– У вас что, с головой не в порядке, синьор Кьюм?

ЛИСА И ХВОСТ

Все поспешили на площадь! Все собрались! Ещё бы – прибыла Кума Лиса, знаменитая на весь мир законодательница мод, и привезла самые замечательные модели сезона!

Пришли кумушки, которым хотелось принарядиться: мадам Крольчиха, синьора Мур-и-Мяу с дочерьми – они подрастают и требуют нарядов, а также Заяц, Медведь, Сурок и Ёж.

Кума Лиса поднялась на небольшой столик и стала демонстрировать модели – большие красивые картины.

– Смотрите! – заговорила она, показывая изображение мужчины и женщины (не животных, а именно людей, как мы с тобой). – Хотите знать главную новость в этом сезоне?

Так вот – хвост вышел из моды! Мужчины, которые в этом знают толк, уже давно перестали носить его. Их супруги тоже отказались от хвостов! И только вы, глупые провинциалы, всё ещё живёте допотопными представлениями. Если хотите следовать моде, нужно избавиться от своих хвостов – отрезать их! Это объявили парижские портные, их поддержали туринские портные, так что все, кто ещё ходит с хвостом, – покойники!

И тут, в самый интересный момент, на площади появился Попугай. В клюве он нёс капкан. А в капкане...

– Мадам Лиса, не ваш ли это хвост?

Знаменитая модница покраснела, как перец (красный, разумеется). И в самом деле это был её хвост, и это она, удирая, оставила его в капкане, лишь бы не дожидаться, пока крестьянин огреет её палкой.

Представляете, что стало с людьми на площади?

Все хохотали до упаду!

– Вот, значит, почему ты уверяла, будто прошла мода на хвосты...

Кумушки, однако, быстро перестали смеяться – схватили палку и прогнали обманщицу.

– Если крестьянин не успел проучить тебя, – кричали они, – то уж мы постараемся!

СЛОНЫ-ЭКВИЛИБРИСТЫ

В прошлом году оказался в наших краях передвижной цирк с очень интересной программой. Самый замечательный номер выглядел так: четыре слона поднимали на своих хоботах пятого, и тот, чтобы не оставаться без дела, сажал на хобот кота и подбрасывал его, будто мяч.

Публика не могла налюбоваться на это зрелище и без конца требовала:

– Пирамиду! Хотим пирамиду!

Тогда директор цирка снова выпускал слонов, и они повторяли свой номер.

А надо вам сказать, что кот, которого подбрасывал слон, оказался очень самолюбивым. Когда публика аплодировала, он, стоя на хоботе, раскланивался во все стороны, громко мурлыкал от удовольствия, топорщил усы и держал хвост пистолетом. Словом, вовсю наслаждался успехом, а слонам снисходительно говорил:

– Бедняги! Не будь меня, вас давно освистали бы! Слышите, какие аплодисменты? Это всё моя заслуга, жалкие скоты! Вы должны в ноги мне кланяться!

Слоны слушали, но молчали. А однажды кот вздумал обратиться к публике с речью.

– Дамы и господа, – заявил он, – уж извините этих ни на что не способных глупых слонов, которые даже не в силах развлечь вас. По счастью, это умею делать я...

Но не успел он закончить свою речь, как слон, который держал его на хоботе, слегка подбросил зазнайку и швырнул прямо в оркестровую ложу.

Под оглушительный хохот публики кот влетел прямёхонько в тромбон. А когда представление окончилось, тотчас улепетнул из цирка – даже про денежное вознаграждение забыл.

БРОДЯЧИЙ КОТ

Как-то раз один бродячий кот случайно оказался в Риме в обществе котов-аристократов на одной из террас с видом на Колизей.

Там собрались герцог Кошкательли, князь Ангорский, барон Сиамский, маркиза Мики-Мяу ди Мурка Кошкини и многие другие знатные господа, все в роскошных пушистых одеяниях, с огромными бантами на шее, надушенные и причёсанные так, что им позавидовали бы даже звёзды киноэкрана.

При виде бродячего кота все эти важные особы недовольно поморщились.

– Как дурно пахнет! – воскликнула баронесса Кисуля Италиана. – Простите, вы не могли бы опрыскать себя одеколоном?

– Скажите на милость, – обратился к бродяге граф Де Кошачис, поправляя монокль, – не могли бы вы помадить себе усы? Неужели не понимаете, что в таком виде неудобно появляться в приличном обществе! И посмотрите, какие у вас когти! Давно пора сделать маникюр!

Бродячий кот почувствовал, что краснеет от стыда, но, к счастью, никто этого не заметил, потому что шёрстка у него чёрная.

Как раз в этот момент на террасу выбежала серая остроносовая мышка.

При виде страшного врага герцог Кошкательи, граф Де Кошачис, баронесса Киса Гладкошёрстных и все прочие знатные господа с жутким мяуканьем бросились врассыпную.

– Спасайся кто может! Помогите! Вызовите пожарных! Мы пропали! Началась революция!

А бродячий кот одним прыжком настиг мышку и мигом проглотил её. Сладко облизываясь, он растянулся на опустевшей террасе.

– Посмотрите-ка на этих богатеев! – усмехнулся он. – Так привыкли жить на всём готовом, что даже мышей разучились ловить. Боятся крохотной мышки и бегут от неё, как от тигра. Тем лучше – теперь хозяином здесь буду я!

ЗАВЕЩАНИЕ БОЛЬШОЙ МЫШИ

Совсем постарев, Большая Мышь почувствовала, что дни её сочтены, и позвала своих детей – Серую Мышку, Прямого Хвостика и Полууса.

– Дети, – вздохнула мать, поправляя грелку на животе, – я умираю и хочу поделить между вами своё добро. Тебе, Серая Мышка, завещаю большой круг пармезанского сыра, тот самый, что лежит в витрине лавки у синьора Брамбиллы. Тебе, Прямой Хвостик, – коробку с печеньем, которую забыла в передней синьора Тереза. А тебе, Полуус, мне совсем нечего оставить. Но у тебя острые коготочки и крепкие зубки, поэтому, надеюсь, не пропадёшь.

Сказав это, Большая Мышь вздохнула и отвернулась к стене, чтобы не видеть, как плачут её дети.

Когда она умерла, мышки похоронили её в подвале, забросав песком, в который прячут бутылки с вином, чтобы оно со временем стало крепче.

«Запах вина, – решили они, – её подкрепит».

Закончив погребение, мышки распрощались друг с другом и разбежались по своим делам.

Серая Мышка сразу же переселилась со своей семьёй в большой круг пармезанского сыра, доставшийся ей по наследству. Они дружно принялись рыть галереи, вырубать лестницы, строить залы и спальни.

Однако всем хорошо известно, как мыши любят сыр, – каждый день исчезал довольно большой кусок. То Серая Мышка съедала на ужин камин, то её супруг завтракал спальным гарнитуром... Словом, через несколько недель от пармезанского сыра не осталось и следа, а Кот, казалось, только и ждал этого момента, так что история семьи Серой Мышки закончилась весьма печально.

Прямой Хвостик поспешил в коробку с печеньем и, забравшись туда, вскоре так растолстел, что не мог выбраться. Кот подцепил его лапкой и... приятного аппетита!

А Полуус не знал подобных затруднений – у него не оказалось богатства, чтобы проедать его и бездельничать. Зато у него имелись крепкие зубки, чтобы грызть всё, что попадётся.

В трудах и заботах он набрался опыта и стал таким хитрым, что Кот до сих пор ищет его, а найти не может.

И вы не говорите ему, пожалуйста, если знаете, где прячется Полуус!

МЕДВЕДЬ-РЫБОЛОВ

Медведь, который промышлял охотой и рыбной ловлей, отправился однажды на реку ловить рыбу. Нацепил червяка на крючок, забросил удочку, закурил трубку да и задремал в ожидании, пока клюнет.

Солнце припекало, дул свежий ветерок, река журчала, словно напевала колыбельную, и вскоре медведь уснул совсем крепко, так крепко, что не проснулся бы, наверное, даже если бы кит клюнул на его удочку.

Шли мимо два охотника. Они без труда поймали спящего медведя своей сетью и от души посмеялись:

– Пошёл ловить рыбку, а его самого выловили!

Медведь попал в беду, но ничего поделать не мог, потому что его посадили в клетку.

Охотники решили заработать, показывая его на площадях.

– Подходите, люди добрые, посмотрите, какой у нас замечательный медведь-рыболов! – зазывали они.

Когда собирались любопытные, охотники ставили перед медведем банку с красными рыбками и приказывали:

– Лови!

Медведь бросал в банку удочку, но красные рыбки не клевали.

Медведь сердился, гримасничал, снова напрасно бросал в банку удочку, и люди смеялись над ним.

Однажды медведь и его хозяева переходили реку по шаткому мостику. И вдруг он рухнул. Охотники оказались в воде и начали тонуть.

– Спаси нас, спаси! – кричали бедняги медведю, который в два счёта доплыл до берега.

– Нет, на этот раз я никого не стану вылавливать, – ответил медведь и ушёл по своим делам, поклявшись никогда больше не ловить рыбу.

А охотники? Они не утонули, всё-таки выбрались на берег. Но с тех пор того медведя больше не встречали.

АРАБ И ВЕРБЛЮД

Эта сказка такая древняя, что в те времена животные ещё умели говорить.

У одного арабского купца имелся верблюд, который перевозил его товары через пустыню – с одного края на другой.

Однажды верблюд сказал купцу:

– Хозяин, я работал на тебя всю жизнь. Не кажется ли тебе, что я заслужил спокойную старость и уважение? Возьми на этот раз в дорогу другого верблюда, помоложе, а меня оставь в хлеву отдохнуть.

Купец рассмеялся ему прямо в лицо:

– И не подумаю! Будешь работать до тех пор, пока сможешь передвигать ноги. А остановишься – убью!

И они отправились в дальний путь. Шли, шли, и вдруг посреди пустыни их застигла песчаная буря. Верблюд опустился на песок, и купец укрылся у него под боком. Так они спасались два дня и две ночи. Когда же песчаная буря улеглась, купец сказал:

– Вставай скорее, и идём дальше! Иначе погибнем! Смотри, как палит солнце, а у нас кончилась вода.

– Вода есть ещё в моём горбе, – успокоил его верблюд. – Разрежь его и пей.

Купец разрезал горб верблюда, выпил воду, и они продолжали путь. Но сил у верблюда осталось совсем немного, и он остановился.

– Ну раз не можешь идти, – сказал купец, – придётся убить тебя.

Верблюд ничего не ответил. Он снова двинулся в путь, прибавил шагу, даже пустился бегом, но сбился с тропы и привёл хозяина в незнакомый оазис, где, как оказалось, обитало жестокое племя. Люди этого племени забрали купца в рабство и посадили на цепь.

– Ты предал меня! – набросился купец на верблюда, гневно сжимая кулаки.

– Не жди любви, если сеешь зло! – ответил верблюд. – Я спас тебя от смерти, а ты грозил убить меня. Я хотел, чтобы ты стал моим братом, а ты оставался только моим хозяином. Теперь и ты узнаешь, что значит иметь хозяина.

И верблюд удалился в пустыню.

Арабы рассказывают эту историю, чтобы научить своих детей любить верблюдов не как полезных животных, а как друзей.

КОШАЧИЙ КОНЦЕРТ

Зимой коты частенько собираются на крышах и устраивают концерты. Из дымовой трубы появляется синьор Чернохвост, пощипывая расстроенную скрипку. Затем прибывает Дон Кошкинхот с мандолиной. Подходят со всех сторон и другие коты с гитарами, виолончелями, виолами д'аморе, флейтами и дудочками.

Когда оркестр собирается полностью, начинается концерт.

Однако коты, всем известно, не очень-то дисциплинированные музыканты. Если одному хочется исполнять арию из оперы Джузеппе Верди «Аида», то можете не сомневаться, что другой предпочтёт арию из другой оперы этого же композитора – «Риголетто», а третий – из «Травиаты», тоже Джузеппе Верди. Поэтому в кошачьем концерте невозможно уловить мелодию, вернее, в нём её нет вообще, только одно мяуканье.

Но им-то, бедняжкам, кажется, будто звучит великолепная музыка.

Куда несчастнее, однако, те, кто вынужден слушать их концерты, – те, кто живёт поблизости, под крышами.

В один из таких вечеров, когда кошачий концерт был в самом разгаре, то есть звучал особенно громко, синьор Чернохвост заметил, что к общему хору присоединился какой-то необычный голос.

– Остановились! – приказал он. – Кто-то сфальшивил!

Все умолкли. И услышали чистейшую и красивейшую трель соловья, который пел свою серенаду луне, сидя на ветке кипариса.

– Эй, вы, там! – закричал ему синьор Чернохвост. – Слышите меня? Как это вы позволяете себе мешать нашему концерту? Да ещё фальшивите!

Соловей продолжал издавать чудесные трели, словно на низывая жемчужины одну за другой.

– Прекратите, раз вам велят! – вскричал Чернохвост. – Отправляйтесь-ка сначала поучиться музыке, а потом уж приходите петь.

Все коты дружно принялись упрекать соловья, но так и не смогли заставить его умолкнуть.

А недалеко от них на балкон соседнего дома вышел в это время поэт. Ему захотелось полюбоваться луной. Он услышал, как негодуют коты, и рассмеялся. А потом сказал, обращаясь к ним:

– Уж очень вы самоуверенны, господа коты. Лучше помолчите и поучитесь музыке у соловья. Это вы сами отчаянно фальшивите и мешаете спать порядочным людям.

Но коты никак не хотели успокоиться, и тогда он прогнал их. Как? Очень просто – окатил водой из ведра. И стал спокойно наслаждаться пением соловья.

ЧЕРЕПАШЬИ ГОНКИ

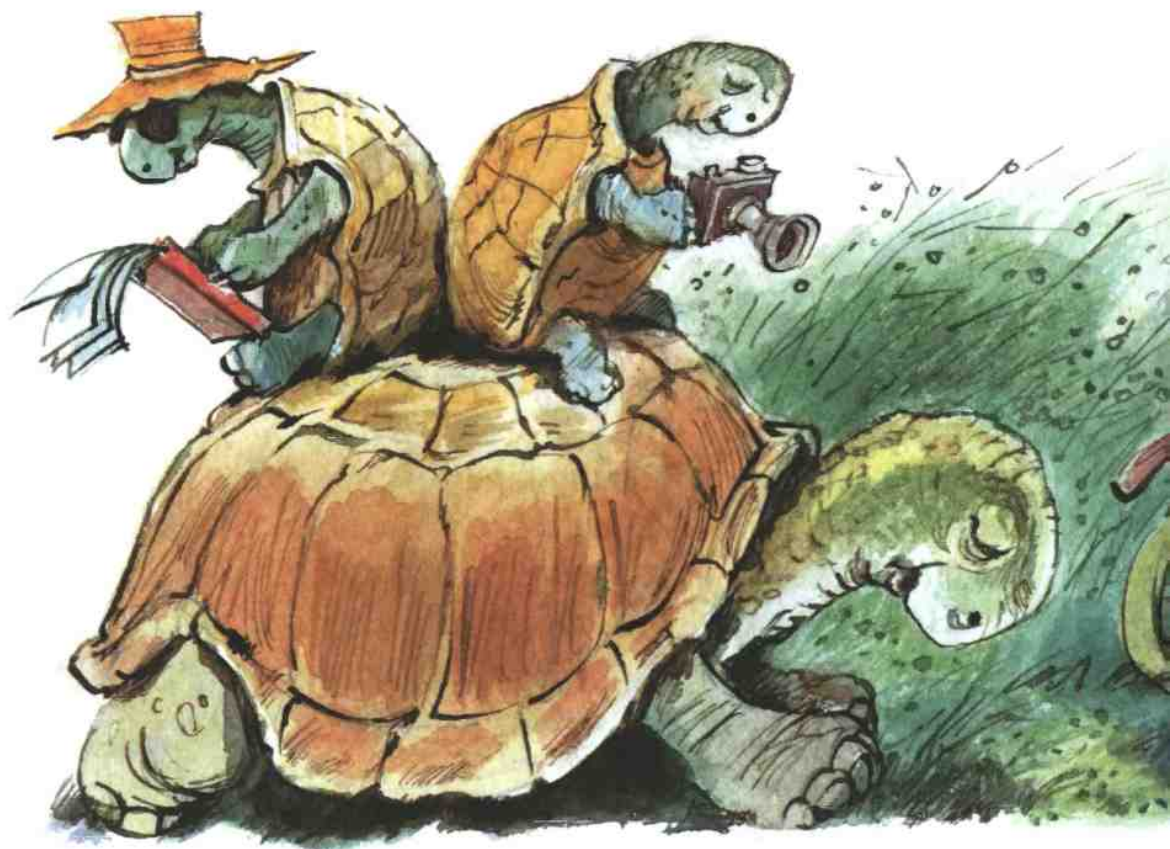
Черепашки нередко наблюдали, как проходят велосипедные гонки «Круг по Италии», и в конце концов им тоже захотелось покататься на велосипедах.

Они купили себе это двухколёсное чудо, с большим трудом научились звонить в звонок и забираться на седло. А вот крутить педали оказалось куда сложнее, но всё же они и это освоили.

Представляете теперь праздничный старт? Для участия в гонках специально выбрали целую дюжину черепах, которые разрисовали свои панцири разноцветными полосками, написали на них свои номера, наклеили марку велосипеда: «Бьянкетти», «Леньетти» – и выстроились на старте.

Все остальные черепахи расположились вдоль гоночной трассы, собираясь болеть за участников.

Одна самая крупная черепаха взяла на себя роль судейской машины. На её спине уселись судья и журналисты в тёмных очках.

Прозвучал стартовый выстрел, и гонцики двинулись в путь – без всякой спешки, разумеется, чтобы не устать.

А вот машина с членами жюри так и осталась на месте, потому что черепаха-водитель сладко уснула. Судьи и журналисты оказались слишком ленивыми, чтобы следовать за гонциками пешком. По примеру черепахи-водителя они тоже уснули и даже захрапели.

А сами участники соревнований, сделав несколько шагов, разбрелись по лесу в поисках кучки сухих листьев, чтобы передохнуть. И публика, не дождавшись гонциков, в конце концов тоже заснула.

Короче говоря, через десять минут после старта спали все.

Имя победителя так и осталось неизвестным, потому что к финишу не пришёл никто.

Бедные черепахи!

Ну разве они не похожи на тех ребят, которые иногда говорят: «Сделаю это, сделаю то», а потом преспокойно забывают о своих планах и намерениях?

ДРЕССИРОВАННЫЙ КОНЬ

Один ловкий человек сумел замечательно выдрессировать своего коня. Он научил его выбирать среди деревянных кубиков с разными буквами именно те, из которых складывалась его кличка: Пегас.

Спектакль открывался тем, что человек говорил:

– Итак, синьор конь, начнём выступление! Не назовёте ли мне ваше имя?

И Пегас точными ударами копыта один за другим выбирал кубики с красными буквами П, Е и так далее, пока все они не выстраивались в линию. И тогда на них читалось громкое, как звук трубы, имя – ПЕГАС.

Публика взрывалась аплодисментами.

А потом человек этот научил Пегаса выбирать буквы, из которых складывалось его собственное имя – Теодоро (а по-

русски, между прочим, это Фёдор, так же как Джованни – это Иван, Паоло – Павел, Пьетро – Пётр, а вот Мария во всём мире – Мария).

Когда человек убедился, что его имя конь тоже умеет писать без ошибок, он начал выступать со спектаклями на городской площади.

– Синьор конь, скорее за работу! Как меня зовут?

– ТЕОДОРО, – отвечал конь, но не голосом, конечно. Он выбирал семь деревянных кубиков с буквами Т, Е, О и так далее.

Нужно сказать, однако, что человека этого никак нельзя было назвать порядочным. Если только он замечал, что где-то что-то плохо лежит, никогда не терялся. Однажды, например, он вывернул все лампочки из уличных фонарей, и село погрузилось в темноту.

Бедный мэр просто извёлся в поисках вора, но никак не мог найти его.

Как-то вечером, когда Теодоро выступал на площади, наведалься туда и мэр. Посмотрел, подумал, а потом вдруг подошёл к коню, дал ему кусок сахара и спросил:

– Послушай, конь-огонь, а не назовёшь ли ты мне вора?

При этих словах площадь притихла.

Пегас немного растерялся, потому что понимал язык только своего хозяина. Но потом, чтобы не ударить, как говорится, в грязь лицом, начал выбирать кубики.

Выбрал кубик с буквой Т, потом с буквой Е, потом с буквой О...

Догадались, что он написал?

«Теодоро».

Хозяин коня покраснел как рак, и всем стало ясно, кто вор, кто украл лампочки.

Вот так Теодоро оказался в тюрьме, а Пегас получил в награду медаль.

Теперь коня содержит мэрия, а школьный учитель учит его писать «Да здравствует мэр!».

ВОЛШЕБНАЯ КИСТЬ

Жил однажды мальчик, которого звали Джорджо. Он очень хотел стать художником. Никто не удивлялся этому, потому что, как только к нему приходил гость, он сразу же просил его:

– Посиди спокойно, я нарисую твой портрет!

И действительно, он тут же принимался рисовать кусочком угля. У него получались какие-то смешные каракули, а он с довольным видом спрашивал:

– Правда похоже?

Сходства, разумеется, не было никакого, но чего же тут удивляться – ведь Джорджо исполнилось всего четыре года!

Когда ему исполнилось пять лет, он начал рисовать карандашом, а в шесть уже использовал для своих рисунков цветную пастель.

Однако, по правде говоря, Джорджо очень не хватало терпения. Если рисунок не получался сразу, он бросал его и убегал играть.

Словом, мальчик мечтал стать художником, но потрудиться для этого не хотел.

Однажды, когда Джорджо рисовал на полянке только что распустившуюся маргаритку, к нему подошёл незнакомый человек.

– Добрый день! – поздоровался он с юным живописцем. – Я вижу, ты очень хорошо рисуешь.

– Да, я-то рисую очень хорошо, – подтвердил Джорджо, – а вот эти глупые пастели не желают делать то, что хочу. Не слушаются меня! Сажают пятна, выводят каракули, и ничего нельзя понять. Вместо маргаритки какие-то странные фигуры – не то ветряная мельница, не то велосипед!

Человек улыбнулся и сказал:

– Я подарю тебе послушную кисть – волшебную кисть, которая будет рисовать для тебя всё, что захочешь. Но при одном условии: каждый день ты должен по одному часу за-

ниматься рисованием. А после урока кисть станет двигаться сама собой и нарисует всё, что надо.

Сказав это, человек вручил Джордžo небольшую кисть и ушёл.

Мальчик вернулся домой и решил сразу же её испробовать. Он остался очень доволен, когда убедился, что таинственный незнакомец сказал правду.

Стоило Джордžo сесть перед чистым листом бумаги и сказать: «Хочу нарисовать пейзаж с розовым облаком и семью зелёными соснами», как кисть сразу же начинала

двигаться, и не успевал Джорджо сосчитать до девяти, как картина уже готова.

Мальчик, однако, не забыл про условие, которое поставил загадочный доброжелатель, и каждый день по целому часу занимался рисованием.

Вскоре благодаря волшебной кисти он стал знаменитым художником, и все стремились заполучить портрет его работы. Картины Джорджо выставляли в музеях, и посетители не уставали восхищаться ими.

Однажды Джорджо, сидя за рисунком, подумал: «К чему мне теперь эти утомительные и скучные занятия? Ведь я уже стал знаменитым художником, а кисть прекрасно служит мне!»

И он перестал заниматься.

В тот же вечер ему захотелось написать картину, изображающую бушующее море. Он сел перед чистым полотном, взял кисть, а она и не подумала двигаться. Джорджо так рассердился, что в сердцах отшвырнул её в сторону, но, спохватившись, хотел было поднять, да только не смог найти – она куда-то затерялась!

Несчастный искал кисть повсюду. Он обошёл все лавки города, купил сотни новых кистей, но ни одна из них не хотела рисовать сама.

И с тех пор никого больше не интересовали его картины.

Джорджо стал нищим.

И всё же, несмотря на лень, Джорджо по-настоящему любил живопись, и в одно прекрасное утро вновь с волнением взялся за кисть – за обыкновенную кисть.

Это оказалось нелегко, потому что теперь рисовать приходилось самому. Чтобы написать только одну картину, Джорджо требовалось несколько месяцев.

Он голодал и переживал, но сумел всё-таки создать прекрасную картину – в сто раз прекраснее тех, что писала прежде волшебная кисть.

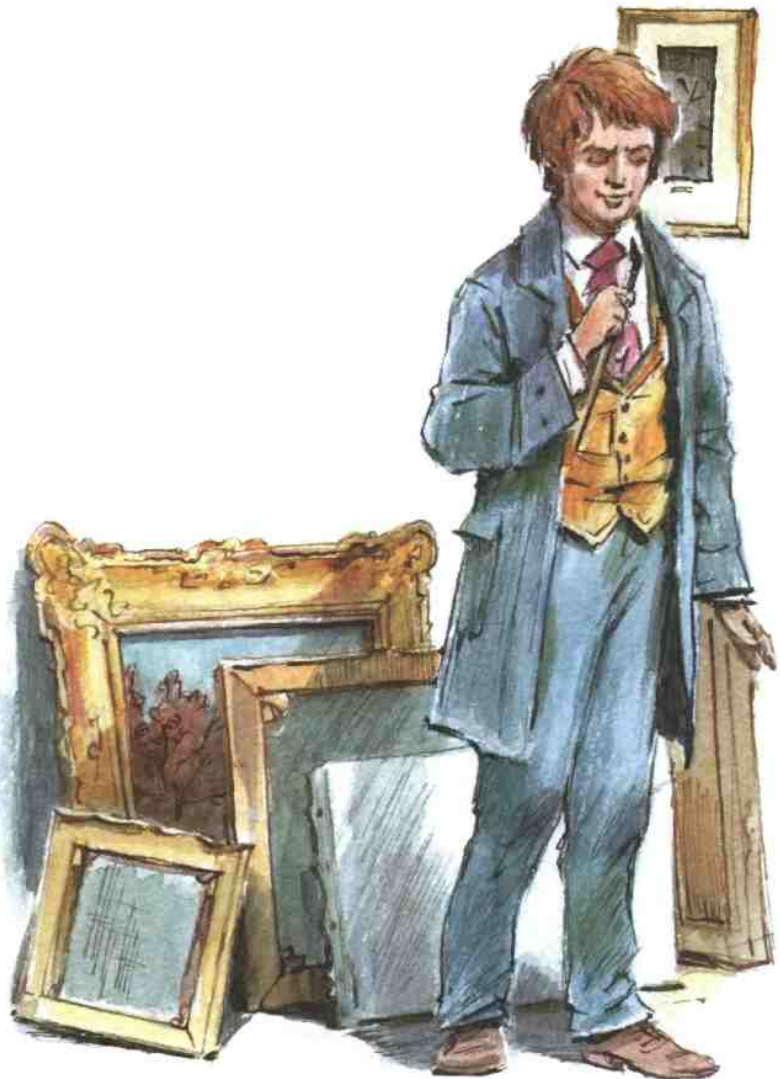
И тогда Джорджо наконец понял, что и другие картины рождались не сами собой – кисть писала их только потому,

что он каждый день занимался рисунком. Он понял, что без труда не преодолеваются препятствия и не создаётся красота.

В тот же вечер Джордžo по странной случайности вдруг нашёл свою старую волшебную кисть, только оказалось – она ему больше не нужна, потому что он стал настоящим художником.

Джордžo повесил волшебную кисть на стену и хранил как драгоценный сувенир.

Я побывал однажды у него в мастерской и видел её – обыкновенная кисточка за два сольдо, какие продаются в каждой лавке.

СОЗВЕЗДИЕ КОТ

Прежде многие уходили к кошкам.

Философы, которые не знали, куда бежать от городского шума, чтобы поразмышлять в тишине и спокойствии; старики, которым многое хотелось рассказать молодёжи, но никто не желал их слушать, да и места в доме им уже не оставалось; одинокие пожилые женщины, грустившие в пустой квартире, – вот такие люди обижались на весь мир и... исчезали. И больше о них никто ничего не слышал.

А они уходили к кошкам.

Как? Это стало известно позже, со временем. И оказалось, всё очень просто. Обычно это происходило на площади Арджентина.

Площадь Арджентина сами знаете, как устроена, – по кругу вдоль зданий несутся автомобили и троллейбусы, а огромное пространство посередине занимают античные римские руины, развалины двух-трёх храмов, обломки древних колонн, на лужайках там и тут растут сосны и кипарисы, а в тёмном подземелье под древними портиками живут коты.

Сюда при всём желании не заедет ни одна машина, так что это настоящий заповедник в городе, и отделяет его от остальной жизни всего лишь низенькая ограда и несколько ступенек.

Спустись по ним, и окажешься среди кошек каких угодно пород. Там и тут играют и ловят ящериц резвые котята, а старые толстые коты целыми днями спят и просыпаются, только когда приходят «кошкины мамы» с кулёчками, в которых приносят им остатки ужина.

Коты выбирают место кому где нравится. Кто забирается в нишу, где прежде стояла статуя, кто располагается у подножия колонны, а кто-то сворачивается калачиком на ступенях храма.

Так вот, люди, которые уходили к кошкам, просто перешагивали через низенькую ограду, спускались на несколько

ступенек и сразу же превращались в котов, после чего принимались вылизывать свои лапки и шерстку.

Ну а люди, что шли по площади Арджентина или смотрели по сторонам из троллейбуса или машины, видели только котов. Могли, например, заметить кота с подслеповатым глазом – какой-то негодяй запустил в него камнем – или одноухого кота – второе ухо потеряно в боевой схватке, видели также пёстрых, рыжих, чёрных, полосатых котов.

Но никому и в голову не приходило, что среди них, кроме нормальных котов-котов, чьи родители

настоящие коты и кошки, находились ещё коты-люди, которые прежде служили в министерствах, на почте, начальниками железнодорожных станций, водили огромные грузовики или такси...

Вообще-то распознать их не так уж трудно. Когда на площади появлялись «кошкины мамы», коты-коты начинали ссориться из-за потрохов, рыбных голов, сырных корочек, а коты-люди сначала просматривали газеты, вернее, обрывки газет, в которые были завёрнуты эти объедки. Прочитывали половину какого-нибудь заголовка или несколько строк сообщения, обрывавшегося на самом интересном месте, рассматривали фотографию принцессы, вышедшей замуж, узнавали, когда правительство собирается поднять налоги и не началась ли где-нибудь новая война. Таким образом, получив некоторую информацию, они оказывались в курсе событий того мира, где жили прежде.

Ушла однажды к кошкам и синьорина Де Маджистрис, учительница на пенсии, которая никак не могла ужиться со своей сестрой. Она ушла, оставив любимого кота Агостино. Синьорина Де Маджистрис за свою долгую жизнь научила читать и писать тысячи ребятишек. У неё побывало за это время десять котов, причём все как один по кличке Агостино, потому что так звали самого первого её любимого кота, который погиб под трамваем и которого она не могла забыть.

С появлением на площади Арджентина синьорины Де Маджистрис в кошачьем мире произошло немало событий.

Однажды вечером она объясняла расположение звёзд на небе синьору Морикони, в прошлом дворнику, а теперь чёрному коту с белой грудкой. Другие коты-люди и некоторые коты-коты тоже слушали объяснение и смотрели на небо.

– Вот эта... вон там – звезда Арктур...

– Я знал одного человека по имени Артур, – заметил синьор Морикони, – он всегда одалживал деньги, чтобы купить лотерейный билет, но никогда не выигрывал...

– А вон те звёзды, видите, вон там... это созвездие Большая Медведица.

– Медведица на небе? – с недоверием переспросил кот Пират, которого прозвали так потому, что он, как и многие настоящие пираты, был одноглазым.

– Более того, здесь два созвездия медведей. Второе называется Малая Медведица, – объяснила синьорина Де Маджистрис. – Созвездий псов тоже два – Большой Пёс и Малый.

– Псы! – презрительно фыркнул Пират. – Тоже мне!

– И много ещё таких созвездий с названиями животных? – поинтересовался синьор Морикони.

– Очень много. Есть созвездия Змея, Журавль, Голубь, Тукан, Олень, Овен, Хамелеон, Скорпион...

– Тоже мне! – повторил Пират.

– Ещё Козерог, Лев, Жираф.

– Да тут целый зоопарк собрался! – удивился Пират.

А другой кот-кот, робкий заика по прозвищу Грязнуля (хотя на самом деле никакой он не грязнуля, потому что умывался по двадцать раз в день, – вот поди разберись после этого, откуда берутся прозвища!), спросил:

– А союз... союз... вез... дие Кот тоже есть?

– Мне очень жаль, – улыбнулась синьорина Де Маджистрис, – но такого созвездия нет.

– Среди всех этих звёзд, какими усыпано небо, нет ни одной, что носила бы наше имя? – удивился Пират.

– Ни одной.

Кругом зашумели, явно выражая недовольство.

– Подумать только...

– Скорпионы, сороконожки, тараканы есть, а котов нет...

– Что же мы, хуже козлов, что ли?

– Или мы недоноски какие-то?

Но последнее слово в этот вечер произнёс Пират:

– Что и говорить, сразу видно, как любят нас люди. Когда нужно ловить мышей – «Киска, сюда... Киска, туда...», а созвездия называют именами собак и свиней! Пусть я лишусь и второго глаза, если поймаю ещё хоть одну мышь!

Прошло время. И вот однажды синьор Морикони прочитал на газетном обрывке, пахнувшем копчёной треской, заголовков «Студенты занимают универ...».

И всё.

– Интересно, что же они занимают? – удивился он.

– Университет, – объяснила синьорина Де Маджистрис – она ведь учительница и потому знает всё. – Видимо, их что-то не устраивало, вот и заняли в знак протеста университет.

– Как это – заняли?

– Думаю, дело обстояло так: вошли, заперли двери и стали отправлять сообщения в газеты, чтобы все узнали, чего они хотят.

– Иии... что? – с волнением спросил Грязнуля.

– Да, дальше-то что? – потребовал ответа Пират.
– Ну коо... коо... конечно... Тооч... но так доо... доол... жны поо... стууу... пить и мы!

– А какое отношение мы имеем к университету?

– Но из... из... из-за союз... союз...

– Я понял, – проговорил Пират. – Люди не хотят назвать нашим именем созвездие, и потому мы в знак протеста займём... Стоп! А что мы займём?

Как тут все заволновались! Коты-коты и коты-люди, подхватив предложение Грязнули, стали бурно спорить, что предпринять.

– Нужно занять такое место, чтобы все сразу увидели нас!

– Вокзал!

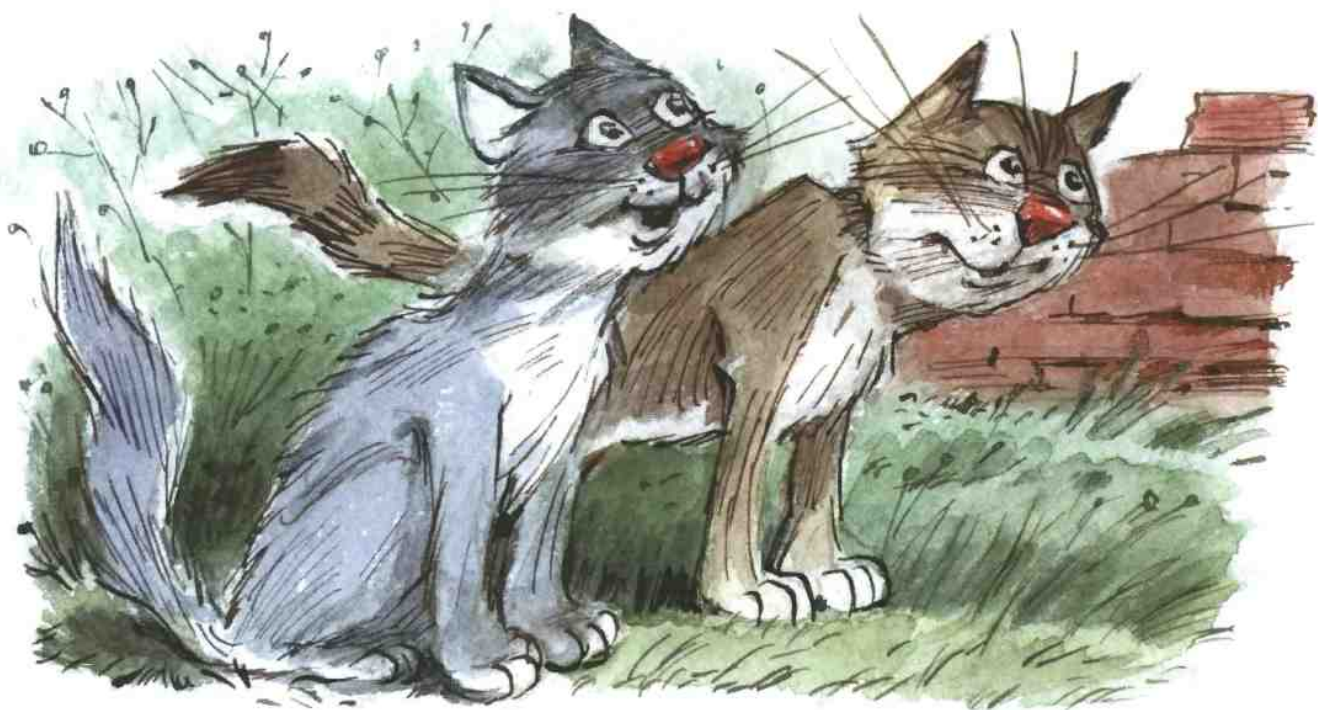
– Нет, нет, никаких железнодорожных катастроф нам не нужно!

– Площадь Венеции!

– Сразу арестуют за препятствие дорожному движению.

– Купол собора Святого Петра!

– Слишком высоко! Без бинокля кота на этом куполе не увидишь.

И на этот раз последнее слово тоже осталось за Пиратом.
– Колизей! – сказал он.

Все сразу согласились, что это самая правильная мысль.
Именно Колизей и следует захватить.

Пират тотчас взял на себя командование.

– Нас на площади Арджентина не так уж много. Нужно созвать котов с холмов Авентино и Палатино, с Форума и из «Сан-Камилло».

– Ну, эти не придут! Их слишком сытно кормят!

«Сан-Камилло» – больница. В домах, что расположены в парке, находятся больные, а на лужайках и в кустах вокруг живут коты. В положенное время, даже за четверть часа, они собираются под окнами и ждут, когда больные бросят им остатки обеда или ужина.

– Придут! – заключил Пират.

Коты и в самом деле пришли.

Ночью в Колизее собрались коты со всех концов Рима, из руин и подвалов, из знаменитых исторических мест и самых грязных переулков на окраине, из Трастевере и Монти, из Панико и Портика Оттавии, из старых районов центра и барачных пригородов.

Сотни, тысячи котов пришли и заняли Колизей. Они сидели в каждой арке на каждом этаже. Плотный ряд расположился на самом верху знаменитого памятника. И все хорошо были видны невооружённым глазом даже издали.

Первыми их увидели рабочие и разносчики баров – ведь это они раньше всех встают в Риме. Потом котов заметили государственные служащие, которые

отправляются на работу в восемь часов (а ещё говорят, будто римляне любят поспать!).

И в несколько минут возле древнего амфитеатра собралась огромная толпа. Коты сидели себе и помалкивали, но люди...

– А что здесь происходит?

– Конкурс красоты?

– Это парад!

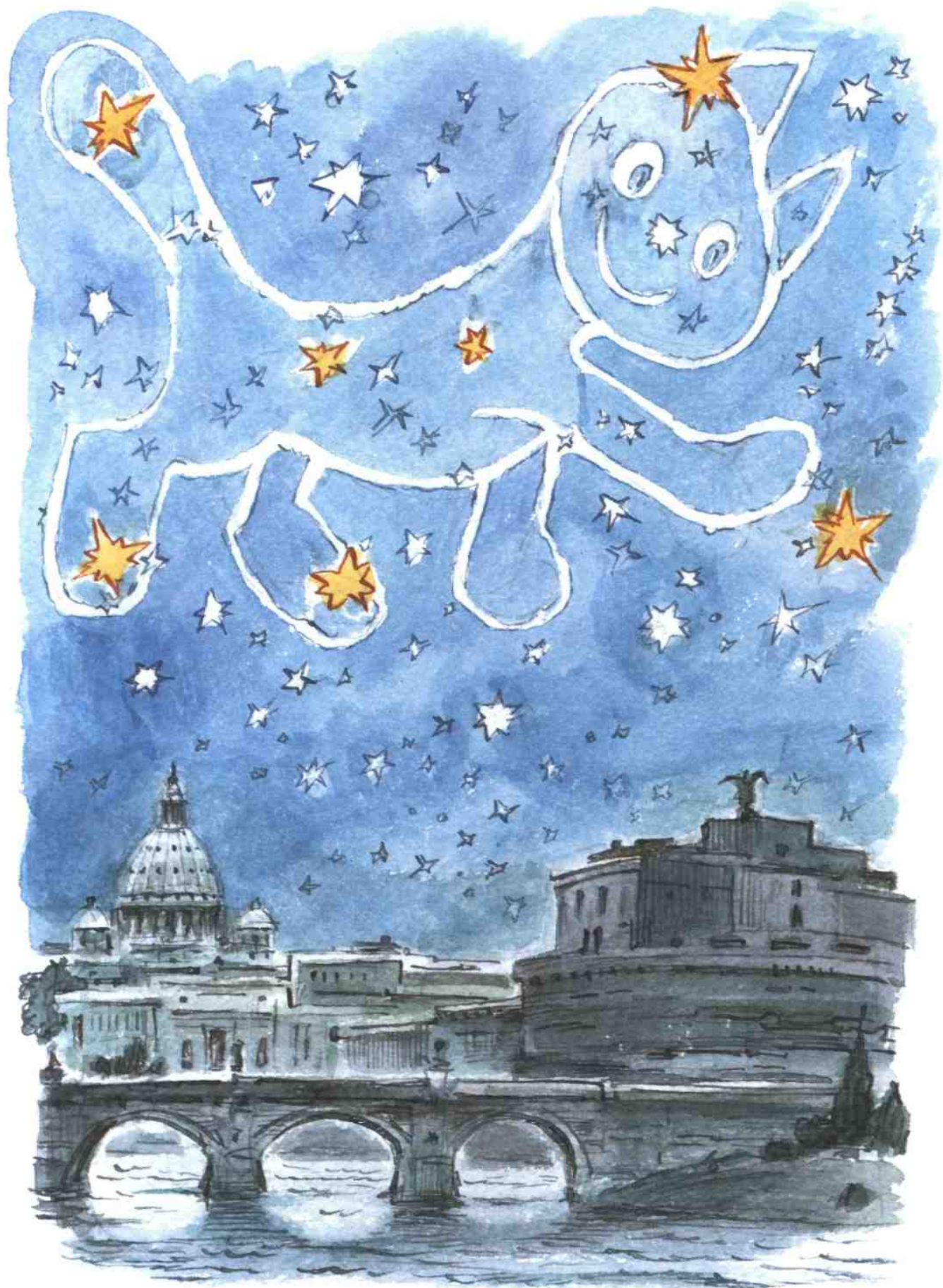
– Национальный праздник котов.

– Надо же, сколько их!

– Пожалуй, позвоню домой. Когда я уходил, мой кот ещё спал. Вдруг тоже захочет прийти сюда...

В девять часов появилась первая группа туристов. Они хотели войти в Колизей, чтобы осмотреть его, но не смогли: коты заняли все входы и никого не пропускали.

– Прысь... Прысь отсюда, гаткий кот! Мы хотим смотреть Колизей!

– Фон, фон отсюда! Прысь!

Кто-то из римлян обиделся:

– Что?! Гадкие коты? А вы, значит, сладкие? Нет, только посмотрите на этих туристов!

И прозвучали очень резкие и обидные слова. Ещё немного – и между римлянами и туристами завязалась бы драка, но тут какая-то немка воскликнула:

– Право, право, киски! Да здрафтсфотать коты!

Дело в том, что минутой раньше синьорина Де Маджистрис подала условный знак, и коты развернули над Колизеем огромное белое полотнище с надписью: «Требуем справедливости! Пусть будет созвездие Кот!»

Общий хохот и бурные аплодисменты объединили и примирили римлян и гостей города.

– Это что же, им мало мышей, хотят ещё целое созвездие слопать? – проворчал кто-то в толпе.

А синьора туристка, которая оказалась профессором астрономии и поняла, о чём идёт речь, ответила:

– Так ведь они праф, этот несчастный жифотный!

И все согласились с ней.

Короче, всё у котов получилось замечательно! Они заняли Колизей и не покидали его до самой полуночи, а потом тихонько, как всегда, неслышно ступая, разошлись по заснувшему городу.

Синьорина Де Маджистрис, синьор Морикони, Пират, Грязнуля и все остальные коты-коты и коты-люди тоже вернулись на свою площадь Арджентина.

Грязнуля, по правде говоря, несколько сомневался в результате операции:

– Таа... к наа... зовут теперь сооз... сооз... вездие в наа... шу честь ии... ли нет?

Пират объяснил:

– Успокойся, Грязнуля. Рим не в один день строился. Теперь они знают, чего мы хотим, знают, на что мы способны, и дело двинется, вот увидишь! Если сразу назовут созвездие в нашу честь – отлично! А нет, так предупредим миланских котов – и те засядут в Миланском соборе, свяжемся с парижскими котами – и они оккупируют Эйфелеву башню. И так далее. Ты меня понял?

Вместо ответа Грязнуля высоко подпрыгнул – в прыжках он не заикался.

Синьор Морикони добавил:

– Ладно. Пусть только не валяют дурака. И нужно потребовать, чтобы повесили созвездие прямо над площадью Арджентина, а иначе какой смысл?!

– Так и будет! – пообещал Пират.

Как всегда, последнее слово оказалось за ним.

ТЕРЕЗИНА – КОТОРАЯ – НЕ – РАСТЁТ

Тереза была такой тоненькой и грациозной девочкой, что казалась игрушечной, и все ласково звали её Терезина, что значит «маленькая Тереза».

Жила девочка с папой, мамой и бабушкой в одном горном селении. И была своей жизнью вполне довольна. Ходила пританцовывая, а говорила напевая.

– Хорошо тебе живётся, Терезина?

Конечно же ей очень хорошо живётся в этом мире!

Со временем у неё появился братик, которого назвали Ансельмо, и девочка с удовольствием носила его в поле – полюбоваться цветами или же на луг – показать корову, а то и в курятник – посмотреть, нет ли там свежего яичка.

Но вот однажды началась война, и папе Терезины пришлось пойти в солдаты. Ушёл он и погиб на войне. Узнав об этом, мама и бабушка обнялись и заплакали от горя, а Терезина спросила:

– Почему вы плачете?

– Бедная Терезина, – вздохнула бабушка, – бедный Ансельмуччо! Ваш отец, детки, больше никогда не вернётся домой!

– Почему? – удивилась Терезина. – Папа такой добрый, и я так люблю его. Я напишу королю, чтобы он отпустил его! Хочу, чтобы папа всегда оставался с нами!

– Король уже ничего не может сделать для твоего папы, – объяснила бабушка. – Король послал его на войну. Война окончилась, и король победил. Только для нас это никакая не радость, потому что твой папа погиб.

– Но это же несправедливо! – возмутилась Терезина, покраснев от негодования. – А раз так, не хочу больше жить в этом ужасном мире, где может быть такая несправедливость!

– Девочка моя, – сказала мама, – вырастешь – многое поймёшь.

– Не хочу понимать, не хочу ничего знать! – закричала Терезина, заливаясь слезами. – И расти не хочу больше! Вот возьму и навсегда останусь маленькой!

И действительно, с того дня она перестала расти. Так и оставалась маленькой девочкой, но теперь уже совсем не весёлой, а очень и очень печальной.

Ансельмо вскоре подрос, сначала дотянулся ей до пояса, потом – до плеча. Он уже научился бегать и с каждым днём незаметно тянулся вверх. А Терезина так и не росла больше.

– Мир, где столько несправедливости, не для меня, – упрямо повторяла она.

И люди прозвали её Терезина-которая-не-растёт. Девочки, когда-то такие же маленькие, как она, теперь выросли, превратились в красивых, стройных девушек и стали готовить себе приданое.

– Терезина, – говорили они, – не вырастешь – замуж не выйдешь!

– А я и не хочу замуж.

– Останешься маленькой, парни не захотят петь тебе серенады!

– Мне не нужны их серенады.

– Даже туфли не сможешь носить на высоких каблуках!

– Мне не нужны высокие каблуки, мне нравятся мои деревянные башмаки.

Девушки смеялись, а Терезина убегала от них и пряталась на сеновале. Она проводила там целые дни, размышляя, как ей жить дальше, и столько думала, что даже голова начинала болеть.

Между тем мама от огорчения и тяжёлых трудов заболела, и её отправили в больницу. Всю домашнюю работу пришлось делать бабушке, уже очень старенькой.

У Терезины сердце сжималось, когда она видела, как трудно старушке нести вязанку дров для очага.

– Ох, несчастная я, – вздыхала бабушка, возвращаясь с водой от фонтана, – не по силам мне теперь эти вёдра. А будь ты, Терезина, немного побольше, помогла бы.

Терезина попробовала поднять ведро с водой – не смогла. Попыталась взвалить на плечи вязанку дров – упала и ободрала коленку.

– Ладно, – решила она, – видимо, придётся подрасти чуть-чуть. Но ровно настолько, чтобы помогать бабушке. И ни на сантиметр больше! А потом опять перестану расти.

Так и сделала. Выросла немножко, взяла вёдра и пошла к фонтану. Бабушка, когда увидела, что внучка несёт полные вёдра воды, расцеловала её.

– Спасибо, Терезина, ты просто молодец! Послушай, а не можешь ли ты дать сена корове? У меня сегодня болят руки, а вилы такие тяжёлые...

Терезина отправилась в хлев, что под сеновалом, и взялась за вилы, но они и впрямь оказались очень тяжёлые, словно гири, и Терезина не смогла поднять их.

– Ладно, – решила она, – придётся вырасти ещё немного, чтобы управляться в хлеву вместо бабушки. Но потом уж точно перестану расти!

Так и сделала. Теперь девочка стала почти такого же роста, как её подруги, но все по привычке по-прежнему звали её Терезиной-которая-не-растёт. Однажды придумав прозвище, люди неохотно отказываются от него.

Впрочем, на этот раз они были правы: Терезина подросла совсем немного и опять перестала расти, так что прозвище всё равно очень подходило ей.

Мама ещё находилась в больнице, когда умерла бабушка.

Теперь Терезина осталась одна с Ансельмо, который к тому времени уже учился. Девочке было нелегко управляться со всеми делами. Она вставала рано утром, готовила завтрак, будила брата, следила, чтобы он хорошенько вымыл уши, кормила его и провожала в школу. Потом варила обед, наводила порядок в доме. А ещё нужно было

накормить домашний скот, подоить корову да прополоть грядки...

Слишком много оказалось тяжёлой для Терезины работы. И полдня не проходило, как она падала без сил, а дел оставалось видимо-невидимо.

Вечером у неё слипались глаза, но следовало ещё помыть посуду, выгладить школьный костюмчик для Ансельмо и заштопать ему носки...

«Видно, придётся ещё немножко вырасти, – подумала Терезина, – чтобы помогать Ансельмо, пока мама не вернётся из больницы. Кто же ещё позаботится о нём, если не я? Он слишком мал, чтобы самому управляться со всем».

Так и сделала. Выросла ещё немного, и домашняя работа сразу же показалась ей совсем нетрудной. Иногда, смотрясь в большое зеркало на дверце шкафа, Терезина огорчалась, что заметно подросла. «Твёрдый характер, как же! Решила оставаться маленькой, а теперь уж и в зеркале не уместюсь!» – рассердилась девочка.

Впрочем, она тут же отгоняла грустные мысли и принималась за работу, утешаясь: «Ничего, что пришлось вырасти. Кто-то ведь должен вести хозяйство!»

Когда мама вернулась из больницы, в доме царили уют и чистота. А Терезина выросла так, что и не узнать её.

Мама хотела было заняться домашними делами, но Терезина не позволила ей и пальцем шевельнуть.

– Отдыхай, мамочка! – заботливо сказала она. – Всё, что нужно, я сама сделаю.

Теперь их стало трое, значит, хлопот прибавилось, и Терезина опять не справлялась.

«Ладно, – решила девочка, – подрасту ещё чуть-чуть. Я ведь не для себя это делаю, а ради мамы, чтобы она снова не заболела».

И стала Терезина такой же высокой, как её подруги. Больше того, она оказалась самой красивой девушкой на селе. А вырасти девочка ещё хоть на сантиметр, люди сразу же придумали бы ей новое прозвище – ну что-нибудь вроде Жердь или Дылда.

Подружки шутили:

– Знаешь, Терезина-которая-не-растёт, теперь, пожалуй, тебе и в самом деле пора остановиться. Если будешь расти и дальше, станешь выше парней, и никто тебя замуж не возьмёт.

– Пусть это вас не заботит! Я о парнях и не думаю.

Терезина не думала ни о парнях, ни о себе. Она думала, как всегда, только о том, как помочь тем, кто нуждается в её помощи. Она даже радовалась, что выросла, потому что могла теперь помогать многим.

Когда мама наконец взяла домашнее хозяйство в свои руки, у Терезины появилось больше свободного времени, и она принялась заботиться об одинокой старушке-соседке.

Так постепенно все люди в селе, кому требовалась какая-нибудь помощь, стали обращаться к Терезине-которая-

не-растёт. Девочка всегда с радостью откликнулась на просьбы и никому не отказывала.

Однажды прошёл слух, будто в горах появился страшный разбойник. И вот как-то явился он в село, вооружённый до зубов, и велел собрать ему килограмм золота. В ожидании уселся на ступеньках церкви.

– А будет меньше хоть на грамм, – пригрозил он, – сожгу все ваши дома!

Никто не решился перечить ему. Женщины стали приносить свои кольца, серьги, цепочки.

Жена бакалейщика одолжила весы, чтобы взвешивать принесённое золото, и всем объясняла, что тем самым выполнила долг и может оставить при себе свои драгоценности.

А Терезина пошла по домам созывать мужчин.

– Ну выходите, не бойтесь! Вас же много, а он один!

– Один, да с оружием, – в страхе отвечали мужчины. – Пусть лучше забирает всё золото.

Терезина возмутилась:

– Да мужчины вы, наконец, или стадо баранов?!

Но никто так и не послушал её. Один за другим мужчины отворачивались, чтобы Терезина не видела, как они краснеют от стыда, но всё равно не решались сразиться с бандитом.

– Ладно, – объявила девушка, – я сама возьмусь за дело!

Терезина вернулась домой и подошла к зеркалу.

– Хочу вырасти ещё! – твёрдо произнесла она, глядя на своё отражение. – Хочу стать великаншей!

И в ту же минуту начала расти. Росла, пока не упёрлась головой в потолок. Но этого ей показалось мало. Терезина вышла во двор – там ничто не мешало расти дальше. Доросла до крыши, и этого тоже оказалось недостаточно.

– Надо дорости до трубы, – решила она.

Так и сделала. Теперь девушка уже не сомневалась, что сможет исполнить задуманное.

А задумала Терезина вот что. Она вышла на площадь и направилась прямо к разбойнику. Увидев великаншу, злодей бросил ружьё и пустился наутёк.

Но не тут-то было! Терезина в четыре прыжка догнала его, схватила за шиворот, закинула на колокольню и приказала:

– Сиди там и ни с места, пока не придут за тобой стражники!

Разбойник, боясь упасть, закрыл глаза и затаил дыхание. Терезина отправилась домой. А навстречу ей с радостными криками бежал народ.

«На этот раз я, пожалуй, сглушила, – подумала она, – помогая другим, удружила себе – стала великаншей, чудовищем! Ну да ладно, кто-то ведь должен был проучить разбойника».

И тут произошло нечто странное. С каждым шагом Терезина стала уменьшаться, пока снова не превратилась в ту прекрасную Терезину, какой знали её раньше.

И в свой дом она смогла войти, не опасаясь удариться о притолоку, и на стул села, не боясь сломать его. Это была прежняя Терезина – одна из самых красивых и высоких девушек в селе. Люди сбегались к ней, чтобы поблагодарить, и не верили своим глазам.

– Как это тебе удалось, Терезина-которая-не-растёт?

Терезина только смущённо улыбалась в ответ. Слишком простодушная, она и не ведала, что человек, который борется с несправедливостью, становится великаном, хоть и остаётся при этом обычного роста. Не меньше радовалась она и тому, что исправила свою детскую ошибку.

ПУДОВИЧОК И ПУШИНКА

Как-то утром король одного королевства проснулся с большим желанием отправиться на охоту.

– Мне снились олени, – сказал он своему министру. – Они подходили ко мне и брали корм прямо из рук. Хороший сон, хороший знак. Прикажи конюхам – пусть седлают моего Морелло.

Конюх, который ухаживал за Морелло, был очень славным и трудолюбивым юношей. Звали его Джелиндо. Конь у него всегда ухожен – ни единого насекомого от гривы до хвоста не отыщешь.

А этим утром, придя в конюшню, Джелиндо не обнаружил Морелло. Где только ни искал его! Нет коня, и всё тут.

Кто-то из придворных слышал в полночь ржание, кому-то почудилось, будто стукнули ворота...

– Видимо, украли, – опечалился Джелиндо.

Но кто осмелится сказать об этом королю? Король же, когда ему доложили о случившемся, ужасно рассвирепел и приказал посадить конюха за решётку. А если через три дня Морелло не найдётся, Джелиндо казнить.

Министр отправился на конюшню, чтобы арестовать конюха, но оказалось, что теперь и Джелиндо пропал.

– Кто-то же должен отвечать, – решил министр. – Посажу-ка я за решётку главного конюха, и пусть его ожидает судьба Джелиндо.

А Джелиндо, опасаясь гнева короля, прятался в городе у своего приятеля. Но когда узнал, что невинный человек попал вместо него в тюрьму и может ни за что погибнуть, надумал вернуться. Однако приятель стал отговаривать его.

– Лучше поищи коня, – посоветовал он. – Найдёшь – спасёшь и главного конюха, и себя.

– Да где же его искать?

– Моей жене сегодня снилось, будто кто-то галопом ускакал за Восточные ворота. Наверное, слышала во сне цокот копыт. Попробуй поискать в той стороне.

Джелиндо сунул в мешок хлеб, бутылку вина и отправился в путь. Шёл он, шёл, а когда наступил полдень, решил позавтракать. Присел в тени дуба и вдруг услышал чей-то тоненький голосок:

– Вытащи меня отсюда! Вытащи меня отсюда!

Джелиндо осмотрелся и увидел неподалёку глубокую яму, а в ней маленького человечка, ростом не больше полуметра, тощего, сухонького и ужасно сердитого.

– Что ты там делаешь? – удивился молодой конюх.

– Ловлю крота. Вытащи меня, и я тебе всё расскажу.

Джелиндо протянул ему руку, но вытащить человечка не смог. Тогда он протянул другую руку и изо всех сил упёрся ногами в землю.

– Какой же ты тяжёлый!

– Тяжёлый. Сам знаю. Я заснул тут, в тенёчке, и продавил своим весом яму.

– Как тебя зовут?

– Пудовичок.

– Подходящее имя!

– А ты кто такой?

– Меня зовут Джелиндо, – ответил конюх и рассказал, куда идёт он и зачем.

– Пойду и я с тобой! Мне всё равно делать нечего.

Джелиндо и Пудовичок шли весь день и на закате присели под смоковницей передохнуть. Сидят и вдруг слышат:

– Снимите меня отсюда! Снимите меня отсюда!

– Да где ты?

– Тут я, на смоковнице!

Взглянули они вверх и видят: сидит на самой тоненькой веточке огромный, как две бочки, человек, а веточка под ним даже не прогнулась.

– Отчего же ты сам не прыгнешь?

– Не могу – я слишком лёгкий. Прилёг под деревом и во сне взлетел сюда.

– Как тебя зовут?

– Пушинка.

– Подходящее имя!

Джелиндо и Пудовичок сняли Пушинку с дерева и поделились с ним хлебом и вином.

– Куда путь держите? – спросил Пушинка.

Рассказали путешественники ему, кто они и куда направляются.

– Пойду и я с вами. Мне всё равно делать нечего.

И отправились они дальше втроём. Пудовичок и Пушинка всё время держались за руки, и потому один не мог провалиться, а другой не мог взлететь.

К ночи добрались до мрачного, без единого окна, замка.

– Не очень-то привлекательное убежище, – заметил Желиндо, – да только поздно нам искать гостиницу. Попробуем переночевать тут.

Они подошли к воротам и хотели было позвать привратника, как вдруг подъёмный мост со скрипом пошёл вверх.

– Видно, не хотят пускать нас! – сказал Желиндо. – Нука, друзья, за дело!

Пушинка подпрыгнул и уцепился за край моста, а Пудовичок ухватился за ноги Пушинки. Мост так же, со скрипом медленно опустился.

Все трое направились в замок, но вдруг чей-то злой голос остановил их:

– Эй, вы, нищие попрошайки! Что вам здесь надо? Можете переночевать и в навозной куче!

В воротах замка стоял высокий худой человек в чёрном плаще. Остроконечная шляпа разрисована странными знаками.

– Осторожнее, – шепнул Пушинка Джелиндо. – Должно быть, это колдун!

Но конюха волновало другое. Он внимательно прислушался. Ему показалось, будто откуда-то издалека донеслось ржание Морелло. Однако Джелиндо ничего никому не сказал и вежливо приветствовал хозяина замка, отвесив ему низкий поклон:

– Мы бедные путники. Нам немного и надо-то: миску похлёбки да соломенную подстилку.

– Вы, должно быть, приняли меня за хозяина гостиницы. Да будет вам известно, что я – могущественный колдун и у меня тут нет никаких соломенных подстилок, а есть только хорошие матрацы!

Колдун пустил путников на кухню и налил им остатки лукового супа. А потом отвёл в комнату на самом верху башни, указал на постели и ушёл, заперев дверь на три замка.

Друзья улеглись спать. Пушинка привязал свою руку к кровати, чтобы не взлететь. А Пудовичок подвязал руку к балке на потолке, чтобы не провалиться. Минуту спустя оба дружно захрапели.

Джелиндо не мог уснуть и всё прислушивался. Глубокой ночью он снова услышал далёкое ржание и понял, что конь спрятан где-то в подземелье.

«Это Морелло, нет сомнения! – обрадовался конюх. – Как бы освободить его?..»

Он всю ночь ломал голову, но так и не придумал, как заставить колдуна вернуть коня. Рано утром хозяин замка разбудил их.

– Вставайте, – приказал он, – и проваливайте отсюда! Меня ждут дела.

– Наверное, хотите кого-нибудь заколдовать? – осторожно поинтересовался Джелиндо. – Вы, ваша милость, должно быть, самый могущественный из чародеев?

– Ты угадал, – ответил тот, польщённый его словами. – А кто ещё мог бы превратить обыкновенного коня из королевской конюшни в коня крылатого?

– Прекрасно, – заметил Джелиндо, – выходит, теперь Морелло может летать...

– Может, может летать! – подтвердил хозяин замка. – Колдовство почти завершено. Осталось только вырвать по волоску из гривы и хвоста... Но... Откуда ты знаешь Морелло? Кто ты такой? Кто вы все такие? И что вам здесь нужно? Ага, понимаю! Вы нарочно проникли в мой замок... Задумали украсть коня! Ну так я вам сейчас покажу!

И он уже собрался было произнести заклинание, но тут Пудовичок наступил ему на ногу и придавил её всем своим весом. Колдун завопил от боли:

– А-а-а!.. Я вижу, хотите побороться? Ну что же, давайте!

– Только по-честному! – предупредил Джелиндо.

– Конечно, конечно, по-честному. Кто победит, тот и заберёт Морелло.

Они спустились в зал. Колдун позвал слугу и велел принести весы.

– Посмотрим, кто из нас тяжелее! – усмехнулся он.

– Согласен, – сказал Джелиндо. – Выбирайте любого из нас.

Колдун посмотрел на Джелиндо, потом на Пушинку и остановил свой взгляд на Пудовичке.

– Я выбираю этого!

– Как вам будет угодно, – поклонился Джелиндо.

Колдун встал на весы, прошептал заклинание, и слуга принялся накладывать гири. Сто килограммов, двести, триста... Когда набралось тысяча килограммов, колдун соскочил с весов и рассмеялся:

– Ну а теперь посмотрим, на что вы способны!

Пудовичок поставил на весы только одну ногу. Сто, двести, триста... Когда стрелка показала полторы тысячи килограммов, он снял ногу с весов и шмыгнул носом.

У могучего колдуна искры посыпались из глаз.

– Хорошо, ваша взяла! Первый раунд вы выиграли, – злобно произнёс он. – Ну а теперь посмотрим, кто весит меньше!

И приказал принести другие весы. На одну чашку он положил пёрышко, а на другую уселся сам. Пёрышко оказалось тяжелее.

– А теперь садись ты! – велел колдун, обращаясь к толстяку.

На этот раз уж он не сомневался в победе. А Пушинка взял пёрышко, разрезал его на десять частей, отбросил в сторону девять и положил на весы только одну десятую его часть. Потом прыгнул на другую чашу, и этот кусочек пёрышка оказался таким тяжёлым, что Пушинка подлетел к самому потолку и набил себе шишку на макушке.

Колдун, который в этом состязании ещё никогда не терпел поражения, бросился им в ноги и стал умолять:

– Отдам все мои сокровища, только оставьте мне Морелло!

- Нет, мне нужен только конь! – ответил Джелиндо.
- Отдам мой замок и все мои земли! – продолжал колдун.
- Отдай Морелло, больше ничего мне не надо!
- Возьми волшебную палочку!

Как ни просил, как ни умолял колдун, ни на что не соглашался Джелиндо обменять коня. Пришлось вывести Морелло и распроститься с надеждой стать с помощью крылатого коня самым богатым и могущественным человеком на земле.

Не теряя времени, друзья двинулись в обратный путь. Джелиндо и Пушинка сидели на Морелло, а Пудовичок бежал следом. Они так обрадовались, что совсем забыли про маленькую хитрость, с помощью которой могли превратить Морелло в крылатого коня.

От счастья, что его любимый конь вернулся, король устроил друзьям праздничную встречу. Он освободил главного конюха, обнял Джелиндо и сказал:

– Хочу вознаградить тебя по заслугам. Вижу, с тобой пришли друзья. Один из них толстый, как две бочки. Я дам тебе столько золота, сколько он весит. Доволен?

– Ваше величество, – ответил хитрый Джелиндо, – вы слишком добры, но столько мне не нужно. Лучше дайте, сколько весит тот мой друг, что невелик ростом.

Король обнял его ещё крепче. Жадный по натуре, он решил, что и без того наобещал слишком много золота, и велел принести весы. Маленький Пудовичок встал на них, а люди, увидев это, рассмеялись.

Многие говорили, что Джелиндо просто дурак, – они-то на его месте сумели бы удержать фортуна за хвост. Но когда королевский казначей начал сыпать золото на весы, люди снова засмеялись, только теперь по другой причине. Оказывается, понадобилась половина королевской казны, чтобы чаша весов, на которой стоял Пудовичок, приподнялась хоть на чуточку.

Король побледнел и принялся теребить бороду. Наконец он не выдержал и вскричал:

– Взять этих мошенников и отправить в тюрьму!

Вот тут-то Джелиндо очень кстати вспомнил о словах колдуна. Он вырвал волос из гривы Морелло, вырвал другой из его хвоста, вскочил на коня и... тот взлетел!

Затем на коня прыгнул Пушинка, и Пудовичок ухватился за его ноги. И все, кто находился во дворце, остались с носом, увидев, как высоко над крышами города летит прекрасный крылатый конь, унося Джелиндо, Пудовичка и Пушинку, а с ними вместе и весы, гружённые золотом.

ЖАРЕНАЯ КУКУРУЗА

Жил-был король. Звали его Аквальберто Двадцатый, но народ прозвал его Крохобором, потому что слыл он очень жадным – даже корону свою никогда не надевал, опасаясь, что она изнашивается.

Царствовал этот король в Мурландии, и насчитывалось ему от роду пятьдесят девять лет – на год меньше шестидесяти.

За несколько месяцев до того дня, когда ему должно было исполниться шестьдесят, позвал он своего первого министра графа Коварнини по прозвищу Хитроумный и сказал:

– Послушай-ка, граф, скоро будет большой праздник – день моего рождения, и народ, конечно, пожелает сделать мне подарок. Я не хочу знать, что он мне подарит, потому что тогда не будет сюрприза, а сюрприз – это изюминка, без которой кулич, сам понимаешь, не кулич. Только смотри, я тебя заранее предупреждаю: мне не нужен какой-нибудь глупый подарок вроде тех, что вы делали прежде.

– Ваше величество, неужели вам не понравилась драгоценная корона, которую мы подарили в прошлый раз?

– Да никакая она не драгоценная, а всего лишь обычная позолоченная железяка, я сразу догадался.

– А эти прекрасные белые кони, которых мы подарили вам в позапрошлом году?

– Это же оказались ослы, которым вы подрезали уши, чтобы они походили на лошадей.

– А карета, которую подарили три года назад? Она ведь была из чистого серебра!

– Да, но слишком маленькая, словно игрушечная. Я так и не сел в неё ни разу... Ну ладно, оставим этот разговор. Скажи-ка лучше: что вы решили подарить мне на этот раз?

– Ваше величество, если скажу – узнаете, а узнаете – не будет сюрприза, и кулич, сами понимаете, будет не кулич.

– А ты как-нибудь так скажи, чтобы я не узнал!

Граф Коварнини давно уже придумал, какой сделать подарок королю, и теперь только притворялся, будто крепко задумался.

– Ну так что же? – не выдержал король Аквальберто, теряя терпение.

– Знаете, народ думает, что ваше величество обрадуется, если получит в подарок памятник.

– Хорошая мысль, хорошая. А какой? Бронзовый?

– Э нет, вот этого я вам не скажу.

– Мраморный?

– Холодно, холодно...

– Неужели деревянный? Не хочу деревянный! Чего доброго, люди ещё станут говорить, будто у меня не голова, а болванка.

– Ваше величество, не волнуйтесь, у вас будет самый прекрасный монумент, какой только может быть на свете.

– И все узнают меня?

– Непременно.

– Согласен. Иди и делай всё как следует. И если памятник мне понравится, подарю тебе...

– Что, ваше величество?

– Подарю...

– Что же, ваше величество?

– Подарю тебе золотое кольцо!

– О, благодарю вас, ваше величество!

– Постой, я ещё не закончил. Подарю тебе дырку от кольца, а само кольцо оставлю себе, потому что это память о дедушке.

– Всё равно благодарю, ваше величество.

Граф Коварнини низко поклонился и, пятясь, удалился из тронного зала, в то время как Аквальберто потирал от удовольствия руки.

А надобно вам сказать, что граф Коварнини недавно охотился в лесу, а потом, проголодавшись, зашёл в остерию «Чёрный дрозд». Зашёл да так и замер от удивления, потому что увидел человека... Очень странного человека... Он...

– Кто ты такой? – придя немного в себя, поинтересовался граф.

– Новый хозяин остерии, ваша светлость.

– А где прежний?

– Это был мой брат. Он умер и оставил остерию мне в наследство.

– Ну что ж, выходит, теперь хозяин здесь ты. А известно ли тебе, что ты как две капли воды похож на его величество короля Аквальберто Двадцатого?

– Я?! Помилосердствуйте! Я похож на своего отца, а он был кузнецом в Венеции.

– Но кузнецу нечего делать в Венеции – там ведь не держат лошадей, там плавают на гондолах!

– Вот именно. Отец очень не любил работать, поэтому и выбрал город, где не держат лошадей, чтобы целыми днями валяться на кровати.

– И вы очень похожи?

– Все, кто видел его, говорят, одно лицо. А я не знаю. Я никогда не видел его.

– А короля видел?

– Нет, тоже не видел.

– Ты похож на него, как на своё отражение в зеркале. Раз уж это говорю тебе я, можешь поверить, ведь я – первый министр короля.

– Спасибо, ваша светлость. Хотите пообедать?

За обедом граф Коварнини всё время посматривал на хозяина, которого, как он узнал, звали Анджелоне, а по прозвищу – Жареная Кукуруза.

– Анджелоне, послушай, что я тебе скажу, – подозвал он его наконец.

– Что прикажете, ваша светлость?

– Сколько тебе приносит эта твоя остерия?

– Надо сосчитать. Шестью восемь – сорок восемь... Минус девять... Три золотые монетки в неделю, если не слишком часто идёт дождь.

– А при чём тут дождь?

– При том, что тогда маловато бывает охотников, а все остальные простужены и лежат в постели.

– Если сделаешь, как велю, будешь получать по двадцать золотых монеток в неделю.

– Двадцать?

– Точно. Девятнадцать плюс один. Согласен?

– Дайте сосчитать. Шестью восемь – сорок восемь... Минус девять... Согласен.

– Ладно, тогда слушай.

Граф Коварнини объяснил Анджелоне, что тот должен делать. Анджелоне всё старательно записал.

– Молодец, – похвалил его граф Коварнини. – А чтобы легче было запомнить, держи вот эти десять золотых монеток.

– Десять раз спасибо, ваша светлость!

И вот настал день рождения его величества короля Аквальберто Двадцатого. Великий день. Королевство пробудилось от колокольного звона и грома пушечной канонады – пушки палили в честь короля и его юбилея. Выстрелов прозвучало шестьдесят, и люди вздыхали, считая их.

– Выстрел – золотая монетка, два выстрела – две золотые монетки, сорок выстрелов – сорок монеток, шестьдесят выстрелов – шестьдесят монеток... И за всё это мы должны платить из своего кармана – налогами!

Аквальберто разбудила целая процессия министров, сановников, мэров и школьни-
ков, которые размахивали флажками
и пели: «Поздравляем, поздравляем,
наилучшего желаем...»

– Хватит, хватит! – прикрикнул
на них Аквальберто, который тер-
петь не мог эту глупую песенку. –
Я проснулся. Где мой подарок?

– На площади, ваше величество, – ответил граф Коварнини. Аквальберто подбежал к окну. Посреди площади стоял памятник, укрытый золотистым покрывалом.

– Это он?

– Он.

– Красивый?

– Прекрасный.

– Быстрее, давайте сюда быстрее мои туфли, панталоны, плащ. Хочу скорее посмотреть на него.

– Сегодня вам надо надеть и корону, ваше величество!

– Но она может испортиться. А если пойдёт дождь, то намокнет!

– На небе ярко светит солнце.

– Тогда перегреется, расплавится!

– В день рождения, ваше величество, корона совершенно необходима.

– Ладно, – вздохнул король, – несите её.

Между тем на площади собрался народ Мурландии. Людям тоже хотелось посмотреть на памятник, который дарят за их счёт королю.

– Хорошо, если он деревянный, – сказал один мурландец своему соседу, – всё-таки подешевле.

– Хорошо бы если не деревянный, то хоть каменный.

– Не каменный, так хоть мраморный.

– Не мраморный, так железный.

– Хорошо бы не золотой! – вздохнул какой-то старик.

– Хорошо бы! – эхом ответили все мурландцы.

Король сам потянул за шнур, который стягивал покрывало, и не успело оно упасть, как изумлённая толпа испустила бесконечное «О-о-о-о-о-о-о-х!».

– Ох! – слышалось со всех сторон. – Ох!

– Перестаньте вторить мне, словно эхо! – рассердился Аквальберто. – Это я первый сказал «Ох!». Монумент и в самом деле хорош. Даже лучше, чем я представлял себе. Хитроумный, а ты молодец! – похвалил он своего первого министра.

Памятник оказался великолепный. Он изображал короля во весь рост. В правой руке тот держал скипетр, а левой указывал на небо, как бы говоря: «Я прекрасен, как солнце!»

Король узнал все свои одежды:

– Это мой плащ, который я носил в прошлом году. Это мои панталоны, в которых я езджу верхом, а это точная копия моей короны!

– Всё верно, ваше величество, – улыбаясь и кланяясь, подтвердил граф Коварнини.

– Да у него и лицо моё! Мой нос, мои глаза, мои усы, даже цвет волос как у меня! – радовался король.

– Конечно, ваше величество! – снова улыбнулся хитрый придворный.

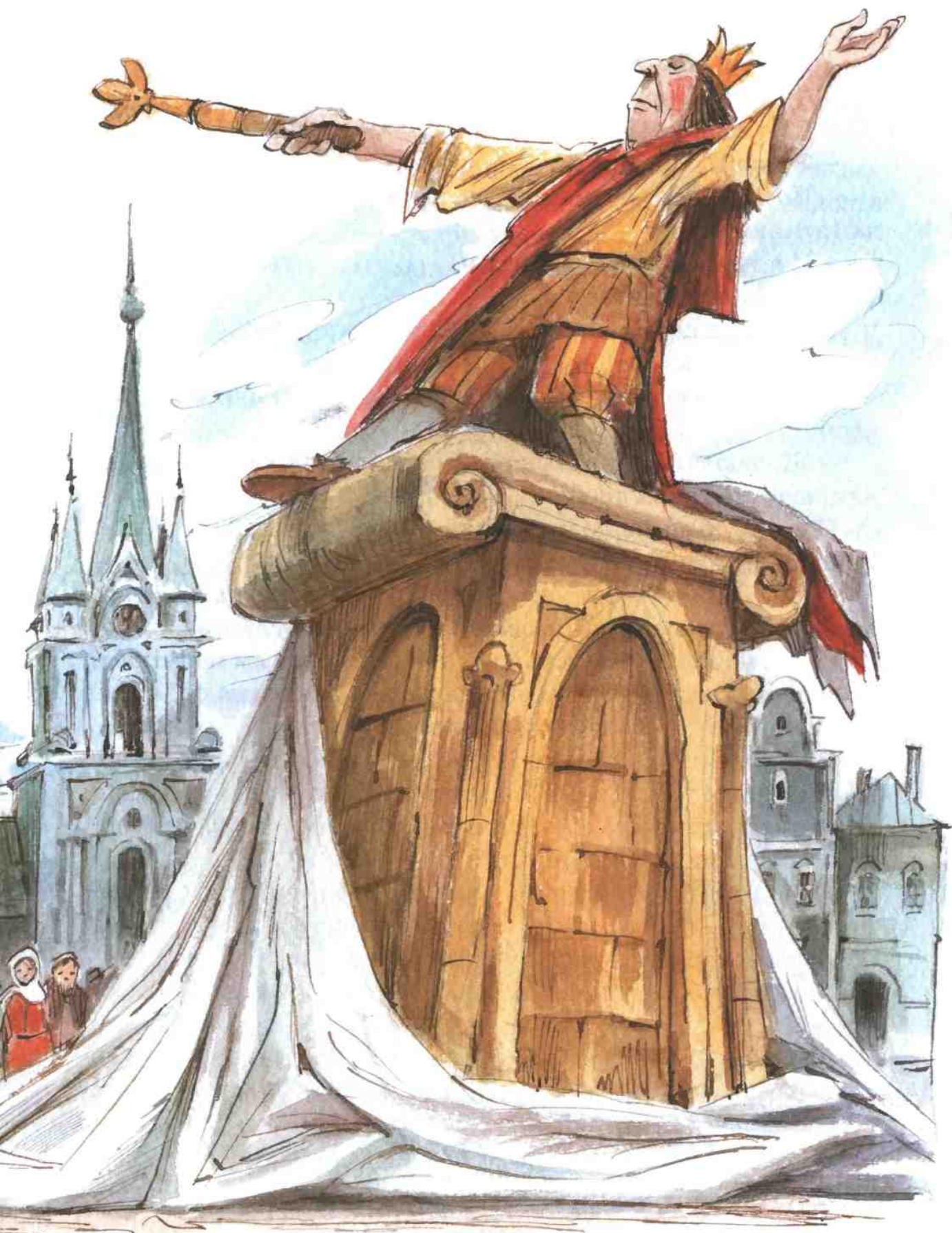
– Да, но как вам удалось раскрасить его? Он что же, из гипса?

– Нет, ваше величество.

– Значит, бронзовый.

– Теплее, теплее...

– Серебряный.
– Горячо, горячо...
– Он... Он... золотой!
– Ещё горячее, ваше величество. Это живой памятник.
– Живой? Как это так – живой?
– Посмотрите внимательно, ваше величество. Видите, памятник дышит.

– И в самом деле – дышит!

– Памятник двигается.

Памятник сделал приветственный жест рукой.

– Памятник говорит.

И памятник, словно ждал сигнала, открыл рот и произнёс:

– Желаю тебе, Аквальберто Двадцатый, король Мурландии, ещё сто таких дней!

И снова по всей площади прокатилось изумлённое «Ох!». Удивлению народа не было конца.

Памятник, как вы уже догадались, изображал хозяин остерии Анджелоне по прозвищу Жареная Кукуруза. Он согласился на эту работу только из любви к золотым монеткам, но теперь обнаружил, что ему не только деньги дают, а ещё и аплодируют, и остался очень, просто очень доволен собой.

Вот так и случилось, что король Аквальберто Двадцатый получил в подарок живой памятник. Причём получил при жизни, тогда как его отцу памятник (отнюдь не живой) поставили только после смерти.

Надо ли удивляться, что Аквальберто возомнил себя великим человеком. И, довольный как никогда, он отправился во дворец отведать праздничного торта.

Люди тоже разошлись по домам – каждый к своему торту. А Анджелоне остался изображать памятник. Ведь, как условились, он должен стоять на пьедестале с рассвета до заката без всякой еды. А ночью мог спокойно спускаться на землю, ничего не опасаясь, потому что, едва темнело, в этом далёком королевстве засыпали все, даже стражники.

Поначалу всё шло хорошо. Король каждое утро приходил взглянуть на памятник, приказывая ему приветствовать себя: «Здравствуйте, ваше величество!» – и возвращался во дворец рассматривать картинки в книжках.

Но однажды всё изменилось. Вернее, провалилась вся затея. А случилось вот что. Один охотник, который надолго уезжал из королевства, вернувшись, с удивлением обнаружил на площади памятник. Он присмотрелся к нему да как закричит:

– Анджелоне! Это ты, Анджелоне? Что ты там делаешь, на этом пьедестале?

– Помолчи, ради бога! – зашикал на него Анджелоне.

– Что значит «помолчи»? Не сошёл ли ты с ума? И что это ты на голову напялил?

– Корону.

– Да вижу, что корону. Только не понимаю: чего это тебе вздумалось залезть туда, да ещё с короной на голове?

– Ради бога, помолчи! И вообще, уходи отсюда!

Мимо проходил горожанин и, услышав этот разговор, очень заинтересовался:

– Что такое? Что случилось?

– Как что?! – воскликнул охотник. – Это ведь Анджелоне! И он, должно быть, рехнулся.

– Какой Анджелоне?

– Да наш Анджелоне, хозяин остерии «Чёрный дрозд». Один у нас Анджелоне. По прозвищу Жареная Кукуруза.

– Жареная Кукуруза? Почему жареная?

– Потому что он любит жареную и с тёртым сыром.

Вскоре возле памятника собралась толпа горожан. Люди передавали друг другу новость, смеялись и кричали: «Жареная Кукуруза! Жареная Кукуруза!»

Поначалу Анджелоне всё это терпеливо сносил. Но когда площадь заполнилась народом, который стал потешаться над ним и обзывать Жареной Кукурузой, он не выдержал. Разозлившись, Анджелоне спрыгнул с пьедестала и принялся колошматить всех направо и налево своим скипетром, отлитым, между прочим, из свинца.

— Это тебе за жареную кукурузу, а это за кукурузу с сушёной треской!

Он так разошёлся, что остановиться уже не мог. А люди только ещё больше смеялись и ещё громче кричали: «Жареная Кукуруза! Жареная Кукуруза!»

Выбившись из сил, Анджелоне хотел было снова забраться на пьедестал, да передумал: «А что проку теперь стоять там! Не буду я торчать на посмешище уличным мальчишкам!»

Отбросил он плащ и корону, отшвырнул скипетр и вернулся в свою остерию «Чёрный дрозд».

Аквальберто доложили, что памятник исчез по злему колдовству одного волшебника, бывшего в услужении у некоторых враждебных и завистливых королей. И никто не посмел сказать ему всю правду. Но с того дня народ перестал звать его Крохобором.

У короля появилось новое прозвище, которое стараниями графа Коварнини попало в учебник истории, — народ Мурландии стал называть своего короля Жареная Кукуруза.

Только Аквальберто так никогда и не узнал об этом. Он умер в полной уверенности, что в учебниках истории его величают Победоносным и Великим.

ПРИНЦ-ЛЕСНИК

Принц Сиро, единственный сын короля Беговии, очень любил охоту. Однажды, преследуя быстроногого оленя, он далеко ускакал от своей свиты и заблудился в огромном лесу.

До самого заката блуждал принц по лесной чаще, но так и не смог выбраться из неё. А когда опустилась ночь, снял с коня седло, подложил его вместо подушки под голову и спокойно уснул. Утром легче будет отыскать дорогу домой, решил он.

Пока принц Сиро спал, его лошадь, испугавшись, должно быть, какого-то ночного животного, сорвалась с привязи, понеслась и упала в овраг.

И принц остался без лошади. Два дня бродил он по глухой чаще, собирал ягоды и коренья, чтобы утолить голод, а на третий день увидел за деревьями хижину. Однако, прежде чем постучаться, спрятал в кустах свой нарядный плащ. Пусть не знают, что он – принц. Да и ему хорошо бы сначала понять, что за люди здесь живут.

В хижине жил лесник с дочерью. Они встретили Сиро приветливо, покормили чем могли и не стали расспрашивать, кто он такой и откуда пришёл.

Одежда на принце после долгих блужданий по лесу порвалась и испачкалась. Никто и не подумал бы, что так может быть одет настоящий принц.

Подкрепившись немного, Сиро поднялся на сеновал и уже через минуту крепко спал. Его разбудили чьи-то громкие голоса.

Оказывается, к леснику пришли его собратья, и, пока варились в горшке каштаны, они говорили о своей жизни.

– Чем дальше, тем труднее становится, – жаловался один из них. – Совсем невмоготу! Король своими налогами отбирает у нас даже то небольшое, что зарабатываем.

– Верно, – согласился второй, – другого такого жадного короля поискать надо!

– Мало того что жадный, ещё и злой, – добавил третий. – Помните, как он велел сжечь хижину Дарио из-за какого-то пустяка?

Принц Сиро слушал этот разговор, и щёки у него пылали от стыда. Одно за другим лесники обрушивали на его отца всё более сердитые обвинения, и каждое ранило принца, словно нож в сердце.

А в том, что эти бедные люди говорили правду, сомневаться не приходилось. Прежде Сиро никогда не слышал, даже не подозревал об их бедах. Теперь же, узнав, какая у них тяжёлая жизнь, немало огорчился, и от прежней его беспечности не осталось и следа.

«Ах, отец, отец, – сокрушался принц, – как же ты можешь так мучить наш добрый народ?»

Когда лесники позвали его к столу поесть дымящихся каштанов, Сиро спустился к ним, чувствуя себя виноватым и с трудом сдерживая слёзы от волнения.

Заметив, что с молодым человеком творится что-то неладное, Стелла, дочь лесника, предложила:

– Давайте оставим этот разговор. Видите, как расстроен наш гость? Едва ли не больше вас.

Добрые слова девушки глубоко тронули Сиро, и он решил не возвращаться в королевство.

«Стану лесником, – подумал принц, – разделю горести этих людей. Буду работать вместе с ними и постараюсь загладить своим трудом страдания, какие причинил им мой отец».

Он так и сделал. Построил себе хижину неподалёку от домика лесника и отрастил бороду, чтобы никто не узнал его.

Теперь наверняка и отец не признал бы наследного принца в этом крепком человеке с загорелым лицом и густой светлой бородой.

Однако король Беговии Илларион Третий никак не мог смириться с утратой своего единственного сына. Он каждый день посылал в лес солдат, охотников и придворных, чтобы те отыскиали и доставили к нему принца, пусть даже мёртвого. Но люди возвращались ни с чем, и король в гневе назначал им жестокие наказания.

– Обшарьте каждый куст, – требовал он и снова отправлял в лес несчастных придворных, – сожгите все хижины, какие попадутся, пытайте всех лесников! Не может человек, тем более принц, исчезнуть бесследно!

Придворные обыскали в лесу каждый куст, каждую хижину, но принца так и не нашли.

Тем временем прошёл год. Король не оставлял надежды найти своего сына. И вот однажды, отправившись в очередной раз на поиски, он увидел, как его собака разрыла в лесу кучу сухих листьев, а под ними оказался плащ пропавшего принца.

– Все за мной! – обрадовавшись, приказал король Илларион и вскочил в седло. – Сейчас-то мы его точно найдём!

Король возглавил отряд из ста солдат, прочесал с ними весь лес, палками выбивая признания у лесников.

Но никто так ничего и не сказал ему, потому что никто и в самом деле ничего не слышал о принце.

А Сиро работал в самом дальнем краю леса и не ведал, что происходит. Иначе он, конечно, очень огорчился бы, узнав, что его новые друзья страдают из-за него.

Когда же Сиро вернулся в свою хижину, его сразу схватили солдаты короля Иллариона.

– Всех лесников в тюрьму! – распорядился король. – И держать на воде и хлебе, пока не заговорят!

Стеллу тоже отправили в тюрьму. Сиро, увидев, как её в оковах ведут королевские стражники, в гневе разметал

добрую дюжину солдат, которые пытались удержать его.

– Илларион, ты же убиваешь собственного сына! – воскликнул он.

Слова эти передали королю, и тот в ярости приказал казнить молодого бунтовщика.

– Пусть будет первым! А за ним последуют и другие, пока не узнаю наконец, где мой сын!

Лесников отправили в подземелье, а Сиро – в башню, куда сажали перед казнью осуждённых.

Принц улёгся на топчан и сразу же уснул крепким, безмятежным сном. Его не страшилась смерть, ведь он ни в чём не виноват.

На рассвете принц позвал часового и сказал:

– Пойди к королю и передай ему мои слова: «Твой сын жив, и я знаю, где он. Но если хочешь увидеть его, освободи всех лесников, отведи в свою сокровищницу, и пусть они возьмут там всё, что пожелают».

С этими словами Сиро велел передать королю медальон, который всегда носил на груди, под рубашкой. В нём принц хранил портрет матери, умершей, когда он появился на свет.

Увидев медальон, король понял, что слова узника, заточённого в башне, – не ложь и не ловушка. Дрожащими руками открыл он медальон и долго смотрел на портрет своей жены-королевы. Как он тосковал по ней!

– Ах, если бы ты была жива!.. – вздохнул Илларион.

Должно быть, при виде портрета что-то дрогнуло в его душе, и он вдруг почувствовал себя старым и уставшим человеком – уставшим от одиночества, от тяжести королевской короны и от собственной жестокости.

«Если бы я хоть на минуту мог увидеть моего сына, – подумал он, – тогда и умер бы спокойно».

А стражникам приказал:

– Сделайте, как велел тот юноша.

Стражники немало удивились, но выполнили приказ короля: освободили заключённых, отвели в сокровищницу и, указав на груды золота и драгоценностей, сказали:

– Берите всё, что захотите. Наполняйте карманы.

Бедные лесники растерялись. Они привыкли, что их

вечно преследуют горести и несчастья, и теперь не могли поверить в такое везение. Посчитав, что здесь таится какая-то ловушка, никто из них даже не прикоснулся к сокровищам.

А король тем временем велел привести к нему Сиро.

– Я сделал, как ты хотел, но лесники ничего не взяли. Как же мне быть?

– Ты мог бы и догадаться, что они ничего не возьмут. Теперь сам отдай им золото и драгоценности. Конечно, это не облегчит их горе, но хотя бы поможет в будущем.

– Ты упрекаешь меня, – вздохнул король. – А ведь я – просто несчастный человек.

С этими словами он собрал всё золото и драгоценности, что были в его сокровищнице, и раздал лесникам.

Принц увидел в глазах короля слёзы. Он одновременно и огорчился, и обрадовался: потому что ни за что на свете не хотел быть виновником этих слёз и потому что понял – его отец изменился, стал другим человеком.

– Берите, берите, – говорил Илларион, не сдерживая слёз, – мне всё это ни к чему. Только верните сына!

И тогда Сиро преклонил перед ним колено, поцеловал край его мантии и признался, кто он. В доказательство показал кольцо своей матери, назвал по именам слуг, припомнил свои игрушки, клички любимых лошадей...

Но ничего этого можно было бы и не рассказывать. Едва Сиро склонился перед королём, сердце шепнуло Иллариону, что перед ним действительно его сын.

– Отец, – сказал принц, – вы обрели сегодня не одного сына, а, если хотите, тысячи сыновей.

И он указал на лесников, стоявших рядом, а потом и в окно – на площадь, где собралось много народа.

– Мы все – ваши дети, – повторил Сиро.

Старый король, с трудом сдерживая волнение, едва смог вымолвить:

– Да, да, конечно...

Наконец пришло время представить отцу дочь лесника, которую принц полюбил всем сердцем и которая, к своему огромному удивлению, стала принцессой.

Король подивился красоте Стеллы и с радостью усадил её рядом с собой.

Одним словом, это оказался большой день для всех – один из таких, какие бывают, к сожалению, только в сказках.

И правда, в реальной жизни я почему-то никогда не встречал королей и принцев, которые дружили бы с лесниками.

ПРИНЦ ДУРАЛЕЙ

Принца Аврелио все знали как красивого, смелого воина, имевшего вдобавок множество прочих достоинств.

И всё же никто не величал его ни Мужественным, ни Отважным, а прозвали его в народе Дуралеем.

И в самом деле, хоть сильный и ловкий, принц, прямо скажем, отличался тупоумием. Уж очень долго до него всё доходило, и нередко он принимал дедку за репку, а горы за шторы.

Отправился Аврелио однажды на войну. Ну а так как он всё-таки принц, то поручили ему командовать целым флангом армии.

– Вы, ваше величество, должны взять с вашими солдатами вон тот мост, – сказал ему генерал.

Принц Аврелио провёл операцию как нельзя лучше: атаковал противника, отогнал его от моста, а потом... велел солдатам разобрать мост по кирпичикам, взвалить на плечи и отнести генералу.

– Я взял мост, как вы приказали! – доложил принц. – Вот он, перед вами.

– Молодчина! И как же теперь прикажете преследовать неприятеля?

А противник тем временем недолго думая с криками «Ура! Ура!» перешёл в наступление. Войско, которым командовал принц, пустилось наутёк. Побежали все, кроме Аврелио, потому что он никогда не отступал. К тому же принц неправильно понял крики «Ура! Ура!», решив, что война окончилась и наступил мир.

Аврелио взяли в плен, но когда узнали, что это он велел разобрать мост, стали чествовать как героя.

– Надо же, – удивился принц, – как они любят меня!

Он часто принимал тыкву за морковь и теперь недоумевал, почему его вдруг посадили в тёмную камеру.

– Что за дуралеи такие?.. Поначалу чествовали, а теперь держат в тюрьме.

Аврелио опустился на соломенную подстилку и уснул. Утром его разбудил солнечный луч, проникший в маленькое окошко с толстыми железными прутьями. Принц подтянулся на руках, выглянул наружу и увидел пустой дворик, окружённый высокими стенами. А в окне напротив, тоже зарешеченном, – печальное лицо хорошенькой девушки. Хорошенькой? Она показалась Аврелио прекрасной, такой прекрасной, что у него сильно заби-

лось сердце, а глаза наполнились слезами.

– Отчего плачешь, юноша? – спросила девушка, приветливо помахав ему.

– Не знаю, – с грустью ответил Аврелио. – Боюсь, мои соотечественники правы, называя меня принцем Дуралеем.

Девушка улыбнулась:

– Я слышала, тебя будут держать в тюрьме до тех пор, пока твой отец не отдаст столько золота, сколько ты вешишь.

«Вот, значит, почему они так обрадовались, когда взяли меня в плен...» – догадался принц.

– Не плачь, – продолжала девушка. – Рано или поздно ты обязательно вернёшься домой... А вот моя судьба куда печальнее. Я – сицилийская принцесса, меня зовут Роза. Я плыла на корабле, пираты захватили его, а меня продали на Восток. И теперь ужасный колдун Берсанте держит меня в заточении. Он хочет, чтобы я вышла за него замуж. Это его владения. Ты тоже теперь его собственность. Колдун получил тебя в подарок от султана в благодарность за колдовство, которое помогло ему одержать победу.

Аврелио слушал печальную историю Розы, и слёзы ручьём текли по его щекам.

«Странно, – размышлял он, – плачу и сам не знаю отчего. Только чувствую, что становится легче. Что же это со мной происходит?»

– Роза, – воскликнул он, оставив свои мысли, – не отчаивайся! Твоя судьба станет моей судьбой. Мы вместе вернёмся домой, и я женюсь на тебе!

– Спасибо, добрый принц! У тебя благородное сердце. Но как ты сможешь одолеть колдуна Берсанте?

– Что-нибудь придумаю.

Должно быть, впервые в жизни принц употребил слово «думать». Кто знает, может, это слёзы прояснили его разум, а может, так подействовали на него горе и любовь.

«Нет, конечно, – решил принц Аврелио, – теперь я вовсе не дуралей, как прежде! Это я понял, благодаря... Да, да, благодаря темнице и Розе!»

Попрощавшись с девушкой, Аврелио опустился на пол и стал думать. Думал он, думал, но так и не смог придумать, как выбраться из тюрьмы вместе с Розой.

«Как же это, оказывается, трудно – думать! – удивился он. – Я совсем не привык к этому. Ну ничего, обязательно что-нибудь придумаю! И тогда держись, Берсанте, жалкий колдун! Увидим, кто победит!»

Роза, напротив, сидя взаперти больше года, только и делала, что размышляла, как бы убежать от злущего старика. Но ей не хватало смелости вступить с ним в борьбу.

Слова принца Аврелио взволновали девушку. Она почувствовала, как в душе впервые затеплилась надежда.

«Должно быть, принц Аврелио передал мне немного своего мужества, – подумала она. – Это как раз то, что мне сейчас нужно больше всего...»

А ведь известно, мужество – оно такое: человек обнаруживает его у себя именно тогда, когда оно особенно необходимо или же когда совсем теряет надежду обрести его.

В ту ночь Роза незаметно пробралась в кабинет Берсанте, где хранилась Великая Книга Заклинаний. При свете луны она отыскала «Заклинание, чтобы выбраться из тюрьмы» и прочитала его, стараясь запомнить каждое слово, самое

короткое из которых выглядело так: «Бороскватрискафулькавалькалазино».

Убедившись, что хорошо выучила заклинание, девушка поспешила обратно в камеру и с нетерпением принялась ждать утра. На рассвете, как только колдун Берсанте уехал по своим делам, Роза подбежала к окошку.

– Аврелио! – позвала она.

Бедный юноша за всю ночь ни на минуту не сомкнул глаз. Принц думал и думал, но, как вы знаете, у него это плохо получалось, а потому он так и не нашёл того, что искал. Но заклинание, которое сообщила ему Роза, он за-

помнил с первого раза, так что девушке даже не пришлось повторять его.

– А теперь нам вместе нужно произнести заклинание, закрыв глаза и стоя на одной ноге, – объяснила Роза. – Только сперва я хочу сказать тебе спасибо за то, что ты дал мне мужество бороться за свободу.

– Я тоже, – ответил Аврелио, – хочу поблагодарить тебя! За то, что заставила меня думать. А теперь – начнём.

И как только они произнесли последний слог заклинания, стены тюрьмы исчезли, и молодые люди оказались в карете.

– Роза!

– Аврелио!

Четвёрка чудесных лошадей, впряжённых в карету, нетерпеливо постукивала копытами, ожидая удара кнутом, чтобы пуститься вскачь.

Принц схватил поводья, хлестнул лошадей, и они тут же понеслись, едва касаясь земли.

– Вперёд! – кричал Аврелио, подгоняя лошадей. – Мы свободны! Возвращаемся домой!

Но безумная скачка длилась недолго. Неожиданно беглецов ослепила молния, и в тот же миг карета остановилась как вкопанная. Кони внезапно исчезли, а вместо них рядом с оглоблями лежали крохотные улитки, с удивлением шевеля своими рожками.

– Вперёд! Вперёд! – кричал Аврелио.

Но не думайте, будто он оставался всё тем же дуралеем и надеялся, что улитки сдвинут карету с места. Нет, это он сказал Розе, схватил её за руку, и они пустились бежать через поле к лесу, видневшемуся вдали.

За их спиной раздался зловещий смех. В коляске, запряжённой тигрицей, в погоню мчался колдун. На коленях у него лежала Великая Книга Заклинаний, и ветер перелистывал её страницы.

– Я превратил ваших коней в улиток! – ликовал Берсанте. – Но это пустяк. Это лишь начало. То ли ещё будет!

– Не бойся, Роза! – воскликнул Аврелио. – Мы теперь сильнее колдуна...

Неожиданно новое препятствие встало на их пути – река! Неподалёку в тростнике юноша заметил лодку, тихо покачивающуюся на волнах. Принц бережно перенёс Розу в лодку, схватил вёсла и принялся грести. Тем временем колдун уже оказался на берегу. Он лихорадочно листал свою книгу.

– Вот что вам нужно! – вскричал Берсанте и быстро прочитал заклинание.

В ту же минуту лодка исчезла. Аврелио с Розой оказались в воде. Вёсла превратились в омерзительных червей, и юноша с отвращением отшвырнул их в воду.

– Всё кончено! Мы у него в руках, – бледнея, прошептала Роза.

Но Аврелио подхватил её и поплыл к другому берегу, где виднелся лес. Колдун снова принялся листать свою волшебную книгу.

– Нашёл! – вдруг обрадовался он. – Ещё одно усилие... Вот как, вы уже на берегу... Ну так смотрите!

И в тот момент, когда Аврелио выходил из воды, неся на руках Розу, почти потерявшую сознание, колдун произнёс новое заклинание.

Деревья вдруг задвигались, словно живые существа, и стали окружать беглецов плотным кольцом.

– Западня! – кричал колдун. – Вы в западне!

От радости он вскочил и захлопал в ладоши. И тут книга, лежавшая у него на коленях, упала в воду, течение подхватило её и понесло прочь. Великая Книга Заклинаний плыла, пока не попала в водоворот и не исчезла навсегда в пучине.

– На помощь! – завопил Берсанте. – Моё сокровище!..

Тем временем тигрица, впряжённая в коляску, улучила момент, рванулась и выскочила из хомута. Но колдун больше не мог повелевать ею.

– Ловите! Ловите мою книгу! – кричал Берсанте и рвал на себе волосы от отчаяния. – Я же не умею плавать! Помогите!

Но никто не слышал его. А если б кто и услышал, вряд ли пришёл бы на помощь.

Роза и Аврелио спаслись, – деревья вдруг тихо отступили и снова замерли на своих местах.

– Какое счастье! – обрадовался Аврелио. – Мы и правда сильнее колдуна!

Остальное можно досказать в двух словах: они вернулись домой и сыграли свадьбу. И все позабыли прозвище принца.

А Берсанте, оставшись без Книги Заклинаний, потерял свою силу и никому уже не был страшен. Чтобы не умереть с голоду, ему пришлось просить милостыню. Одни бросали ему в шапку фальшивые монетки и смеялись:

– Ну-ка, колдун, преврати их в золотые цехины!

Другие, напротив, жалели его и подавали несколько сольдо. Всё-таки старик есть старик, даже если он когда-то и слыл злым колдуном.

ПРИНЦЕССА ВЕСЕЛИНА

Король Боэмондо, правивший Брисландией, и его супруга королева Розалинда прожили вместе пятнадцать лет, когда наконец у них родилась дочь. Радость оказалась так велика, что они решили назвать девочку Веселиной.

По всему королевству объявили большой праздник, и огни фейерверка освещали небо три ночи подряд. Маленькая принцесса, словно для того чтобы оправдать своё имя, очень скоро обнаружила живой и беззаботный характер.

Однажды во время торжественной церемонии при дворе она начала прыгать по ступенькам трона. Главный Камергер чуть в обморок не упал – так шокировало его поведение малышки. Он даже позволил себе сделать принцессе замечание:

– Ваше высочество, но мы же не в цирке!

А король Боэмондо только улыбнулся:

– Оставьте её. Разве вам не хотелось бы сбросить лет пятьдесят, чтобы поиграть с ней?

В другой раз принцесса Веселина прицепила картонную рыбку к фраку Первого Министра. Тот страшно обиделся и даже хотел подать в отставку.

– Что за шутки! К тому же до первого апреля ещё целых два месяца! – жаловался он королю.

Однако Боэмондо и его успокоил:

– Во всяком случае, вы должны согласиться, что рыбка сделана весьма искусно!

Веселина имела обыкновение входить в королевский дворец и выходить из него только через окно.

– Ваше высочество, – сердилась гувернантка графиня Бибиана, – в этом дворце, слава богу, двести дверей, и воспитанные люди про это знают.

– Но ведь так скучно входить через двери! – отвечала Веселина. – Куда интереснее лазать на подоконник!

К сожалению, и для неё наступили печальные дни. Король Боэмондо заболел и умер. А через несколько месяцев

и венценосная вдова последовала за ним в королевскую гробницу – величественную, со скульптурными украшениями, но такую же холодную, как и все прочие могилы.

Веселине исполнилось шестнадцать лет, и она думала, что умрёт от горя. Принцесса покорно согласилась на церемонию коронации и стала королевой. Она участвовала в заседаниях Совета Министров – сидела тихо-тихо, слушая долгие споры о вещах, которые её нисколько не интересовали, потому что ничего не понимала в них.

Но вскоре придворная жизнь закрутила её в своём водовороте. Одно за другим следовали празднества, приёмы, балы, спектакли, концерты. Ну как тут будешь грустить! И Веселина опять стала озорничать, как прежде. Она дёргла за усы Главного Камергера, скакала по ступенькам трона, пряталась под кроватью, чтобы напугать графиню Бибиану.

Народу нравилась такая королева, а вот важным придворным сановникам не очень. Однажды королеву Веселину застали в тот момент, когда она вылезала в окно, не пожелав выйти в сад через парадную дверь, возле которой её всегда ждали часовые, чтобы отдать честь. И разразился огромный скандал!

– Это не королева, а шалунья какая-то! – возмущённо общал Главный Камергер всем, кто хотел его слушать.

Особенно внимательно его слушал герцог Дориберто, двоюродный брат Веселины, который уже давно приглядывался к трону, как говорят в таких случаях. Наверное, лучше прямо сказать, что он хотел украсть корону у своей кузины. Он полагал, что легкомыслие молодой королевы поможет ему достичь цели, а также рассчитывал на помощь некоторых сановников, наобещав им званий и богатств. Кроме того, он уверял, что всегда будет выходить только через двери...

Однажды ночью Веселину внезапно разбудила её верная гувернантка.

– Ваше величество, одевайтесь! – с тревогой сказала она. – Нужно бежать! И как можно скорее! Герцог Дорибер-

то провозгласил себя королём Брисландии! И уже послал стражников арестовать вас!

– Дориберто – король? – Веселина расхохоталась. – Как же будет держаться корона на его вечно лохматой голове?

– Ваше величество, сейчас не до смеха. Надо бежать!

– Вот замечательно! Это единственное, что мне ещё никогда не удавалось, а любой уличный мальчишка делает это сотню раз в день. Скорее, Бибиана, бежим, бежим!

И пока графиня Бибиана торопливо укрывала её плащом, Веселина продолжала смеяться и хлопать в ладоши от радости:

– Убегаю в лес, словно сказочная принцесса!

– Сейчас зима, ваше величество. В лесу много снега, мы можем замёрзнуть! Ох мы несчастные, несчастные... – причитала гувернантка.

– Глупышка, нисколько не замёрзнем, потому что будем ходить на лыжах!

Таков уж был характер у Веселины – она, счастливица, ко всему относилась легко и беззаботно. Беззаботно отнеслась она и к своей новой жизни, хотя на её месте любая другая королева, будь она хоть чуточку менее весёлой, плакала бы от унижения и страха.

Веселина жила с Бибианой в хижине, укрытой в самой глубине брисландского леса. Ей помогал верный слуга Грациано, который последовал за нею в это печальное изгнание. Он приносил еду и дрова для очага.

Её коварный брат Дориберто не стал преследовать королеву.

Три года прожила Веселина в лесу со своей славной Бибианой и добрым Грациано, и ни один день не проходил без игр и веселья. Однажды Грациано, ездивший в столицу за продуктами, привёз волнующие новости.

– Похоже, армия недовольна королём Дориберто. Народ тоже устал и протестует: уж слишком злым и жестоким оказалось его правление! Народ требует, чтобы вернулась добрая королева Веселина. Говорят, новый Камергер разослал гонцов во все концы страны в поисках вашего величества.

– Какая прелесть! – обрадовалась Веселина. – Значит, возвращаемся домой!

А ещё через два дня кортеж, состоящий из роскошных карет, остановился возле хижины Веселины. Должно быть,

кто-то знал, где укрывается королева, но молчал, чтобы не навредить ей.

Веселина вышла к послам в самом скромном платье, босиком и даже без шляпы.

Знатные господа приветствовали её, как и подобает встречать королеву, – склонившись перед ней в низком поклоне.

– Ваше величество, вернитесь править нами на счастье Брисландии.

– Я готова, – с лёгкостью ответила Веселина. – Поехали!

И она снова стала править страной, как всегда весёлая и беспечная, готовая в любую минуту подшутить над Камергером или дёрнуть за бороду Первого Министра.

И чтобы не печалить Веселину, ей даже не стали рассказывать о том, что происходило в её отсутствие. Не сказали, как Дориберто вовлёк Брисландию в жестокую войну с соседним герцогством Мировия, как происходили ужасные сражения и в них погибли тысячи молодых людей. Решили – пусть себе развлекается.

Всем нравилось, что она радуется людям своим хорошим настроением и добротой. Серьёзно с королевой поговорили лишь однажды – в день, когда ей исполнилось двадцать лет. Веселине напомнили, что пора выбирать жениха.

– Это важное дело, ваше величество, – сказал Первый Министр. – Чрезвычайно важное! Вы должны дать трону наследника. Позвольте мне попросить вас перестать смеяться.

– Я стараюсь, – ответила Веселина, прикрывая рот платком, – но не получается. Не могу не смеяться. Мысль о замужестве кажется мне такой смешной, что...

И она снова залилась звонким смехом. В тот день Совет Министров заседал особенно долго, гораздо дольше обычного. Наконец Веселина решилась.

– Ладно, – сказала она, хитро улыбаясь, – я согласна выйти замуж. И чтобы вы убедились, что говорю серьёзно, обещаю, что выйду замуж за того юношу, знатного или простолюдина, брисландца или чужеземца, который сумеет так

признаться мне в любви, что я не засмеюсь. Если останусь невозмутимой, значит, вопрос решён – это и будет мой жених.

Ужасно довольные, что добились от неё обещания, министры поспешили объявить об этом всему королевству. В назначенный день и час площадь перед дворцом заполнилась народом.

Претенденты на руку и сердце королевы выстроились в первом ряду перед тронем, поставленным наверху парадной лестницы. Это были знатные юноши, приехавшие из разных концов королевства и даже из других стран. Никто из них не сомневался, что сумеет заставить королеву сохранить серьёзность.

Но вот появилась Веселина. Громкие аплодисменты приветствовали её. Усевшись на трон, королева помахала своей короной, словно шапочкой или платочком. Рукоплескания вспыхнули с новой силой, и к ним добавились взрывы смеха.

Прозвучал сигнал трубы, и вперёд вышел первый претендент. Он опустился перед королевой на колени и сказал:

– Ваше величество, кладу моё сердце к вашим ногам...

И, растерявшись, замолчал, потому что Веселина, услышав его слова, вскочила и принялась что-то искать на земле возле трона.

– Могу ли я помочь вам? – робко спросил претендент.

– Да, — ответила Веселина, — помогите мне отыскать ваше сердце. Вы ведь сказали, что положили его сюда, но я ничего не вижу, здесь его нет...

И ну хохотать! А уж если смеялась она, можете себе представить, как покатывался от смеха народ.

Претендент, покраснев, поклонился, вскочил на коня, и больше его не видели.

Вперёд вышел второй претендент на звание жениха – такой ослепительно красивый принц, что люди даже перестали смеяться. По площади прокатилось громкое «Ах!».

– Ваше величество! – воскликнул принц. – Моя любовь – это пламя, которое...

– На помощь! – вдруг закричала Веселина. – Зовите пожарных! Или принесите хоть ведро с водой. Я не хочу, чтобы этот молодой человек подпалил любовным огнём свои усы.

И ну хохотать. Народ тоже смеялся от души.

Один за другим все участники соревнования признавались королеве в своей любви, и один за другим уходили, осмеянные. А те, что ещё остались, уж и боялись выходить.

– Иди ты, а я потом, – шептали они друг другу.

Но никто не решался выйти вперёд. Неожиданно на красивом лице Веселины появилось странное выражение. Возможно ли? Веселина вдруг стала серьёзной, почти печальной. Все увидели, как она сделала знак подойти Первому Министру, что-то спросила у него, выслушала ответ и принялась спорить с ним.

Дело в том, что в толпе людей, пришедших посмотреть на соревнования женихов, она заметила одного юношу, простого деревенского парня, который за всё время ни разу даже не улыбнулся. Веселина потому и обратила на него внимание. А потом увидела, что у него нет руки – пустой рукав засунут в карман. Кто этот юноша? Почему он так печален? Как и где потерял руку?

– Это инвалид, – объяснил Веселине Первый Министр, быстро разузнав всё, что надо.

– Инвалид? А что это значит? – спросила Веселина.

И Первый Министр в большом смущении объяснил ей. Он рассказал про войну, про людей, погибших в сражениях, и про то, как страдает народ.

Веселина слушала его, и в душе у неё вдруг родилось чувство, какого она ещё никогда не испытывала раньше: жалость охватила её. Огромная площадь замерла. Все понимали, что происходит что-то необычное, и притихли.

– Почему все скрывали от меня правду?! – рассердилась Веселина. – Как вы могли позволить мне веселиться и развлекаться, когда вокруг столько горя?!

Первый Министр забормотал какие-то оправдания, но королева уже не слушала его. Она не отрываясь смотрела на молодого человека, и он тоже глаз не мог отвести от неё. В его взгляде не было упрёка, а только смиренное восхищение.

И тут Веселина вдруг поняла, что любит его за все страдания, какие он перенёс, и что юноша тоже любит её, потому что угадывает её сочувствие.

Веселина медленно спустилась по лестнице на площадь и подошла к юноше. Она побледнела, в глазах стояли слёзы, но голос звучал твёрдо, когда все услышали её слова:

– Хочешь быть моим мужем?

И молодой человек произнёс только одно слово:

– Да.

ВОЛШЕБНИК ГАРУ

Когда человек обладает какими-нибудь необыкновенными способностями, он по-разному ведёт себя – либо хвастается ими и получает удовольствие от восхищения публики, либо скрывает их и втихомолку старается извлечь из них пользу.

Густав предпочитал не рекламировать свой редкий дар. На всех базарах Брисландии и Турговии его знали как мастера удалять мозоли, продавца мазей для отпугивания ведьм, алхимика и балаганного шута. Короче говоря, как известного шарлатана.

Но он оказался ещё и чревовещателем, только об этом никто не знал. Однажды Густав сделал из папье-маше куклу, нарядил её в чёрное платье, надел на голову остроконечный колпак, окрестил Волшебником Гару и сказал:

– Ну а теперь будь молодцом, помоги Густаву разбогатеть!

Сделав кое-какие приготовления, Густав отправился на ярмарку в Бисбург. Поставил на площади стол, забрался на него, водрузил рядом стул, на который, словно на трон, посадил Волшебника Гару, и принялся делать в воздухе таинственные пассы, как бы вызывая духов.

Когда вокруг собралась большая толпа, он прочистил горло и объявил:

– Горожане! Сегодня великий день! Волшебник Гару оказывает вам честь своим появлением и в свою очередь считает для себя большой честью знакомство с вами. Я правильно передал вашу мысль, Гару?

– Правильно, Густав, для меня это огромная честь.

Толпа ахнула от удивления. Кто это говорит? Неужели кукла? Возможно ли такое? Она что, волшебная? Или живая?

– Господа, не бойтесь! – продолжал Густав. – Волшебник Гару явился сюда не для того, чтобы сделать вам что-нибудь плохое. Напротив, он исполнен к вам самого дружеского расположения. Верно я говорю, Гару?

– Совершенно верно, Густав! Я желаю добра городу Бисбургу и его жителям. Это славный народ, и он не заслуживает тех невзгод, какие обрушились на него.

– Ну и ну! – воскликнул из толпы горожанин. – Откуда эта кукла знает, что городские власти обложили нас новыми налогами?

А какая-то худенькая женщина торопливо перекрестилась и пробормотала:

– Боже праведный, по-моему, тут пахнет чертовщиной!

Густав между тем продолжал:

– Горожане, заметьте себе – я ничего не знал про ваши налоги. Вы все видели, что я только час назад приехал из-за границы и ни с кем ни о чём не разговаривал. Но Волшебник Гару знает всё. Хотите – сами расспросите.

– Ну что ж, – снова заговорил тот же горожанин, – я вот, к примеру, хотел бы знать, что он думает о новых налогах.

Густав скрестил на груди руки и повернулся к Волшебнику Гару, как бы ожидая ответа. Говорил-то за него, разумеется, он сам – говорил особым образом, как умеют только чревовещатели, – и всем казалось, будто разговаривает не он, а кукла.

– Налог на лошадиные хвосты – это несправедливость! – заявил Волшебник Гару. – А налог на женские чепчики унижен для рыцарских традиций бисбургийцев!

Громкие аплодисменты приветствовали эти слова. Надобно вам сказать, что городские власти, стремясь как-то пополнить опустевшую казну, ввели недавно новый налог – на лошадиные хвосты: короткий хвост – дукат, полхвоста – два дуката, длинный – три дуката.

Люди, понятное дело, чтобы платить как можно меньше, поспешили укоротить хвосты своим лошадям, и те, несчастные, лишившись природной мухобойки, ужасно страдали от укусов слепней.

Налог на чепчики тоже зависел от высоты этого головного убора. Женщины Бисбурга всегда гордились своими высокими, как колокольня, чепчиками. А теперь, опять же чтобы меньше платить, им пришлось укорачивать их. Чепчики стали совсем плоские и настолько некрасивые, что даже стыдно надевать их.

– Молодец, Гару! – закричали женщины. – Золотые слова!

– Что верно, то верно, – рассудил другой горожанин, – от налогов больше неприятностей, чем от града. Но всё-таки надо же как-то пополнять городскую казну.

– Вы слышали, Гару? – в свою очередь задал вопрос Густав. – Не хотите ли ответить этому уважаемому горожанину?

– Охотно, – отозвалась кукла. – Я думаю, нужно скорее послать кого-нибудь к Восточным воротам города. Там растёт липа. Возле неё зарыт небольшой клад.

Нужно ли пояснять, что этот «небольшой клад» спрята­ л сам Густав перед тем, как войти в город. И даже перецеловал каждую монет­ ку, потому что расставался со своими последними два­ дцатью дукатами.

Но он надеялся вместо них получить в сто раз боль­ ше. Несколько горожан тут же поспешили к Восточным воротам, благо они совсем рядом с базарной площадью, и вскоре вернулись с радост­ ными криками, показывая деньги, которые откопали возле липы.

– Да здравствует Гару! – закричала толпа.

– Пусть Гару будет нашим мэром!

– Долой налог на чепчики!

Густав жестом успокоил разволновавшуюся толпу, давая понять, что хочет говорить.

– Волшебник Гару, – обратился он к кукле, – не откроете ли вы этим славным горожанам и другие клады?

– А ты, Густав, – спросила она, – согласен отдать меня этим уважаемым бисбургийцам?

Густав притворился озадаченным и растерянным. Тол­ па зашумела. И как раз в это время на площадь вышли мэр и советники, заседавшие в муниципалитете. Их появление вызвало новые взволнованные крики. Словом, бисбургийцы заставили городские власти купить на вес золота драгоцен­ ную говорящую куклу, которая умела находить клады.

– Ладно, – вздохнул мэр, уступая воле горожан, – не бу­ дет же кукла из папье-маше весить целый центнер.

Центнер она, конечно, не весила, но оказалась доволь­ но тяжёлой, потому что Густав зашил в её платье большой

кусок свинца. Короче, он получил тысячу золотых дукатов. Положив их в карман, Густав заторопился. Он отказался от приглашений на обед и ужин, которые сыпались со всех сторон, купил лошадь и выехал из города через Западные ворота.

Толпа горожан провожала его, торжественно неся на носилках Волшебника Гару. Когда настал момент расставания, Густав с деланным волнением в голосе обратился к своей кукле:

– Прощайте, Гару! Оставляю вас этому городу и его жителям. Осчастливьте их так же, как осчастливили меня!

– Прощай, мой добрый Густав! – ответил Густав самому себе, притворяясь, будто это говорит Гару. – Приезжай иногда в Бисбург навестить меня.

Женщины в толпе даже прослезились от умиления. Густав пришпорил коня и исчез в облаке пыли. А горожане двинулись к муниципалитету, заполнили зал заседаний, положили в кресло мэра грудку подушек, усадили на них Волшебника Гару и велели мэру расспросить его.

Мэр поднял руку, призывая к тишине, и сказал:

– Друзья мои, горожане! Счастье, которое свалилось с неба на наш город в этот знаменательный день, позволяет мне сообщить вам, что налог на лошадиные хвосты отменён.

– Ура! Да здравствует Гару! Да здравствуют лошади!

– Отменён налог и на женские чепчики!

– Да здравствуют чепчики! Да здравствует Гару! Да здравствуют женщины!

– Предлагаю повесить в этом зале мемориальную доску, чтобы наши потомки помнили о том дне, когда у нас появился Волшебник Гару!

– Да здравствует доска! И пусть будет мраморная с золотыми буквами!

– Согласен, – продолжал мэр, – пусть будет с золотыми буквами. Тем более что о золоте, которое необходимо для

этого, позаботится наш новый друг и покровитель. Не так ли, Волшебник Гару?

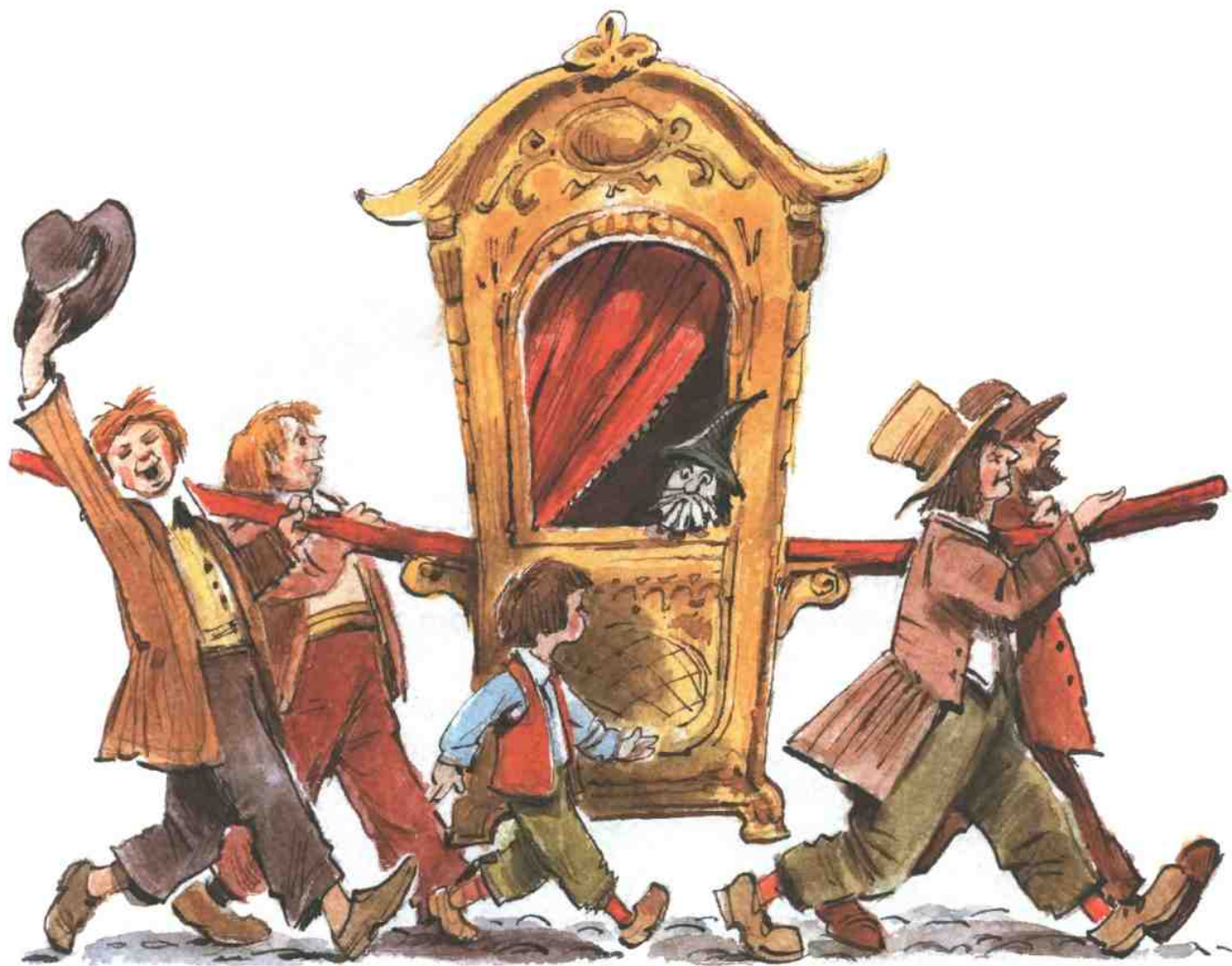
Все притихли в ожидании ответа. Тысячи глаз устремились на неподвижную куклу, важно восседавшую в кресле. Но она не издала ни звука.

Подождав немного, мэр снова спросил:

– Волшебник Гару, не укажете ли нам, как обещали, ещё какое-нибудь место, где зарыт клад?

Кукла по-прежнему молчала. Больше того, выбрала как раз этот момент, чтобы свалиться с подушек, – должно быть, её не совсем удобно посадили.

Горожане перепугались.

– Волшебник Гару потерял сознание! – закричал кто-то. – Наверное, ему не хватает воздуха! Здесь так душно, что умереть можно! Откройте быстрее окна!

Распахнули все окна. Мэр осторожно приподнял куклу и снова усадил на подушки.

Какая-то женщина протянула ему флакончик с уксусом:

– Дайте ему понюхать, и он сразу придёт в себя.

Мэр схватил флакончик и сунул его под нос Гару.

В это время в распахнутые окна ворвался ветер, и чёрный плащ куклы шелохнулся.

– Он очнулся! Очнулся! Слава богу, он жив!

– Доктора! Нет ли здесь доктора?

Доктора не оказалось, но нашёлся парикмахер. Он пощупал пульс Гару, приложил ухо к груди и послушал сердце, потом снял шляпу, склонил голову и безутешным голосом сообщил:

– Увы! Он умер. Сердце его больше не бьётся.

Можно себе представить отчаяние бисбургийцев.

– Но как же так?! Что с ним случилось?! Он ведь только что был здоров!

Бедняги, им оставалось только одно – похоронить Гару.

Это получились грандиозные похороны. Кто-то в толпе вспомнил Густава:

– Жаль, что его нет здесь! Он бы обрадовался, увидев, какие почести мы воздаём его другу.

Но Густав почему-то больше так никогда и не появился в Бисбурге. А налоги? О, тут всё очень просто! На другой же день после похорон городские власти восстановили налоги на лошадиные хвосты и женские чепчики. Более того, чтобы вернуть в казну тысячу дукатов, уплаченных Густаву, они ввели новый налог с мужчин – на усы. Так что тот, кто хотел по-прежнему носить длинные усы, обязан был теперь выкладывать каждую неделю по дукату.

ГОВОРЯЩАЯ СТАТУЯ

Король Мурландии Боэмондо Третий по прозвищу Справедливый на самом деле слыл очень несправедливым и ужасно жестоким властителем, каких до него не знали в этой несчастной стране.

Жадный, он не уставал придумывать новые налоги, чтобы умножать свои богатства.

Драчливый, он непременно раза два в год затевал войну с соседними королевствами.

Подозрительный, он заполнял тюрьмы ни в чём не повинными людьми: стоило кому-нибудь шепнуть что-либо на ухо знакомому, как его тотчас обвиняли в заговоре против короля и бросали в подземелье крепости.

Но почему же тогда его называли Справедливым? По алфавитной причине.

Сейчас объясню.

Дело в том, что в Мурландии издавна существовал обычай давать королям прозвища в алфавитном порядке. Первый король, Винченцо Первый, понятное дело, получил прозвище Августейший.

Второй король выбрал себе прозвище, которое начинается с буквы «Б», – Благородный, но потом все узнали, что душонка у него мелкая и низкая.

Третьего короля, Роберто Первого, прозвали Великолепным, хотя на самом деле он был страшнее жабы.

Ещё одному королю предстояло выбрать себе имя, которое начинается с буквы «З», и он назвал себя Завоевателем, хотя за всю жизнь так ничего и не завоевал.

Разумеется, у всех последующих королей прозвища оказывались одно пышнее другого – Героический, Дальновидный, Могучий, Непобедимый, Отважный и так далее и тому подобное.

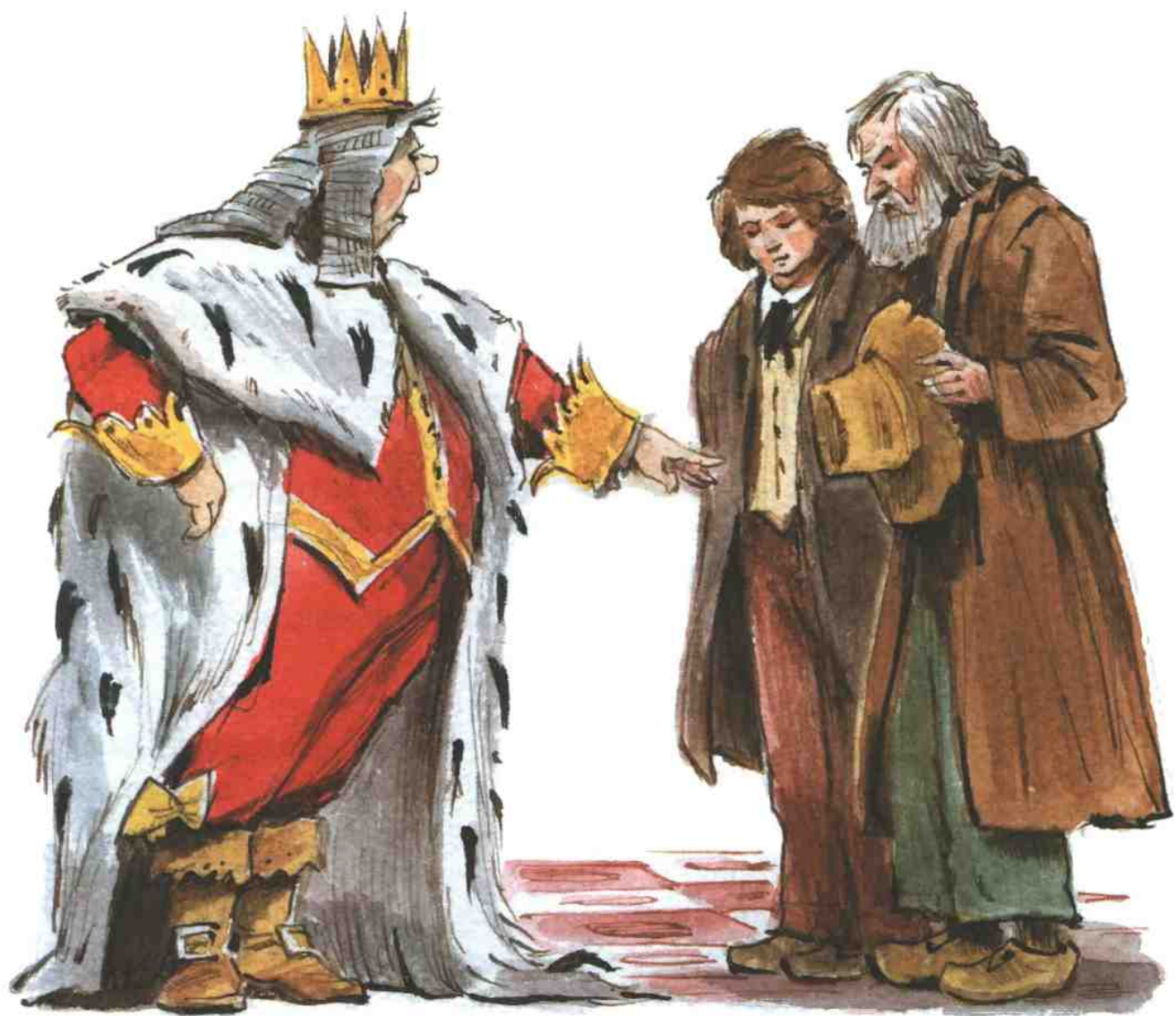
Когда же на престол взошёл Боэмондо Третий, пришла очередь буквы «С». Придворные стали наперебой предлагать:

- Солнцепоподобный!
- Спаситель!
- Светоносный!

А про себя, вспоминая недостатки короля, говорили: «Самодур! Себялюбец! Скоморох! Солдафон! Скорпион!»

Но Боэмондо решил быть Справедливым! И горе тому, кто забывал про это. Однажды взбрело ему в голову поставить на площади памятник самому себе.

– Нужно, чтобы это была точная копия, – сразу предупредил он. – Статуя, как и я, должна разговаривать, а не только походить на меня лицом и фигурой.

Услышав королевский указ, лучшие скульпторы страны собрали свои пожитки и под покровом ночи поспешили к границе. Но покинуть родину им не удалось. Их схватили и доставили во дворец.

– Молодцы! Ай да молодцы! – ухмыльнулся король, сверля их взглядом. – Так-то вы почитаете своего монарха! В своё время вы создали статую моего отца, статую моего деда. Некоторые из вас даже высекли из камня кошек и собак, а статую Справедливого, значит, делать не хотите?

– Ваше величество, – осмелился возразить один из скульпторов, – невозможно сотворить говорящую статую. Мрамор безмолвен.

– А вы сделайте из железа, из дерева, из чего хотите, хоть из масла! И так, за работу! Отныне будете сидеть в своих мастерских под стражей, пока не закончите монумент. Кто сумеет сделать говорящую статую, получит столько золота, сколько весит он сам вместе с нею. Другие, понятное дело, окончат свои дни в тюрьме. Вопросы есть?

О боже, какие тут могут быть вопросы! Слышалась только тихая дробь, словно в окно стучал град, а на самом деле это у скульпторов стучали от страха зубы.

Неделю спустя Боэмондо начал обходить мастерские, желая лично проверить, как движется работа. А через месяц двери тюрьмы открылись и закрылись, впустив самого выдающегося скульптора Мурландии: он закончил статую короля, она оказалась прекрасна, но говорить не умела.

Вскоре один за другим компанию ему составили и все остальные скульпторы королевства.

Боэмондо кипел от возмущения:

– Ещё называют себя ваятелями! Это же бездари и негодяи! Я уж не говорю о том, что они, наверное, нарочно хотят позлить меня!

Однажды утром у ворот королевского дворца остановился странный посетитель.

– Как вас зовут? – спросили стражники.

– Густав.

– Не тот ли шарлатан, что торгует лекарствами от зубной боли и по базарным дням кривляется в балагане?

– Шарлатан?! Я?! Вы плохо расслышали моё имя. Я – Густав, самый знаменитый из врачей. А также музыкант, поэт, художник и скульптор.

– А что это вы притащили сюда на тележке? Что там под покрывалом?

– Это, уважаемые господа, говорящая статуя короля Боэмондо Третьего по прозвищу Справедливый. Не отнимайте у меня время и доложите его величеству.

– Как хотите. Только всё это может плохо кончиться для вас. Неужели вы ничего не слышали про тюрьму и про скульпторов, которые сидят там?

– Исполняйте свой долг, – невозмутимо ответил Густав. – Доложите Справедливому или пожалеете об этом.

Стражники переглянулись, словно говоря: «Мы предупредили. Но если ему хочется лезть в пасть к волку, его дело».

Они провели Густава с его тележкой к королю, поклонились и пошли разносить по всему свету, что какой-то сумасшедший напрашивается в тюрьму.

– Ваше величество, – тем временем обратился Густав к королю, – соблаговолите принять подарок от вашего самого преданного подданного.

Говоря так, он откинул покрывало, прикрывавшее статую,

и король увидел... весы. Знаете, такие большие весы с площадкой, на которых взвешивают мешки, ящики и другие крупные предметы. Их называют ещё десятичными весами.

– Что?! Что?! – вскипел монарх, указывая пальцем на весы. – Вы думаете, я потерплю... Вы думаете, что... – Он задыхался от гнева.

– Справедливый Боэмондо! – воскликнул Густав, торжественно поднимая руку, словно собираясь дать клятву. – Вряд ли можно придумать что-либо, имеющее больше сходства с таким королём, как вы, чем эта статуя. Народ уже сейчас называет вас Справедливым, а потомки будут читать о ваших деяниях в учебниках истории. Разве весы не лучший символ справедливости? Они отмеряют точный вес предмета так же, как вы воздаёте должное каждому своему подданному в зависимости от его заслуг и провинностей. Весы – символ справедливости, а вы, сир, – её воплощение! Вы – весы королевства, весы всего мира!.. Соблаговолите, между прочим, спросить статую о чём-нибудь, и она ответит вам.

Король подумал немного и обратился к весам с вопросом:
– Кто я такой?

Голос, звучащий словно из подземелья, но несомненно человеческий, ответил:

– Ты – Боэмондо Третий по прозвищу Справедливый, император Мурландии.

– Я действительно король этой страны, но не император.

– Сегодня – король, завтра – император! – продолжал голос. – Твоё будущее мне известно лучше, чем тебе. Ты завоюешь новые царства. Твоя империя будет простираться от одного моря до другого, от восточных гор до западных.

Король Боэмондо хлопнул в ладоши, чтобы вошли придворные, которые подслушивали у дверей. Он казался на седьмом небе от счастья, пританцовывал, смеялся, обнимал Густава и ласково поглаживал весы.

– Синьоры, – вскричал он, – посмотрите, наконец-то у меня есть говорящая статуя! И я буду императором! И моя империя будет простираться от восточных гор до западных!.. Да вы только послушайте, что говорит эта статуя! – И, обращаясь к весам, он спросил: – Так кто я такой?

– Ты – Боэмондо Третий по прозвищу Справедливый, император Мурландии, Брисландии и Мировии, великий герцог заморских земель, властелин семи пустынь, покоритель двух полюсов.

– И полюсов тоже? – удивился Боэмондо.

– И Северного, и Южного. К тебе явятся воздать почести обитатели иных миров – с Луны и других далёких планет.

– А когда же это случится?

– Раньше, чем можешь ожидать. Колесо судьбы придёт в движение, как только вручишь великому скульптору заслуженную награду.

Густав, молча стоявший возле весов под растерянными взглядами придворных, поклонился:

– Ваше величество, с этим можно не торопиться.

– Нет, нет! – тут же возразил Боэмондо. – Я хочу, чтобы тебе заплатили немедленно! Сколько ты вешишь?

– В одежде или без неё? – уточнил Густав.

– В одежде, в одежде. Мало того, вот возьми ещё мою королевскую мантию, да и корону забирай. А вы, – обратился он к придворным, – давайте сюда свои плащи. И ты вот – снимай сапоги!

Когда Густав, едва ли не погребённый под этой грудой роскошных одежд, расшитых золотом и серебром, встал на весы и хотел было назвать цифру, возле которой замерла стрелка, Боэмондо жестом остановил его:

– Помолчи! Пусть это сделает моя статуя!

Густав закрыл рот, а весы произнесли:

– Сто шестьдесят килограммов девятьсот пятьдесят шесть граммов. И ещё вес Густава – сто сорок килограммов.

– Сложите, – приказал Боэмондо. – Сколько получилось?

– Триста килограммов девятьсот пятьдесят шесть граммов, – произнесли весы.

– Отлично! Сейчас же принесите сюда столько золота!

– Справедливый Боэмондо, – произнёс вдруг голос, – не кажется ли тебе, что ты что-то забыл?

– Что же, о моё подобие, о мой совершенный портрет?

– Ты – Справедливый, – продолжал голос, – но я хочу, чтобы ты слыл ещё и Великодушным. Добавь к золоту телегу, чтобы погрузить его, и четвёрку быстрых коней из твоих конюшен.

– Да будет так! – приказал Боэмондо. – Все слышали? Отныне меня следует называть Справедливым и Великодушным!

В считанные минуты золото взвесили и погрузили в телегу. Коней, выбранных самим королём, впрягли под его личным наблюдением. Боэмондо сам помог Густаву забраться в телегу, расцеловав в обе щеки. Густав сел на ящик с золотом, поднял в знак приветствия кнут, хлестнул лошадей и, рванув поводья, исчез в облаке пыли под аплодисменты присутствующих.

– Быстрее, быстрее! – тут же заторопился Боэмондо, потирая руки. – Пойдёмте поговорим с моей статуей. Хочу спросить у неё совета, на кого лучше напасть для начала – на Брисландию или на Мировию.

Когда весь двор собрался вокруг весов, король откашлялся и заговорил:

– Скажи-ка мне, Боэмондо... Кстати, имей в виду, что теперь я буду называть тебя Боэмондо, потому что ты – это я, а я – это ты... Так вот, скажи-ка мне, Боэмондо: какую страну я завоюю прежде – Брисландию или Мировию?

Наступила тишина, какая бывает лишь в тех случаях, когда слышны только удары собственного сердца. Сердце короля стучало, как боевой барабан. Но весы молчали. Стояли себе, огромные, тяжёлые – металлическая площадка, коромысло с делениями и цифрами, медные гири, – стояли молча, как и любые другие весы, как самый обыкновенный неодушевлённый предмет, который даже не подозревает о своём существовании.

– Боэмондо, – сказал король, хлопая в ладоши, – не отвлекайся! Я же разговариваю с тобой. Ты слышишь меня?

Никакого ответа.

– Боэмондо, послушай, – нетерпеливо произнёс король, – ты что, решил поиграть в прятки?

Но весы молчали. А придворные зашептались:

– Странно, мы же своими ушами только что слышали, как они говорили!

– Ну да, все слышали!

– И произносились какие-то невероятные вещи!

– Молчать! – загремел король. – И вообще вон, вон отсюда! Наверное, Боэмондо хочет говорить только со мной, по секрету. Он хочет открыть мне какие-то тайны, которые вы не должны знать. Не так ли, Боэмондо?

Весы ничего не ответили, и король истолковал молчание как знак согласия. Придворные поспешили покинуть зал.

Когда они ушли, Боэмондо начал ласково упрашивать весы. Он умолял их и заклинал ответить. Даже опустился перед ними на колени. Но весы оставались безучастными к его просьбам. И понятно, ведь это были самые обыкновенные весы.

Решив привести в исполнение свой план, Густав купил их накануне вечером за несколько монет у булочника. Вы ведь уже знаете, что Густав – шарлатан, зубодёр, музыкант и так далее – оказался ещё и чревовещателем, иными словами, умел говорить с закрытым ртом, причём казалось, будто звук доносится извне. Так он заставил говорить и свою «статую», то есть весы.

Когда же король наконец понял, что его обманули, и приказал схватить Густава и доставить его живым или мёртвым, шарлатан уже пересёк границу на своей великолепной телеге, запряжённой четвёркой коней.

Вот почему в учебниках истории короля Мурландии Бозмондо Третьего никогда не называют ни Справедливым, ни Великодушным, а только Одураченным.

КОРОЛЕВСКАЯ ГИТАРА

Жил однажды король – очень могущественный, но не очень умный. Вы, конечно, читали историю про его новое платье – про то, как два мошенника сшили ему наряд из несуществующей ткани и как король оказался голым.

А вот историю про гитару этого же самого короля, насколько мне известно, ещё никто никогда не рассказывал. Вот её-то я и поведаю вам.

Случилось это очень давно, в ту пору, когда в моду вошла гитара, причём так широко, что каждые девяносто человек из ста часами бренчали на ней и щипали её струны, а остальные десять делали то же самое, только втайне.

На гитаре играли старики, дети, мусорщики, адвокаты, женщины, кучера, старьёвщики. На гитаре играли слуги короля, министры короля, дети короля, супруга короля. Но только не король. Сколько он ни бился, ничего у него не получалось! Сколько ни ломал ногти о струны, гитара издавала лишь фальшивые звуки, от которых содрогнулся бы даже бегемот. Что тут поделаешь! Как говорят в таких случаях – медведь на ухо наступил!

Король приглашал одного за другим учителей музыки и щедро платил им золотом – те обогащались, а король так ничему и не мог выучиться. Правитель вздумал было пригрозить им смертной казнью – учителя разбегались, а он и вовсе терял надежду чему-нибудь научиться.

– Что же это такое?! – возмутился король, швырнул на пол парик и принялся топтать его, словно хотел выдавить сок для вина. – Выходит, в моей стране один лишь я не могу играть на гитаре, а все остальные только и делают, что бренчат на ней с утра до вечера! А раз так, раз не могу играть я, значит, никто не должен делать этого! Отныне в моём королевстве запрещается играть на гитаре! А если узнаю, что кто-то нарушает мой приказ, велю отрубить пальцы.

– Бррр! – содрогались люди, целуя каждый свой пальчик по отдельности – большой, указательный, средний, безымянный и мизинец. – Лучше распрощаться с музыкой, чем с вами, дорогуленьки наши!

И пошло: кто засовывал гитару в шкаф, кто прятал на чердаке, кто укрывал в винном погребе в ожидании лучших времён. А некоторые, и таких оказалось немало, даже вышли на улицы и площади и сожгли свои гитары, позаботившись о том, чтобы королевские стражники обратили на это внимание.

– Мы верные подданные, не так ли? – говорили они стражникам. – Видите, мы исполняем приказ короля!

Всегда находятся люди, которые очень стараются показать властям своё усердие. Или, как ещё говорят в таких случаях, хотят быть святее папы римского. Только стражники

и не слушали их. Они сами любили играть на гитаре, и для них запрет короля тоже оказался ударом в челюсть.

Нашлись и строптивые, которые не захотели выполнять указ короля. Но если стражники обнаруживали, что они, заткнув все щели в окнах, дверях и стенах, осторожно перебирают любимые струны, приходили ночью за ними и до исполнения приговора отправляли в тюрьму.

Жили в этом городе двое юношей – два друга Пуп и Поп. Конечно же эти славные парни тоже любили играть на гитаре. И конечно, мысль сжечь свои инструменты они не подпускали даже на другой конец улицы, где жили. Чтобы по-прежнему получать удовольствие от игры на любимом инструменте, друзья вырыли яму под стогом сена, далеко в поле, и по вечерам уходили туда, притворяясь, будто пошли ловить кузнечиков.

– Повезло же кузнечикам, – смеялись они, – могут играть на своей природной гитаре сколько угодно, не опасаясь, что лишатся лапок.

Однажды вечером, отведав душу всякими аккордами, арпеджио и стаккато, Пуп сказал своему другу:

– Знаешь, что я думаю?

– Догадываюсь. Думаешь, что хорошо бы разбить гитару о голову короля.

– Нет. Мне жаль её.

– Голову короля?

– Гитару, дуралей! А вот короля хорошо бы проучить как следует!

– Отрезать ему палец во сне.

– Мало!

– Два пальца!

– Тоже мало!

– И что же делать?

Пуп объяснил, и Поп одобрил.

На следующее утро друзья пришли во дворец с большим пакетом под мышкой и попросили у короля аудиенцию.

– Мы принесли подарок.

– Какой подарок? – Камергер подозрительно посмотрел на них. – Уж очень вы смахиваете на мошенников...

– Кто? Мы? Да мы же Пуп и Поп, мастера-краснодеревщики. Нас любая собака знает в округе.

– Посмотрим... – ухмыльнулся камергер, но всё-таки доложил королю: – Ваше величество, пришли Пуп и Поп, говорят, что принесли вам подарок...

– А, это славные ребята! Впустите их!

– Видите ли, ваше величество, — начал Пуп, — как бы это вам сказать... Только сначала отошлите придворных и обещаю не сердиться и выслушать всё до конца.

– Оставьте нас одних! – приказал король. – Ну вот, все ушли. Так в чём дело?

– Ваше величество, — сказал Пуп, — мы принесли вам гитару!

– Что?! – Изумлению короля не было предела.

– Ваше величество, вы обещали не сердиться.

– И выслушать всё до конца.

– Ладно, обещал. Но берегитесь, если вздумали посмеяться надо мной!

– Что вы, ваше величество! – воскликнул Поп. – Не видите разве, какие красивые головы сидят на наших плечах? Неужели вы думаете, что мы хотим отдать их палачу? А гитара эта особая! Она сама играет! Не нужно учиться музыке, и ни к чему учителя!

– Мало того, — добавил Пуп, — эта гитара настолько необычна, что играет без струн.

– Без струн? Да вы с ума сошли!

– А вы сами послушайте, ваше величество.

– Но это ещё не всё, — продолжал Поп, — гитара может звучать как разные инструменты – рояль, скрипка, фисгармония, даже как барабан.

– Это невозможно! – не поверил король. – Впрочем, хватит болтать! Дайте послушать, и если всё это враки, поплатитесь головой!

Поп развернул пакет и показал королю гитару – без струн, потому что он сам снял их утром.

– Ваше величество, – торжественно объявил он, – я исполню сейчас «Фантазию Свистящего Шелкопряда».

– Название довольно необычное, – заметил король.

Поп взял инструмент, положил ладонь на то место, где должны находиться струны, и... необыкновенная музыка заполнила зал. Каскад звуков вырвался наружу через двери и окна, и люди высыпали на улицу...

«Кто это играет? Кто играет?»

Повар спросил поварёнка, поварёнок – слугу, слуга – мажордома, мажордом – камергера, камергер – королеву. Королева, даже не постучав, вошла в тронный зал и увидела... Увидела своего мужа, короля, который играл на гитаре без струн, и та звучала, как целый оркестр!

– Ваше величество!

– Идите сюда, идите, дорогая королева! Теперь никто больше не посмеет сказать, что у меня нет слуха! Никто не скажет, что я не умею играть на гитаре! – ликовал король. – А вы, камергер, чего ждёте? Сообщите немедленно об этом по всей стране! Скажите, что теперь всем опять разрешается играть на гитаре, что я приказал освободить заключённых. А завтра утром пусть народ соберётся в королевском парке и каждый принесёт гитару. Состоится большой музыкальный конкурс. В нём примет участие сам король. И посмотрим, кто победит!

Аплодисменты заглушили его слова и последние аккорды «Фантазии».

– Да здравствует король, отец отечества и гитары!

– Спасибо, благодарю вас, – пробормотал король, растрогавшись до слёз. – А вы оба, дражайшие Пуп и Поп, просите что угодно! Вы осчастливили меня и имеете право на вознаграждение.

– Нам ничего не нужно, ваше величество! – сказал Пуп.

– Совершенно ничего! – эхом откликнулся Поп.

– Мы же вам сразу сказали – это подарок.

– Верно, сказали. Но я не могу допустить, чтобы вы ушли с пустыми руками. Камергер! Наполните их карманы золотом. И шапки тоже, и гитару! Хотя нет, – спохватился король, – гитара теперь моя.

– Конечно ваша, – поспешил добавить Пуп, – только нам надо бы взять её домой сегодня на вечер.

– Мы хотим кое-что переделать в ней, – объяснил Поп. – Вы же заметили – не очень чисто звучит контрафагот.

– Да, да, заметил, как же! – согласился король, чтобы не ударить в грязь лицом. – И гобой тоже фальшивил иногда.

– Это прозвучал «Свистящий Шелкопряд», – ответил Пуп, – но вы правы, он фальшиво свистел.

– На полтона, – рискнул заметить король.

– Совершенно верно! На полтона! – поддержал Поп.

Его величество расплылся в улыбке и подумал: «Ах, как же быстро я научился разбираться в музыке!»

– Хорошо, – сказал он, – возьмите инструмент на вечер. Но завтра утром смотрите не опоздайте на конкурс.

– Ни в коем случае, ваше величество!

И тут самые смекалистые слушатели скажут: «Стоп! Мы уже знаем, чем закончится эта история! Пуп и Поп с полными шапками и карманами золота удерут за границу и будут себе жить там припеваючи».

Нет, история эта заканчивается не так.

«Ах да, конечно! Мы догадались! На конкурсе король будет играть на гитаре без струн.

Никто ничего не услышит, но ему всё равно присудят первое место, чтобы он не сердился».

Нет, и это неверно.

На другое утро гитара снова исполнила «Фантазию Свистящего Шелкопряда». Народ слушал, открыв от изумления рот, и самые видные музыканты с восторгом заявили, что никто никогда не играл лучше короля. А он, счастливый и довольный, велел раздать всем золотые монетки и жареные орешки. Пуп и Поп получили две дюжины галстуков.

А всё дело в том, что парни эти славились не только как отличные краснодеревщики, но и как замечательные электротехники. Поп смастерил крохотный – со спичечный коробок – магнитофон и спрятал его в корпусе гитары. Когда король брал в руки инструмент – а брал его только он, и горе тому, кто осмелится дотронуться до королевской гитары! – магнитофон включался.

Словом, это оказалась какая-то электронная чертовщина, и объяснить её устройство я не берусь. Король ничего не заметил, потому что, как уже сказано, умом не отличался.

Вечером накануне концерта Пуп и Поп забирали гитару домой, чтобы запаять какой-нибудь оборвавшийся проводок. Королева, камергер и даже придворный повар – а они были поумнее короля – подозревали, что тут кроется какая-то хитрость, впрочем, как и в тот раз, когда случилась история с новым платьем. Только королю лучше и не говорить ничего дурного про его гитару. Он сразу же начинал возмущаться:

– Это всё зависть! Вы злитесь, потому что вынуждены признать: я играю лучше! Вы хотите, чтобы, кроме вас, никто больше не умел играть на гитаре!

Когда же он оставался один, то начинал сожалеть, что может исполнять только «Фантазию Свистящего Шелкопряда».

– Хорошо бы ещё научиться играть «Санта Лючию», – бормотал он. – Но ничего не поделаешь. Ведь я только учусь. Немного погодя снова позову этих славных парней, и они научат меня ещё чему-нибудь.

Вот так и случилось, что Пуп и Поп смогли опять сколько угодно играть на своих гитарах. Когда сильные мира сего хотят, чтобы над ними посмеялись, нужно удовлетворить их желание.

Если же теперь кто-нибудь скажет: «Но ведь короля собирались проучить, а вышло наоборот...» – я на это отвечу так: нет большего наказания для невежды, чем оставить его в убеждении, будто он самый умный и самый образованный человек на свете, потому что в таком случае он останется невеждой навсегда.

СОЛДАТСКАЯ ГАРМОНИКА

Шёл однажды с войны солдат, шёл задумавшись, и мысли у него в голове теснились невесёлые: «Столько лет провёл я вдали от родного дома, столько пережил опасностей, сотни раз смотрел смерти в лицо, а теперь вдобавок потерял все свои деньги – не заметил дыру в кармане! Ну можно ли быть несчастнее!»

И тут увидел он старичка, сидевшего на камне возле дороги. Старичок протянул руку и попросил:

– Не подашь ли, солдатик, хоть сольдо?

Солдат рассердился:

– Ты что, смеёшься надо мной? Спорим, если вывернуть наши карманы, ты окажешься богаче меня!

– Спорим! – согласился старичок. – И разделим всё, что найдём, пополам, идёт?

– Идёт! – засмеялся солдат. Он не сомневался, что выиграет спор. «У меня ничего нет, – думал он, – а у него, раз он просит милостыню, хоть несколько монет да найдётся».

Старичок вывернул свои карманы – в них оказалась только маленькая губная гармоника.

Солдат пошарил у себя в карманах брюк, куртки и вдруг в одном из них обнаружил серебряную монету.

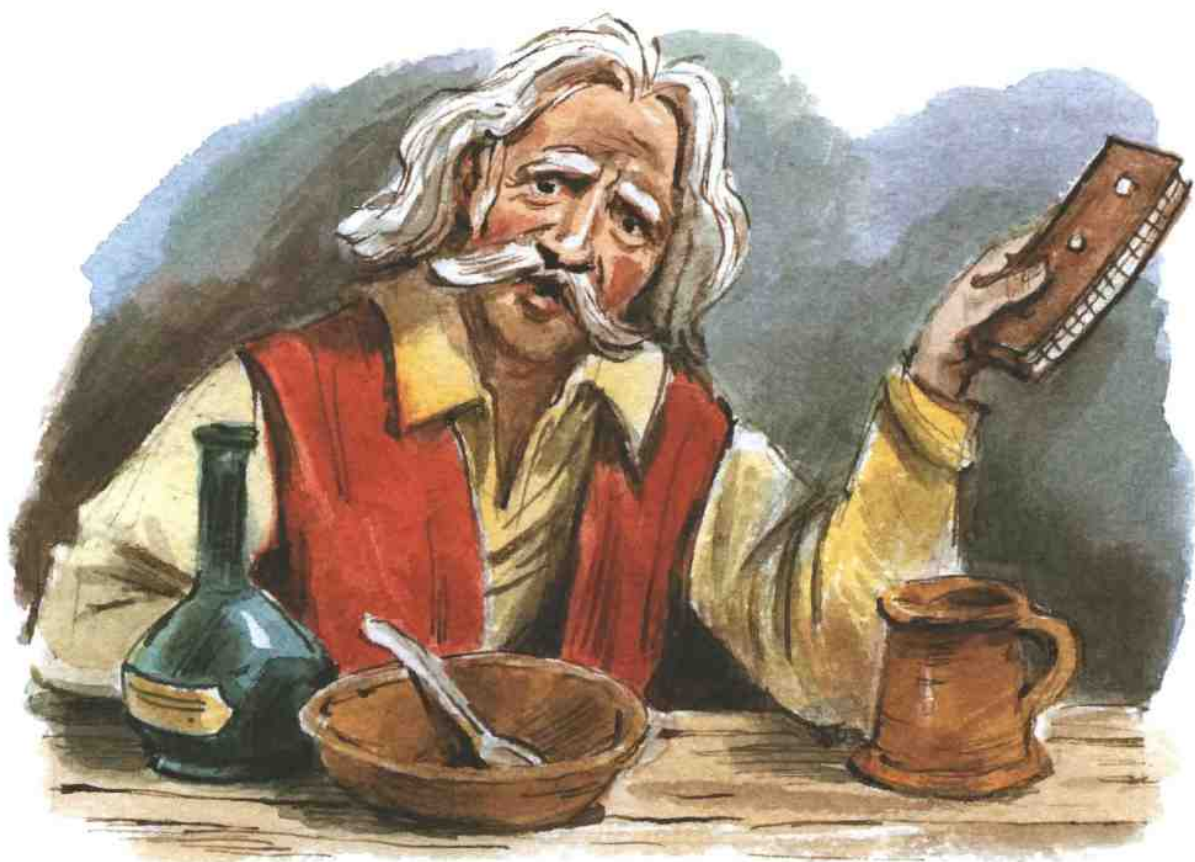
– Откуда она взялась? – удивился он. – Весёленькая история! Уже два дня хожу голодный – потерял деньги, а тут, видите ли, лежит целое богатство.

– Ну что, – усмехнулся старичок, – видишь, я прав.

– Не знаю, что и сказать тебе, – ответил солдат. – Но договор есть договор. Давай делить пополам. Вон вдали я вижу остерию. Пойдём туда, перекусим, и я отдам тебе, что полагается.

Пошли в остерию, поели, попили. Старичок сыграл на гармонике песенку. Словом, стало им обоим повеселее. И, прежде чем отправиться дальше, солдат предложил:

– Вот всё, что осталось. Возьми себе все деньги, а мне и так хорошо.

– Нет, нет, это слишком много. Поделим поровну, как решили.

– Сказал – бери, значит, бери. Вечером я уже буду дома и как-нибудь обойдусь.

– Ладно, пусть будет по-твоему. Но взамен возьми мою гармонику.

Солдат сунул гармонику в карман, попрощался со старичком и ушёл. Вечером он свернул с дороги в лес, чтобы собрать немного ежевики, и вдруг наткнулся на трёх разбойников, прятавшихся в кустах.

Испугался солдат, а разбойники, оглядев его с ног до головы, со злобой сказали:

– А ну-ка, солдат, проваливай отсюда, да побыстрее! Видно, что в кармане твоём дыра и взять с тебя нечего. Иди, иди подобру-поздорову!

Солдат поспешил прочь. Выйдя на дорогу, он заметил приближающийся дилижанс. Кучер хлестал лошадей, звенели колокольчики, и никто из пассажиров, конечно, не подозревал, какая их ждёт опасность.

«Сейчас разбойники нападут на дилижанс, – с тревогой подумал солдат. – Но что я могу сделать? Да и что мне до этого?»

Он сунул руки в карманы, напустив на себя равнодушный вид, и вдруг нащупал гармонику.

«Вот и кстати, – решил солдат, – так и пойду дальше, наигрывая на гармонике».

Он поднёс её к губам и заиграл весёлую песенку. И как раз в это время разбойники выскочили из-за кустов с оружием в руках и заорали:

– Стоп! Ни с места! Кошелёк или жизнь!

Кучер остановил лошадей. А солдат между тем продолжал играть, притворившись, будто ничего не замечает. И тут произошло что-то странное: разбойники вдруг растерялись, переглянулись, словно не зная, что делать, а потом все трое галантно раскланялись перед дилижансом.

Один из них быстро сорвал несколько маргариток и преподнёс букет перепуганной синьоре, выглядывавшей из окошка.

– Моё почтение, уважаемая синьора! – сказал он.

Тогда и другие разбойники принялись собирать цветы и дарить их женщинам. Мужчин они угостили вином из своих фляжек, ошеломлённому кучеру дали скудо, при этом не переставая кланяться и приветствовать путешественников.

«Странные какие-то разбойники, – подумал солдат, продолжая играть. – Ещё минуту назад мне казалось, они готовы были убить меня. Ну да ладно, какое мне до них дело!»

Дилижанс отправился дальше, а разбойники ещё долго приветливо махали ему вслед шапками.

К вечеру солдат добрался до своего села. И на самой его окраине увидел драку. Двое мужчин кидались друг на друга

с ножами – вот-вот убьют один другого. Солдат снова поднёс гармонику к губам.

«Не моё это дело, – решил он, – только не хочу, чтобы завтра меня вызывали свидетелем. Я иду своей дорогой и ни во что не хочу вмешиваться».

Но как только драчуны услышали звуки гармоники, сразу же побросали свои ножи и кинулись в объятия друг другу. Они обнимались, целовались и клялись в вечной дружбе.

«Всё хорошо, что хорошо кончается!» – подумал солдат.

Он пришёл домой очень довольный, обнял жену и детей и, поужинав, собирался провести вечер в кругу семьи у очага, как вдруг пришла соседка и потребовала вернуть её петушка.

– Откуда я знаю, где бродит твой петушок! – ответила ей жена солдата.

– Но это же ты украла его!

– Я? Да ты думаешь, что говоришь?!

– Ты воровка и обманщица!

Женщины уже собрались было перейти от слов к делу, то есть к драке, но вдруг услышали звуки гармоники. В то же мгновение соседку будто подменили:

– Дорогая моя!.. Милая моя!..

Она не переставала извиняться. Лучших подруг, казалось, не найти на всём белом свете.

Теперь-то солдат догадался, в чём дело. Гармоника, которую ему подарил старичок, оказалась волшебной: кто слышал её, сразу же становился добрым и вежливым, даже если минуту назад готов был убить родного брата.

«Не гармоника, – усмехнулся солдат, – а миротворец какой-то!»

Открытие это очень обрадовало его. Он решил никому ничего не говорить, опасаясь, что гармоника вдруг потеряет свою силу и тогда над ним станут смеяться. Однако при каждом удобном случае он пускал в ход свой волшебный инструмент.

А вскоре он ещё больше удивился. Оказывается, гармоника не только помогала сразу же положить конец всем ссорам

и пререканиям, превращая грубые, злые слова в добрые и приветливые, но раз и навсегда меняла характер тех, кто хоть однажды слышал её. Ну а родные и знакомые только диву давались, не понимая, почему происходит такое превращение.

«Когда в родном селе все люди станут добрыми и великодушными, нужно будет пойти с моей гармоникой и по другим сёлам, чтобы полечить людей, – придумал солдат. – Только что сказать жене? Как объяснить ей, почему уйду?»

Тогда он приобрёл тележку, накупил разных товаров – нитки, иголки, ленты, кружева – и стал бродить по всей округе. И куда бы ни пришёл солдат, сразу же начинал играть на гармонике. Женщины смеялись:

– Хитёр кум! Веселит своей музыкой, чтобы нам легче было выкладывать денежки!

Он тоже посмеивался, но покидал село, только обойдя все улицы и сыграв хотя бы маленькую серенаду в каждом дворе, у каждой изгороди, у любого балкона – всюду, где его могли услышать.

Побывав во всех окрестных сёлах, солдат решил отправиться в город. Он впервые оказался в городе и не подозревал, что в нём так многолюдно и шумно.

С грохотом носились по рельсам трамваи, а машины словно гонялись друг за другом по улицам, лишь иногда замирая перед светофором.

Свою тележку солдат оставил во дворике на окраине и теперь брёл по городу в полной растерянности. Иногда он подносил гармонику к губам и пытался наиграть песенку. Только теперь ему почему-то приходили на память печальные и грустные мотивы. Негромкий звук гармоники терялся в шуме уличного движения. Хорошо, если музыку услышат хотя бы некоторые пешеходы из тех, что толкают его на каждом шагу.

«Вот этот человек извинился. Должно быть, он услышал гармонику». А некоторые, приняв солдата за нищего, торопливо совали ему в руку монету.

«Ладно, помогу хоть тем немногим, кто услышит меня», – решил солдат. Но от отчаяния у него опускались руки. Прекрасный план изгнать из мира зло, насилие, несправедливость, всё, что только есть дурного, казался ему теперь неосуществимой мечтой, наивной и детской, возникшей когда-то очень давно, совсем в другой жизни.

Однако вскоре судьба улыбнулась ему. В то время один режиссёр телевидения ездил по городу, отыскивая необычных людей, которых задумал пригласить в свою передачу.

– Понимаете, – убеждал он начальство, – в современном городе тоже можно найти немало людей, которые словно сошли со страниц старинных книг. Например, точильщик или трубочист. Или нищие, которых, как и в старину, сопровождают учёные собаки с шапкой в зубах. Или бродячие музыканты, играющие на дудочке, окарине или цитре. Всем непременно будет интересно посмотреть на них и послушать!..

– Ладно, сделайте передачу, но не больше двадцати минут... – согласилось руководство.

Вот почему солдат вдруг услышал обращённый к нему вопрос:

– Не хотите ли выступить с вашей гармоникой по телевидению?

Солдат даже не знал, что это такое – телевидение, и попросил объяснить. А когда понял, о чём идёт речь, очень обрадовался, потому что у него возникла отличная мысль.

– Вы говорите, меня услышат миллионы людей?

– Миллионы. По всей стране. А вы сыграете печальную песенку, которую я только что слышал. И при этом вам ещё неплохо заплатят.

– Что? Нет, мне не нужны деньги. Я и так рад сыграть. Просто счастлив буду сделать это!

По какому-то совпадению, – как это получилось и почему, слишком долго объяснять, – на следующий вечер ожидалось открытие Всемирного телевидения.

Каждой стране отводилось в этой большой передаче ровно пять минут. Руководители телевидения, взглянув на солдата с его губной гармоникой, решили, что будет, пожалуй, очень оригинально показать в эти пять минут именно его.

– Такого сюжета не будет ни у кого! И все позавидуют нам!

– Прекрасная мысль! Кто знает, что придумают американцы и русские, чтобы удивить зрителей. А потом выйдем мы и покажем этого человека с крохотной гармоникой. Она ведь еле слышна, и поэтому по меньшей мере два миллиарда человек должны будут сидеть затаив дыхание, чтобы слышать её! Ах, как это поэтично! Поверьте, будет большой успех! – радовались начальники.

Солдат понимал только одно: его гармонику услышат во всех концах света, и тогда повсюду исчезнут злоба, ненависть, насилие и на всех континентах воцарятся дружба и мир. Какой прекрасный случай!

Сердце его застучало громко-громко, словно барабан.

– Успокойся! – приказал он себе. – Иначе не сможешь сыграть.

А потом... Потом произошёл просто нелепый случай. Свой драгоценный инструмент солдат не решался носить в кармане – вдруг потеряется, как потерялись когда-то деньги. Поэтому всё время держал его в руках.

Когда же он садился вместе с режиссёром телевидения в машину, чтобы отправиться в студию, тот нечаянно толкнул его, и солдат выронил свою гармонику. Она ударилась о дверцу машины, отлетела в сторону и провалилась в водосточный люк.

Можно представить, в какое отчаяние пришёл солдат. Он бросился на землю, сунул руку между прутьями решётки, накрывавшей люк, но... Глубоко-глубоко внизу в темноте еле заметно поблёскивала вода.

– Скорее, скорее! – торопил его режиссёр. – Что вы там ищете? Поехали, а то опоздаем!

С тех пор прошло много лет. Но солдат до сих пор ищет свою волшебную губную гармонику. Он бродит по страшным лабиринтам канализационных туннелей, преодолевая отвращение и сражаясь с крысами. Он обошёл уже все подземелья

города. Напрасно. Крохотный инструмент по-прежнему лежит где-то и ржавеет. Солдат выбился из сил, постарел.

– Помогите мне, – просит он, – помогите найти мою гармонику! Вы ведь не знаете...

Люди смеются ему прямо в лицо:

– А что, она золотая? Или, может, усыпана бриллиантами?

– Память о бабушке?

Солдат горестно качает головой. И снова отправляется на поиски. Он не имеет права уставать.

Не имеет права уставать и терять терпение человек, который может сделать мир лучше и добрее.

ПУГОВКИН ДОМИК

Жил однажды плотник, которого все звали Пуговкой. Может быть, его звали ещё Джакомо или Наполеон, но Пуговкой прозвали так давно, что теперь никто уже и не помнил настоящего имени, даже он сам.

Жил он в бедном-пребедном селе, где у людей не находилось денег на новую мебель. И если в этом году кто-нибудь заказывал ему стол и четыре стула, то в следующем только табуретку.

– А шкаф вам не нужен?

– Это же очень дорого!

– А комод?

– Нет, комод мне не по карману!

– А вешалка?

– Хорошо бы, конечно, только что на неё вешать?

Всю одежду, какая имелась, люди носили на себе.

Как-то Пуговка подумал: «Надо, пожалуй, перебраться в какое-нибудь другое село. Но на новом месте придётся купить дом или взять его внаём. Нет, лучше я сам построю его, поставлю на колёса и буду возить с собой, куда захочу. А когда разбогатею, женюсь. А женюсь – отдам домик детям, пусть играют в нём».

Решив так, Пуговка принялся за работу. Он слыл очень хорошим плотником, дело своё любил и не боялся ударить молотком по пальцу.

Надо вам сказать также, что Пуговка был очень худенький и ростом вышел очень маленький, стало быть, и дом ему понадобился совсем небольшой. Таким он его и построил – умещались в нём только сам плотник, молоток да рубанок. А вот пила уже не поместилась – пришлось повесить её на гвоздь снаружи возле двери.

Над входом Пуговка написал своё имя. Потом поставил домик на колёсики и приделал к нему оглобли, чтобы удобнее тянуть на себе.

– Смотрите-ка, смотрите! – потешались над ним люди. – Пуговка построил дом с ручками!

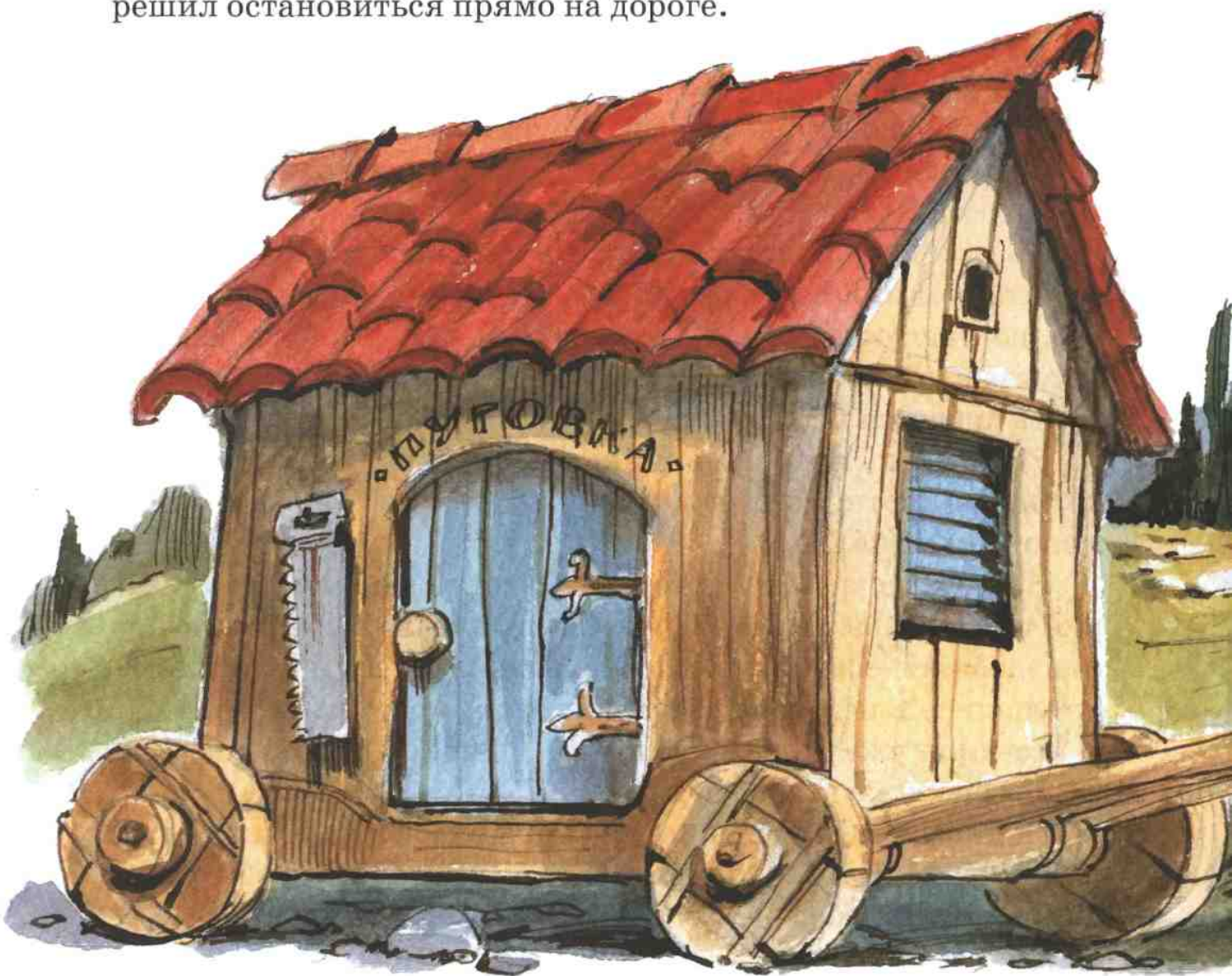
Но Пуговка притворялся, будто ничего не слышит. А когда отправился в путь, потащив на себе домик на колёсиках, люди стали смеяться:

– Смотрите, смотрите, какой у Пуговки «мерседес»! А бензин куда заливать станешь? Бака-то нет! Может, пить его будешь? Ха-ха-ха!

Пуговка лишь помахал на прощание шапкой и ушёл.

Домик получился лёгкий. На спусках Пуговка садился на него, словно в тележку, и катился под горку.

Так шёл он и ехал, пока не настал вечер, и тогда Пуговка решил остановиться прямо на дороге.

– Переночую тут, – решил он, – за день я проделал немалый путь.

А ночью его разбудила гроза. Проливной дождь барабанил по крыше, всё небо озарялось яркими молниями.

– Слышишь, как гремит? – сказал сам себе Пуговка.

И вот среди раскатов грома ему послышался стук. Кто-то стучал в дверь и просил:

– Открой, пожалуйста, Пуговка!

– Кто там?

– Я промок насквозь! Впусти меня!

– Попробуй войди, – произнёс Пуговка, открывая дверь. – Я строил этот домик для себя одного, но если и ты поместишься, буду рад.

– Где есть место для одного, хватит и для двоих!

С этими словами в домик вошёл старичок.

– Видишь, хватило места и для меня, – произнёс он, отжимая бороду, с которой ручьями стекала вода.

– Вижу. А кто ты такой?

– Не узнаёшь? Да я же твой дядюшка Карамелла. Один я остался на всём белом свете, некому позаботиться обо мне, некому накормить, вот и вспомнил о тебе. Но как же огорчился, когда узнал, что ты покинул село. По счастью, ребяташки видели, в какую сторону ты пошёл, и показали мне... Ты построил новый дом? Выходит, дела у тебя идут хорошо?

– Хорошо, – вздохнул Пуговка.

– Молодец, рад за тебя, – продолжал дядюшка Карамелла. – А теперь извини, я очень устал. Поговорим завтра утром.

– Спокойной ночи, дядюшка, – пожелал Пуговка.

Сам, однако, уснуть не мог. «Бедный старик,

готов поспорить, что он и не ужинал сегодня. Совсем как я», – сокрушался Пуговка.

А за окном всё грохотал гром. Но, кажется, кто-то опять стучит в дверь?

– Откройте, пожалуйста! Откройте! – слышался жалобный голос.

– Кто там?

– Бедная женщина с тремя ребятишками. Гроза застала нас в пути, и нам негде укрыться.

– Входите, – пригласил Пуговка, открывая дверь, – если сможете. Ведь я строил этот домик для себя одного, но если и вы поместитесь, буду рад.

– Там, где есть место для двоих, хватит и на троих. А детей я подержу на руках.

Женщина вошла, а следом и её дети – все поместились.

– Спасибо вам большое! – поблагодарила она. – Как у вас хорошо тут!

– Извините, но куда же вы отправились в такую непогоду? – спросил Пуговка.

– Шла куда глаза глядят, – ответила женщина и заплакала. – Вдова я. Мне нечем платить за жильё, вот хозяин и выгнал нас на улицу. Что-то с нами дальше будет?

– Ну, пока не тревожьтесь. Отдыхайте!

Сам Пуговка, однако, по-прежнему не мог уснуть и думал: «Бедняжка! Несчастные дети! Готов поспорить, что они и не ужинали сегодня! Совсем как мы с дядюшкой Карамеллой».

А гроза всё не кончалась. Дождь лил как из ведра. Гром перекатывался от одного края неба до другого. В дверь то и дело стучал кто-нибудь, прося укрытия, и Пуговка впускал всех со словами:

– Где есть место для пятерых, найдётся и для шестерых... Где есть место для шестерых, хватит и для семерых... Где есть место для одиннадцати, хватит и для двенадцати...

Так в Пуговкином домике набралось много народу: лесник, у которого горный поток съёс хижину, двое парней, ко-

торые покинули родное село и собрались за границу искать работу, несчастный старик, которого прогнали из дому, потому что он уже ничего не мог делать, королевский слуга, которого выставили за ворота, потому что он заболел и мажордом отказался лечить его...

А на рассвете, когда небо ещё было мрачное и тёмное и гром грохотал пуще прежнего, кто-то так сильно забарабанил в дверь, что домик задрожал.

– Откройте! – приказал чей-то властный голос.

«Мог бы добавить “пожалуйста”», – недовольно подумал Пуговка. Но всё равно открыл дверь и увидел перед собой...

– Впусти меня!

– Да это же...

– И коня моего тоже!

Нет никакого сомнения... Мантия хоть и промокла, но корона при свете молний сверкала как новенькая. Да-да, это оказался король.

– Где есть место для двенадцати, найдётся и для тринадцати, – пробормотал Пуговка, кланяясь королю.

А про себя добавил: «А где есть место королю, найдётся и для его коня».

Король вошёл и осмотрелся.

– Снаружи, – сказал он, – твой домик кажется таким маленьким...

– Действительно, – объяснил Пуговка, – я строил его для себя одного.

– А какое дерево использовал?

– Каштан, ваше величество.

– Каштан – не резина. Что-то здесь, видимо, не так!

– И слава богу, что не так, – ответил Пуговка, – иначе как бы тут поместилось столько народу!

Его величество король Бернардино Четвёртый задумался.

– Может быть, – промолвил он наконец, – дело не в том, из какого дерева построен домик, а в том, как устроен?

– Что вы хотите сказать?

– Сердце само по себе маленькое, величиной с кулак. Но если человек захочет, он может вместить в него всех людей на свете и даже ещё много места останется. Видно, твой дом устроен так же, как доброе сердце.

Пуговка промолчал.

– А что это за люди? – спросил король, указав на спящих.

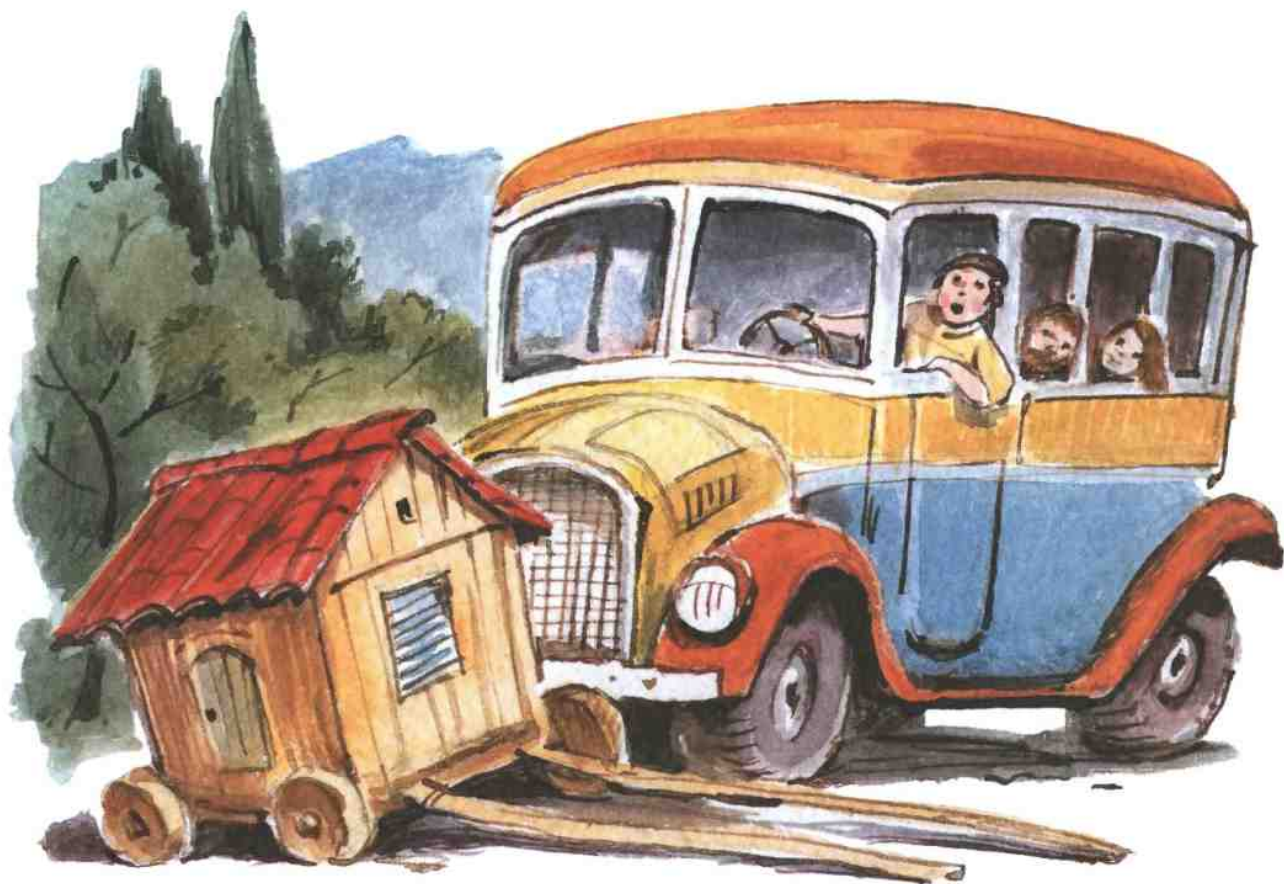
– Ну, это вот дядюшка Карамелла, это вдова с детьми, это...

Пуговка про всех рассказал королю, и тот, слушая его, становился всё мрачнее. А когда увидел больного слугу, стонавшего во сне, снял свою корону, словно та неожиданно стала слишком тяжёлой.

– Я думал, что я хороший король, – вздохнул он, – а вот, оказывается, сколько в моём королевстве несчастных людей. Что я сделал для них? Гораздо меньше, чем ты. Ты хотя бы приютил их на ночь. Выходит, мне пора отправляться...

– В такой дождь, ваше величество?

– Нет, я не то хотел сказать. Пора отправляться на пенсию! Если человек не умеет управлять страной так, чтобы его подданные жили счастливо, лучше снять корону. – Он подумал немного и добавил: – Впрочем, я, пожалуй, ещё кое-что могу сделать. Когда кончится дождь, пусть все эти люди придут ко мне. Ты, насколько я понял, хороший плотник, и во дворце у тебя не будет недостатка в работе. Подумаем и об остальных. Больного вылечим. Кому нужна работа – найдём. А ты взамен отдашь мне свой домик на колёсиках, и я буду ездить в нём по всей стране и разыскивать людей, которым нужна моя помощь. Согласен?

Неизвестно, что хотел ответить Пуговка, потому что как раз в это время раздался автомобильный гудок. Оказывается, ночью домик отнесло ветром на середину дороги, и он преградил путь машинам.

– Эй, вы, там! – закричал водитель автобуса, который тоже не мог проехать. – Проснитесь! Сдайте в сторону!

А пассажиры выглядывали в окна и смеялись:

– Да это же Пуговкин домик!

– Неужели?

– Проснись, Пуговка!

Пуговка вышел из домика и обрадовался, увидев, что дождь наконец кончился. Следом за ним вышел дядюшка Карамелла, расчёсывая свою бороду. За дядюшкой Карамеллой вышла вдова с ребятишками, самый маленький из них выбрался на четвереньках.

– Да это не дом, – смеялись в автобусе, – а цилиндр фокусника! Вот увидите, под конец появится белый кролик!

А люди всё выходили и выходили из домика.

– Но как же все уместились в нём? Вы ведь не плоские, как сардины! – удивлялись пассажиры.

– Смотрите, даже конь там ночевал! Белый конь! Не какой-нибудь белый кролик!

А следом за конём вышел король. Тут все сразу притихли. Водитель поклонился так, что едва спина не сломалась.

– Ну так вот, – сказал король, – пусть все эти добрые люди сядут в автобус. За билеты плачу я. А Пуговкин домик возьмите на буксир. Я же поеду следом за вами на коне и скажу, где остановиться.

Если в учебниках истории пишут правду, то это оказался первый и, к сожалению, последний случай, когда автобус въехал в столицу с небывалым эскортом – в сопровождении короля на белом коне.

А Пуговка женился на вдове и, для того чтобы детишкам нашлось где играть, построил ещё один деревянный домик на колёсиках. Тоже очень маленький, но в нём свободно умещались все дети, какие только жили в городе, а если туда хотел забраться ещё и котёнок, то и для него находилось место.

КОРОЛЬ МИДАС И РАЗБОЙНИК ФИЛОНЕ

Король фригийцев Мидас получил от богов удивительный дар: всё, к чему бы он ни прикасался, превращалось в золото.

Нетрудно представить, как пользовались этим придворные.

– Ваше величество, троньте, пожалуйста, вот эту палку!

– Этот ключ, ваше величество!

– Этот глиняный горшок, сир!

– Горшок? А что ты станешь с ним делать – с золотым горшком?

– Причуда моей жены, сир: она так мечтает об этом, что не даёт мне покоя ни днём ни ночью...

Король Мидас засмеялся, прикоснулся мизинцем к горшку, и он сделался золотым.

У королевского цирюльника накопилось немало золотых расчёсок, ножниц, бритв, мисок для сбивания пены.

Со всех концов королевства стекались ко дворцу огромные толпы людей, которые несли с собой разные вещи в надежде, что король Мидас превратит их в золотые.

Один глупец взвалил на плечи огромный камень, что лежал у него в саду, и несколько дней тащил его на себе в столицу, согнувшись в три погибели от непомерной тяжести.

Какой-то мальчик спросил его:

– А разве не проще было бы прийти сюда налегке и набрать камней в саду у короля?

Глупец очень удивился, что эта мысль не пришла ему в голову, и даже расплакался от огорчения. Мало того, у него пропало всякое желание получить золото, и он двинулся в обратный путь, снова взвалив на плечи свой огромный камень. На то он и глупец!

В то утро королю Мидасу, наверное, не слишком хотелось совершать чудеса. Так подумали придворные, толпившиеся

у опочивальни в ожидании его величества, потому что король так и не вышел к ним.

Наконец в полдень, опасаясь, не заболел ли король, придворные осторожно заглянули в комнату. Кровать пуста. Король исчез.

А дело в том, что ночью короля Мидаса похитила шайка лихих разбойников во главе с бандитом по прозвищу Филоне. По-итальянски это имя означает «плут», и оно вполне соответствовало главарю.

Этот коротышка, а вернее сказать, карлик славился дьявольской хитростью и оказался умнее всех других бандитов.

Из-за пропажи короля Мидаса во дворце поднялся ужасный переполох. А он в это время сидел со связанными руками и ногами в пещере у Филоне высоко в горах.

Его окружали пятеро грозных разбойников, вернее, шестеро, если считать и Филоне, который, глядя на него, весело посмеивался.

– Так вот, король Мидас, – сказал главарь-карлик, – теперь ты наш гость!

– Если вам нужно золото, – ответил король, – стоило только встать в очередь на лестнице в моём дворце. Я каждое утро выхожу туда и прикасаюсь к вещам, которые приносят люди. Превращаю в золото кинжалы, ложки, подковы, детские игрушки – всё, что угодно, – и делаю это без всякого разбора.

– Верно, – ответил Филоне, – всё это так. Но у нас есть идея получше. Вместо того чтобы идти к фонтану со своим ведром, мы подумали: а почему бы не перенести этот фонтан к нам? Теперь ты в нашей власти, Мидас, и будешь работать только на нас! И нам не придётся больше разбойничать на дорогах, грабить богатые дома и рисковать жизнью ради какой-то жалкой наживы. Король Мидас сделает нам столько золота, сколько нужно, и мы будем жить весело и припеваючи!

Разбойники расхохотались:

– Хорошо сказано, Филоне! Весело и припеваючи! Скорее развяжем руки нашему пленнику и посмотрим, такой ли он мастер творить чудеса, как про него рассказывают.

– Моя сабля! Пусть тронет мою саблю и превратит её в золотую! – потребовал один из разбойников.

– Дураки, – спокойно произнёс Филоне, не повышая голоса, – у вас пятерых ума не больше, чем у одной варёной курицы.

Разбойники покраснели, а главарь продолжал:

– Откройте уши и постарайтесь понять мой план. Если король Мидас тронет стены этой пещеры, она станет золотой. Может, даже вся гора станет золотой. А что потом? Что делать с целой горой золота в этой проклятой стране, где все знают нас и потому мы вынуждены скрываться в лесу?

Разбойники почесали затылки, подумали и согласились:

– Ну... Что верно, то верно... Если отправимся в город и зайдём в тратторию, хозяин позовёт стражу – и привет!

Филоне усмехнулся:

– Вижу, начинаете отличать чёрное от белого... Вот что мы сделаем: захватим судно и уплывём за границу. В Египет, например. Там много больших городов, и никто нас не знает. Снимем просторный красивый дом с хорошим подвалом. Посадим туда Мидаса, и пусть делает для нас золото. Вы меня поняли?

– Да здравствует Филоне! – вскочив, закричали разбойники и даже заплясали на радостях.

– Значит, решили, – заключил карлик. – Уходим на закате. А теперь дайте мне что-нибудь поесть, а то я голоден.

– Я тоже проголодался, – сказал король Мидас, который до сих пор слушал, не проронив ни слова.

Филоне жестом приказал одному из разбойников развязать королю руки:

– Двое встаньте по сторонам с кинжалами наголо. И если вздумает бежать, пощекочите слегка, но не причиняйте особого вреда.

Мидасу развязали затёкшие руки, и он взял тарелку, которую поставил перед ним Филоне. Она тотчас превратилась в кусок золота.

– Вот это да! – воскликнули разбойники, разинув рты от удивления.

– Знаешь, давай без этих фокусов! – рассердился Филоне. – Если думаешь перетянуть на свою сторону моих людей, то плохо знаешь их. Они глупые, но преданные.

– Тем лучше для тебя, – ответил Мидас. – Но иначе я не могу: к чему ни прикоснусь, всё превращается в золото. И поэтому предупреждаю: тебе придётся кормить меня. Если сам возьму это куриное бёдрышко, оно станет золотым, а золото, как ты понимаешь, несъедобно.

Пришлось Филоне смириться и самому кормить короля. Он держал перед ним мясо, а Мидас с удовольствием откусывал и подмигивал:

– Вкусно! Хорошо прожарено! А попить ничего нет?

Филоне поднёс к губам короля кувшин.

– Отличное вино, – похвалил Мидас, – золотое! То есть я хотел сказать – превосходное! Золото ведь не выпьешь.

Разбойники посмотрели на главаря, желая понять, можно ли посмеяться этой шутке Мидаса. Но Филоне молчал, и они рискнули только хихикнуть.

– У меня мясо застряло в зубах, – сказал вдруг король. – Придётся тебе почистить их каким-нибудь прутиком.

Тут Филоне не выдержал и вместо ответа показал королю язык, как бы говоря: «Ну уж этого ты от меня не дождёшься!»

Мидас ловко воспользовался этим и успел коснуться высушенного языка пальцем. Филоне взвыл от боли да так и остался с открытым ртом, из которого свисал... золотой язык.

– Я... а... а... – пытался что-то произнести Филоне, схватившись за свой язык обеими руками.

– Что ты сказал? – озабоченно поинтересовался король. – Не понимаю. Не странно ли? С золотым языком ты должен был бы говорить куда лучше, чем с прежним, и слова должны быть драгоценные, каждое ценой в лиру, не меньше.

Филоне упал на колени и в отчаянии молитвенно сложил руки, давая понять, что просит вернуть ему нормальный язык.

– Мне жаль, Филоне, – твёрдо сказал король Мидас, – но я не в силах тебе помочь. Я делаю только чистое золото. Если же тебе требовалось фальшивое, надо было обратиться к кому-нибудь другому.

Разбойники, поражённые чудом, которое свершилось на их глазах, столпились в глубине пещеры и дрожали от страха.

Мидас спокойно развязал себе ноги, встал, потянулся и даже попрыгал немного, чтобы размять их, а потом со смехом обратился к Филоне:

– Ты хотел золота? Так вот у тебя теперь полный рот его! Ну а я пошёл. Однако должен поблагодарить тебя за гостеприимство.

И с этими словами он коснулся стен пещеры, и они сразу же засверкали, словно освещённые солнцем. Мидас потрогал и камни, служившие стульями, и старый стол, за которым ужинали, и жалкое оружие разбойников, висевшее на стене.

– Хватит? Или ещё нужно?

Разбойники, казалось, с ума посходили. Они обнимали золотые стены, собирали с земли золотые камешки и чуть не подрались из-за золотого стола.

Король Мидас, в последний раз взглянув на обезумевших разбойников, вышел из пещеры.

Филоне, мыча что-то невразумительное, пополз за ним на коленях. Но король даже не обернулся, он лишь прибавил шагу, спускаясь в город, лежащий у подножия горы.

Филоне вскочил и бросился следом, цепляясь за его плащ, словно ребёнок за юбку матери.

Вот так фригийцы и увидели своего короля: он спокойно возвращался во дворец, а за ним бежал карлик с высунутым золотым языком.

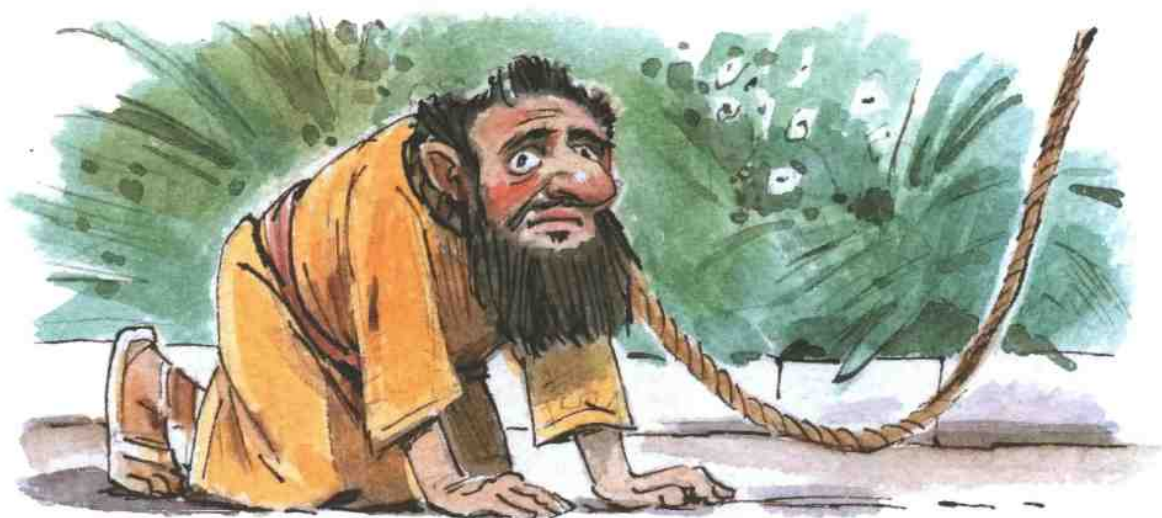
– Это главарь шайки разбойников, – объяснил король Мидас придворным, что собрались вокруг. – Пошлите стражу на вершину горы – там, в пещере, найдёте остальных.

И в самом деле, бандиты и не подумали убежать из своей золотой пещеры, которая превратилась для них в ловушку.

Всех разбойников, кроме главаря, отправили в тюрьму. А Филоне Мидас водил за собой, как собачку, и показывал тем, кто просил превратить какую-нибудь вещь в золотую.

– Хотите, потрогаю вам язык? – спрашивал Мидас. – Или нос? Что, не нравится золотой нос?

Люди в страхе пятились от него. Что случилось с добрым королём Мидасом, который ещё вчера слыл таким щедрым?

– Представляете, на прошлой неделе, – со слезами на глазах рассказывал один придворный, – он превратил в золото миску, из которой я кормлю мою собаку. А теперь, смотрите-ка...

Да, король Мидас и в самом деле изменился. Раньше он считал, что золото позволит ему осчастливить всех его подданных. Но теперь понял, что оно лишь вызывает у людей жадность и самые дурные наклонности.

«Филоне оказался первым, – думал король Мидас. – А завтра, кто знает, сколько ещё людей захотят завладеть мною, моими руками и станут такими же разбойниками».

И тогда он решил избавиться от драгоценного дара, которым наградили его боги. История рассказывает: едва Мидас искупался в волшебных водах реки Пактол, как колдовство – о чудо! – потеряло силу.

К великой радости короля, всё, к чему бы он ни прикасался с тех пор, перестало превращаться в золото. А то, что раньше он сделал золотым, вновь обретало прежний вид: лошадиные подковы стали железными, горшки – глиняными.

Но самое интересное, что и язык у Филоне тоже стал нормальным. Когда карлик понял, что может говорить, то от счастья произнёс только одно слово: «Спасибо!»

Король Мидас оставил его при дворе. Дворцовым карликом, известное дело, неплохо живётся.

Разбойников выпустили из тюрьмы и взяли на службу к королю грузчиками.

Даже тот глупец, который понёс обратно свой камень, добрался наконец до дома и опустил его на прежнее место у фигового дерева.

Этот камень оказался тут очень кстати, потому что, поднявшись на него, можно было дотянуться до самых верхних веток, где зрели самые вкусные плоды инжира.

ЗЕРКАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ

Не стройте рожицы у зеркала – оно может отомстить вам. Призадумайтесь над случаем, который произошёл с доктором Поликарпо Робивекки. Весьма поучительная история.

Однажды в девять часов утра доктор Поликарпо, известный всему городу Кастельбакко зубной врач, вошёл в кафе «Италия». Вполне естественно, скажете вы, ничего удивительного, что зубной врач вошёл в кафе и заказал себе кофе.

Но всё дело в том, что доктор Поликарпо появился там в одной пижаме и, подойдя к кассирше, показал ей язык, отчего та упала в обморок, бармен побледнел, а хозяин кафе позвонил в «Скорую помощь»:

– Алло! Приезжайте быстрее! Наш славный дантист, должно быть, сошёл с ума от жары!

Самые отважные посетители подошли к доктору и попытались его образумить, но в ответ он только показывал язык.

Машина «скорой помощи» тотчас отправилась по вызову, но до кафе так и не доехала, потому что уже на полпути ей пришлось остановиться: огромная толпа запрудила всю улицу.

– Пропустите! Пропустите! Мы спешим к доктору Робивекки!

– Да он же здесь, доктор Робивекки!

– Где?

– Да вот, смотрите!

И в самом деле, дантист стоял посреди толпы в одной майке, в брюках с болтавшимися подтяжками и старательно чистил зубы особой щёткой. Он то и дело останавливался и показывал язык или же, прижав большой палец к кончику носа, помахивал остальными четырьмя, как бы говоря: «Ишь чего захотел!»

– Бедняга! – сокрушённо качали головами санитары. – Он и вправду сошёл с ума!

Они хотели было посадить его в машину, как вдруг на улицу выбежал хозяин табачной лавки и закричал:

– На помощь! Он сошёл с ума!

– Кто?

– Наш бедный дантист! Он там, у меня в лавке. Стоит в одних трусах и ковыряет в носу.

В последующие десять минут в городе обнаружилось ещё двадцать четыре доктора Поликарпо Робивекки – один в полосатом халате, другой в одних трусах и так далее. Все в разных одеждах, но исключительно домашнего назначения. Один брился, другой умывался, третий чистил зубы. Почти все неопишимо кривлялись и гримасничали. Словом, творилось такое, отчего весь город Кастельбакко пришёл в необычайное волнение, как в ярмарочный день.

Шум на улице вынудил выглянуть в окно даже служанку доктора Поликарпо, пожилую синьору Розу, и она немедленно получила необходимую информацию от соседей.

– Ваш хозяин!

– Мой хозяин?

– Бедняга, посмотрите на него!

– Нет, вы туда посмотрите!

– Да не туда, а вниз!

– Боже милостивый, сколько же их!

– Но как же так?! – возмутилась синьора Роза. – Мой хозяин у себя в кабинете вырывает зуб мудрости супруге мэра.

– Тогда кто же это вон там?

– А там кто?

Синьора Роза поспешила к хозяину.

– Синьор доктор, происходят невероятные вещи! Прямо конец света!

– Не мешайте, Роза, вы же видите – я занят.

– Ради бога, подойдите скорее к окну и посмотрите! Речь идёт о вашей репутации!

Славный доктор не пожелал прислушаться к голосу разума. Он закончил свою работу во рту супруги мэра, проводил её до дверей, как всегда, любезно раскланялся и... поспешил подхватить её, потому что она потеряла сознание. От боли? Ничего подобного. Просто она увидела, как навстречу ей по лестнице поднимается другой Поликарпо Робивекки – в плавках.

Доктор отнёс супругу мэра в свой кабинет, уложил на диван, поручил синьоре Розе привести её в чувство и обернулся к незваному гостю:

– Кто вы такой? Откуда взялись? И что вам здесь нужно?

– Мне? Но я же доктор Поликарпо Робивекки, дантист.

– Я тоже! – закричал кто-то на лестнице.

– И я! И я! – раздалось на улице за окном.

У входа в дом стоял целый взвод докторов Робивекки.

– Что это ещё за шутки! – вскипел настоящий доктор.

– Никаких шуток! – ответил доктор Робивекки в ночной рубашке. – Мы все тут вполне серьёзные люди.

– Очень приятно, – вздохнул настоящий доктор, – но было бы ещё приятнее, если б кто-нибудь из вас потрудился объяснить мне: что означает этот маскарад?

– Никакого маскарада, уважаемый коллега!

– Коллега?

– Ну конечно. Или вы не дантист? А если дантист, значит, и мы тоже. Потому что мы – это вы, уважаемый доктор. Так что давайте перейдём на ты. Мы – это ты. Мы – твои отражения. Все мы вышли из зеркал, в которые ты когда-либо смотрелся у себя дома, у друзей, в гостинице, в пансионате, в кафе, в зале ожидания на вокзале, да где угодно!

Словно в подтверждение этого признания, в комнату вошёл доктор Поликарпо в дорожном костюме, в шляпе, с зонтом, с чёрной сумкой через плечо и... с высунутым языком.

– Что это вы ходите с высунутым языком? – спросил настоящий Робивекки.

– Смотрюсь в зеркало на вокзале в городе Ночера-Умбра.

– А разве обязательно высовывать язык, когда смотришься в зеркало?

– Не знаю, обязательно ли. Но вы это делаете. Всюду, где только есть зеркало, высовываете язык, кривляетесь и гримасничаете.

– Да! Да! Именно так! – хором поддержали все остальные Робивекки. – Гримасничаешь и кривляешься перед зеркалами, когда думаешь, что тебя никто не видит. Зеркалам это надоело, и вот он, результат, перед тобой.

– То есть вы все вышли из зеркал? – уточнил доктор.

– Именно.

– Допустим. Ну а что вы хотите от меня?

– Для начала, – сказал доктор, разгуливавший босиком, – если учесть, что уже почти полдень, мы хотели бы поесть.

– Здесь, у меня дома?

– А почему бы и нет? Это ведь и наш дом.

– Спагетти по-сицилийски хотите?

– Хотим! – дружно ответили все собравшиеся доктора, которых теперь уже насчитывалось тридцать два.

Настоящий доктор рухнул на диван, забыв, что там без чувств лежит супруга мэра. Синьора с криком вскочила и бросилась бежать, вопя так, словно ей рвут зуб без наркоза.

– Роза! – позвал доктор.

– Что прикажете, хозяин? – испугалась служанка.

– Спагетти по-сицилийски для всех...

– Боже милостивый, синьор доктор! Но у меня нет такой огромной кастрюли!

– Займите у кого-нибудь!

– Bravo! Только так и надо разговаривать с прислугой – решительно, строго и категорично! – одобрительно загудели доктора Робивекки.

В доме не нашлось даже подходящего стола, за которым могло бы уместиться столько гостей. Но дантисты не растерялись. Некоторые уселись прямо на пол, другие расположились в спальне, трое или четверо устроились

на балконе, и все пообедали с большим аппетитом.

– А как насчёт кофе?

– Кофе, кофе!

– А насчёт вина?

– Вина, вина!

Истинный доктор почувствовал вдруг, что ему надо охладить разгорячённое лицо, и прошёл в ванную, переступая через свои отражения, оккупировавшие прихожую и болтавшие о том о сём.

Открывая кран, доктор машинально взглянул в зеркало, висевшее над умывальником, и высунул язык, чтобы осмотреть его. Тотчас из зеркала выскочило его отражение в такой же белой рубашке, как у него, и присоединилось к остальной компании как раз вовремя, чтобы выпить кофе.

– Выходит, зеркала объявили мне войну! – горестно заключил доктор Поликарпо. – Ну что ж, надо принимать меры.

Робивекки вытер лицо и руки, продолжая размышлять. Наконец ему показалось, что он уловил нужную мысль. Доктор улыбнулся и, взглянув в зеркало, соорудил себе рожицу. В то же мгновение его отражение выпрыгнуло из зеркала на пол, ответив ему такой же рожицей, и принялось разминать ноги.

Выйдя из ванной, Поликарпо Робивекки объявил своим отражениям, что должен ненадолго уйти. Наскоро собравшись, он вышел из квартиры и помчался на вокзал, не обращая внимания на прохожих, которые с удивлением смотрели ему вслед и спрашивали, не в сумасшедший ли дом он торопится.

Доктор сел в первый же поезд до Неаполя – в этом городе жил его приятель. К нему он и направился.

– Ни о чём не спрашивай меня! – выпалил Робивекки, едва появившись на пороге друга. – Найдётся у тебя в доме тёмная комната без единого зеркала? Могу я пожить в ней два-три дня?

– Комната есть, и жить там можешь сколько тебе угодно. Только скажи мне всё-таки, что с тобой стряслось? Могу ли я чем-то помочь тебе?

– Извини, всё расскажу потом!

Запершись в комнате, доктор Робивекки испустил вздох облегчения.

– Теперь я могу быть уверен, что не отражусь ни в одном зеркале. И зеркала тоже не знают, где я. И если моя идея срabотает...

Идея срabотала. Все отражения, запертые в доме доктора Робивекки, попили, поели и спустя некоторое время почувствовали, что стали замерзать.

– В чём дело? Почему так холодно? – забеспокоились они. – Наверное, тут сильно сквозит!

Закрыли окна, но теплее не стало, пожалуй, даже наоборот. Кое-кто из уважаемых докторов уже терял сознание.

– Мне плохо!

– Это видно! Ты таешь прямо на глазах.

– Но и ты, дорогой мой, стал почти прозрачным.

– Что происходит?!

– Я думаю, наш славный Поликарпо сыграл с нами какую-то злую шутку. Где он? Никто не знает. А появилось ли среди нас какое-нибудь новое отражение?

Нет, не появилось. И отражения, лишившись доктора Робивекки, благодаря которому они возникали, начали таять, растворяться в воздухе, словно дым.

Вот уже не стало одного, другого, третьего... К вечеру сохранилось всего двенадцать отражений. Ночью недосчитались ещё девяти... А утром исчезли и три последних – они растаяли в воздухе, не издав ни единого звука.

Синьора Роза внимательно осмотрела все комнаты, заглянула во все шкафы и под кровати и не нашла никого.

– Надо предупредить доктора, что они ушли.

Спустя два дня доктор позвонил к себе домой и спросил:

– Роза, есть кто-нибудь ещё?

– Даже тени не осталось, синьор хозяин!

– Хорошо, тогда я возвращаюсь. Только послушай меня как следует – закрой все зеркала, какие есть в доме! Некоторое время мне придётся бриться на ощупь.

В сущности, если разобраться, так ли уж нужны эти зеркала? Чтобы узнать, красивы ли мы, достаточно закрыть глаза и спросить об этом свою душу и сердце.

ПАСТУХ И ФОНТАН

Жил однажды высоко в горах Абрुццо молодой пастух. Жил он в простой хижине и целыми днями пас своих овец. Пастух никогда не спускался с гор и не знал, как живут другие люди. Нередко он жаловался самому себе:

– Эх, узнать бы, как живут люди, может, и я сумел бы разбогатеть!

Однажды утром подошла к его хижине старушка. Услышала она, как он что-то бормочет, и спрашивает:

– На что жалуешься, пастушок?

– Да вот не знаю я, как живут другие. Неужели мне так и суждено весь век оставаться бедняком?

– Сделай для меня одно доброе дело, и я научу тебя, как разбогатеть.

– Одно доброе дело? Да хоть семь!

Дальше семи пастух считать не умел, потому что у него было только семь овец.

– Спустись в город Аквилла, – сказала старушка. – Там найдёшь фонтан с девяноста девятью струями. Сосчитай их, вернись сюда, скажи, сколько струй, и я помогу тебе.

– А кто же будет пасти моих овец?

– Уж так и быть, присмотрю за ними. Но я в силах пасти только шесть овец. Седьмую тебе придётся взять с собой.

Юноша поблагодарил старушку, взял седьмую овцу и отправился в Аквиллу. Добрался он до города утром. День оказался базарный, и пастух как зачарованный смотрел на людей, которые оживлённо спорили и торговались, на животных, которых привезли на продажу и держали в загоне, на прилавки, заполненные разными товарами.

– Если другие люди живут так, как в Аквилле, – решил пастух, – это просто замечательно!

Тут подошёл к нему один торговец и спросил, продаётся ли его овца.

– Не знаю, продаётся ли, – ответил пастух. – Это моя овца, и до сих пор она никогда не болела.

Торговец понял, что попал на простачка. Но он был честным человеком и не стал обманывать пастуха, а предложил за овцу столько, сколько она стоит. И пастух, никогда не видевший так много монет, согласился.

Он завернул деньги в платочек и едва ли не бегом пустился обратно в горы, но вдруг вспомнил поручение старушки. Он узнал у прохожего, где найти фонтан с девьюноста девятью струями, и направился к нему.

Какая красота! В центре площади пастух увидел круглый фонтан. Из всех его трубочек высоко к небу взлетали чистые, прозрачные струи. А когда падали на землю, то казалось, будто они бегут друг за другом по кругу. Если в стране фей есть фонтан, то, конечно, именно такой, сказочный.

Налюбовавшись прекрасным зрелищем и послушав шум падающей воды, пастух принялся считать струи фонтана. К сожалению, он умел считать только до семи. Затем начал сначала, и так до тех пор, пока не обошёл весь фонтан.

Наконец, очень довольный, он вернулся в горы, поблагодарил старушку, которая пасла его овец, и рассказал обо всём, что случилось с ним в городе.

– А струи сосчитал? – спросила старушка.

– Конечно! Семь штук!

– Сын мой, ты ошибся. И я, увы, не могу помочь тебе разбогатеть.

Пастух от огорчения чуть не расплакался.

– Через семь дней я опять приду сюда. И ты снова сходишь в город и снова посчитаешь струи фонтана. Сосчитаешь правильно – помогу.

Ровно через семь дней старушка вновь появилась у пастуха:

– Я присмотрю за твоими овцами, а ты иди в Аквиллу и сделай всё, как я сказала. Но одну овцу заведи с собой, потому что я стара и в силах пасти только пятерых.

Пастух взял шестую овцу и быстро спустился вниз, в город. Снова случился базарный день, и пастух опять повстречал прежнего торговца, который спросил его:

– Продаётся твоя овца?

– Продаётся, – ответил пастух. Теперь он уже знал, что означает это слово.

– Покупаю за ту же цену! – сказал торговец.

– Нет, – возразил пастух, – теперь вы должны дать мне немного больше, чем в прошлый раз, потому что я уже кое в чём разбираюсь и знаю, как живут другие люди.

Торговец посмеялся и добавил несколько сольдо. Пастух, очень довольный, завернул монетки в платочек, пошёл к фонтану с девяноста девятью струями и опять принялся считать их. Дошёл до семи и остановился. К счастью, рядом оказался какой-то мальчик.

– А что идёт после семи? – спросил его пастух.

– Восемь.

– А после восьми?

– Девять.

Так они и считали дальше вместе. Но мальчик умел считать только до двадцати. Для пастуха это получилось огромное число. Радостный, он вернулся в горы и ещё издали, помахав старушке, крикнул:

– Двадцать!

– Сын мой, ты опять ошибся. Мне очень жаль, но я ничего не могу для тебя сделать. Вернись через семь дней.

Неделю спустя всё повторилось – пастух спустился в город, продал пятую овцу и стал считать струи. Но, дойдя до двадцати, остановился, потому что не умел считать дальше.

К счастью, это заметила одна очень славная и приветливая девушка, которая умела читать и писать.

Она пожалела растерявшегося пастуха и помогла ему сосчитать все струи фонтана. Вот чудеса-то! Их оказалось ровно девяносто девять!

На этот раз пастух не сомневался, что не ошибся. Он быстро вернулся в горы, но старушки там уже не нашёл. Четыре овцы мирно паслись сами по себе и, конечно, ничего не могли ему сказать. Только блеяли: «Бе-е-е-е! Бе-е-е-е!» – и щипали траву.

Пастух не знал, что и думать. Впрочем, не так уж он и огорчился. Ведь теперь у него имелись деньги, полученные от продажи овец, он умел считать до девяноста девяти и знал, как живут другие люди.

И я готов спорить, вы уже знаете, чем закончится эта история. Знаете, что пастух, научившись считать и узнав, как живут другие люди, на этом не остановился. Он много

учился и сам стал учителем. Перебрался в город, женился на той славной девушке, которая однажды помогла ему, и, когда у них подрос сын, он привёл его к фонтану с девяносто девятью струями и начал его учить точно так же, как когда-то набирался ума сам, – считая и пересчитывая эти девяносто девять удивительных хрустальных нитей.

ПОЛЯРНЫЙ ГОСТЬ

Вот уже несколько дней бурые медведи ходили задрав нос и гордо подняв голову.

— Или они выиграли в лотерею, или проглотили палку, — решил синьор Ослинелли, осёл, который торговал барабанами в своём магазине на углу. Осёл, если захочет, тоже может состричь иногда.

Секрет раскрыла синьора Хитринелли, лиса:

— Они ждут важного гостя!

— Откуда?

— С Северного полюса!

— Наверное, какого-нибудь белого медведя?

— Именно. Они ожидают дядюшку Белоне. Говорят, мы перестанем потешаться над их бурой шкурой, когда увидим дядюшку Белоне, этого франта, который всю зиму напролёт ходит в белом костюме.

— Где, интересно, он будет спать? В холодильнике? Вы же знаете, белые медведи в тепле тают.

И вот однажды вечером вся медвежья семья высыпала на улицу возле своего дома и принялась высматривать, не видно ли кого на подходе. Собрались все — синьор Буроне, синьора Буруна и дети — от мала до велика: от совсем маленькой Буромедвединки, сидевшей в коляске, до старшего Буромедвежонка.

— Ну что, не видно?

— Похоже, кто-то едет.

Синьора Хитринелли смотрела с балкона своего дома в бинокль и первая объявила:

— Едет! Едет! Ну надо же, какой прекрасный автомобиль с домиком-прицепом — белый с синей полоской по бокам. Синий цвет, наверное, символизирует море.

Роскошная машина под аплодисменты проехала по деревне. На улицу вышли все, кто мог, — и большие и малые.

– Однако он и в самом деле большой франт, этот дядюшка Белоне!

– Видный, я бы сказал!

– Смотрите-ка, среди своей родни он выглядит словно бутон из крема на шоколадном торте.

– Кстати, он, наверное, привёз бог знает какие чудесные подарки с Северного полюса. Пойдём посмотрим!

Дядюшка Белоне как раз в этот момент объявил своим племянникам и племянницам:

– Я приготовил вам небольшой сюрприз — привёз нечто такое, что имеется только у нас...

Он распахнул дверцу своей роскошной машины. Домик-прицеп доверху заполняло что-то белое...

– Настоящий полярный снег! — торжественно объявил дядюшка Белоне.

– Снег? А на что он нам, милый дядюшка? — спросила синьора Бурона.

– На что? Чёрт возьми, для того, чтобы охладить шампанское!

– Для этого у нас есть холодильник.

– Отдайте детям, пусть играют в снежки.

– Но они простудятся!

– Припорошите деревья – и полу́чите новогодние ёлки.

– Но мы покупаем их в магазине — пластиковые. Они легко разбираются и хранятся в большой коробке.

– Так, выходит, он вам не нужен? Ведь это прекрасный снег! Посмотрите, какой он чистый, нетронутый, мягкий! Я собирал его для вас во время последнего снегопада перед отъездом. Столько сил потратил, чтобы заполнить машину! Мчался всю дорогу, рискуя нарваться на штраф за превышение скорости, лишь бы снег не растаял раньше времени. А вам он вовсе не нужен!

– Конечно, Белоне, снег прекрасен. И ты очень хорошо сделал, что привёз его!

– Хорошо сделал! Но вам, я вижу, не нравится. Ну что же, как хотите!

Дядюшка Белоне, весьма недовольный, уселся в свою машину, и ещё долго из неё доносилось его ворчание.

Синьора Бурона расплакалась и убежала в дом. Синьор Буроне печально покачал головой. Дети один за другим тихонько отошли в сторону, и только Буромедвединка, которая сидела в своей коляске, продолжала хлопать в ладошки и лепетать:

– Дяя Беоне! Дяя Беоне!

Она не поняла, счастливая, что случилось.

А соседи перемигивались, но открыто смеяться не решились. В сущности, они тоже остались недовольны.

– Нет, вы скажите, кто это приезжает в гости с такой грудой снега! Да разве так можно! — возмутились одни.

– Нет, вы посудите, разве так встречают родственников, которые приезжают с Северного полюса? — негодовали другие.

Но больше всех волновалась детвора. Дело-то происходило в июле, сами понимаете, стояла жара, а там, в этом домишке-прицепе, целая гора снега! Какой-то крольчонок набрался смелости и постучал в дверцу машины.

- Синьор Белоне, а синьор Белоне!
- Что тебе?
- Не дадите ли немного снега? Я бы снежок слепил!
- И мне тоже, синьор Белоне! И мне!

Со всех сторон сбежались крольчата, лисята, щенята, котята, ослята, жеребята. Дядюшка Белоне открыл дверцу, чтобы взглянуть на них.

- Синьор Белоне! Дайте нам снега!

И тут все увидели, как лицо синьора Белоне озарилось улыбкой. Спустя мгновение снег грудой посыпался из распахнутой двери. И началось самое весёлое сражение, какое только может быть. Случалось ли когда-нибудь что-либо подобное в деревне? Никогда!

Но тут вдруг вышел синьор Ослиелли, набрал пригоршню снега, слепил снежок, прицелился в колокольню и метнул его.

Дин! – зазвенел колокол, в который попал снежок.

Дин! Дон! Дин! Дон! Дин! Дон! – запели вскоре и другие колокола, в которые по примеру синьора Ослиелли принялась метать снежки вся деревенская детвора.

Синьор Белоне был счастлив: даже колокола звонили в его честь, словно в день большого праздника. Синьор Буроне, синьора Бурона и их дети вышли посмотреть, что происходит. И увидели, что дядюшку Белоне несут на руках. У медведей отлегло от сердца. Они боялись, что окажутся в неловком положении, что соседи будут смеяться над ними из-за этого сумасшедшего дядюшки, который явился в гости на машине с прицепом, полным снега. Но теперь они снова гордо оглядывались вокруг, как бы говоря: «Ну вот, а вы не хотели верить, что в нашей семье есть выдающиеся личности!»

А из оставшегося снега дядюшка Белоне сделал превосходное мороженое, и всё время, пока он гостил у своих родственников, жители деревни чествовали его больше, чем самого важного начальника.

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Однажды дядюшка Белоне решил отправиться в кругосветное путешествие.

– Говорят, что Земля круглая, – сообщил он тем, кто желал его слушать. – Если так, хочу убедиться в этом и всё увидеть собственными глазами. Возьму с собой мой домик-прицеп и буду двигаться всё время прямо. И если земля действительно круглая, то в один прекрасный день непременно вернусь сюда же.

И он воткнул в лёд шест, чтобы отметить место, где стоял.

– А вы последите, чтобы его не засыпало снегом, – посоветовал он братьям.

Самый младший из них попросил:

– Возьми меня с собой! Я тоже хочу путешествовать!

Но дядюшка Белоне предпочёл взять Чайку:

– Она летает и будет у меня разведчиком.

Он загрузил в домик-прицеп запас продуктов, не забыл и о горючем. Угостил всех на прощание шампанским и сказал:

– Если не вернусь, вспоминайте меня без грусти!

Чайка перекинула через плечо сумку, полную географических карт, и стала походить скорее на почтальона, чем на путешественника.

И они отправились в путь. Ещё долго было слышно, как дядюшка Белоне сигналил на прощание.

В тот день путешественники проделали довольно большой путь по дороге, вечером укрылись в домике-прицепе и спокойно уснули.

А утром, когда проснулись и выглянули наружу... У дядюшки Белоне едва не случился сердечный приступ, а Чайка громко гулькнула от удивления и поспешила взлететь на крышу домика.

– Откуда взялось это море вокруг? – растерянно произнёс дядюшка Белоне, почёсывая за ухом.

– Должно быть, ночью лёд треснул, – заметила Чайка. – Знаешь, дорогой дядюшка, мы с тобой оказались на айсберге.

– На чём, на чём?

– На ледяном острове. Хочешь, осмотрю его?

– Это было бы весьма неплохо.

Чайка вернулась очень скоро.

– Островок, – доложила она, – совсем небольшой, всего лишь раз в десять больше нашего домика-прицепа. В центре стоит высокая гора, на которой очень хорошо смотрелся бы какой-нибудь флаг, а вокруг, насколько хватает глаз, океан.

Дядюшка Белоне снова почесал за ухом. Затем прошёл на корму айсберга.

– Мы движемся, только очень медленно, – сообщил он. – Если не придумаем, как заставить этот остров двигаться быстрее, то будем путешествовать вокруг света лет десять. Это не по мне!

– Может, поискать подмогу? – предложила Чайка.

– Ни в коем случае! Сделай лучше вот что. Сядь на вершину горы и расправь крылья. Они послужат парусом, и вот увидишь, мы сразу же поплывём быстрее.

Чайке совсем не хотелось превращаться в парус, но всё же пришлось согласиться. Вскоре она устала. Ведь Чайка не привыкла летать против ветра. До сих пор он всегда сам с лёгкостью, как пушинку, носил её. К тому же скорость айсберга возросла совсем немного.

– Спустись-ка сюда, – велел дядюшка Белоне. – Попробуем другой способ.

Он снял с машины двигатель и пропеллер от вентилятора и установил их на корме айсберга.

– Посмотрим, – сказал он, – поможет ли нам мотор.

– Дядюшка, да ты просто гений! – восхитилась Чайка.

– Не спеши с выводами. Мы ведь ещё не знаем, работает ли эта система.

Система работала. И даже очень хорошо. Айсберг двигался теперь, как могучее судно, – с шумом разрезал волны и оставлял за собой широкий пенный след, в котором очень скоро начали резвиться дельфины.

Пожалуй, даже слишком хорошо работала эта система, потому что через несколько часов айсберг вошёл в более тёплые воды и... начал таять.

Чайка первая забила тревогу – она сидела на вершине и заметила, что вода подбирается всё ближе и ближе.

– Дядюшка Белоне, наше судно тает!

– Я должен был предвидеть такое! Этот айсберг – самый настоящий вредитель. Если глупые дельфины...

– Что? А мы тут при чём? – удивился главный дельфин, выпрыгнув из воды.

– Вот уже полдня мы режем для вас воду, – ответил дядюшка Белоне. – Не пора ли теперь и нам помочь?

Дельфины проплыли к носу айсберга, позволили привязать себя к нему канатом, который нашёлся у дядюшки Белоне в домике-прицепе, – никогда ведь не знаешь, что может понадобиться! – и потянули его со всей силы.

Получилось, что айсберг тащит целых двадцать двигателей, и дядюшка Белоне мог вернуть мотор на место.

– Садись ко мне в машину, – предложил он Чайке. – Оставим этот предательский айсберг.

Дядюшка отпустил ручной тормоз, и машина с домиком-прицепом рванула вперёд. Теперь капот, словно нос судна, разрезал волны.

В тот же день капитан трансатлантического лайнера «Дзое», который шёл под флагом Монцы (а это небольшой городок поблизости от Милана), с удивлением увидел странный домик-прицеп, двигавшийся с большой скоростью на юго-восток в сопровождении дельфинов.

Впоследствии, когда он рассказывал о столь необычном зрелище, ему никто не верил.

Тем временем дядюшка Белоне велел дельфинам доставить его к самой земле, а Чайке поручил определить, где же они находятся. Изучив одну за другой все свои карты, она сделала важное заключение:

– По-моему, мы находимся в какой-то точке между Миланом и Буэнос-Айресом.

– Ты говоришь глупости! Этого не может быть! – рассердился дядюшка Белоне.

– Вернее, – поправилась Чайка, – мы на полпути между Сицилией и Индией.

– Если ты умеешь читать карты, то я в таком случае не медведь, а морж, – произнёс в растерянности Белоне.

– Что же делать? – огорчилась Чайка.

– Ничего. Подождём немного. Может, кто-нибудь подбросит нас.

– Но ведь машина-то у нас, значит, это мы должны кого-нибудь подвезти, если попросят...

Белоне не ответил. Он уже некоторое время внимательно вглядывался в море.

– Я не ошибся, – наконец сказал дядюшка, – во-о-он плывёт кит, он-то нам и поможет.

Кит и в самом деле взял на спину путешественников, их домик-прицеп и за пару дней доставил на Северный полюс.

По случайному совпадению он высадил их в таком месте, откуда до своего села они добрались довольно быстро.

Подъехав к тому самому шесту, который дядюшка Белоне воткнул в лёд, путешественники увидели толпу приветствовавших их односельчан.

– Ура! Вы совершили кругосветное путешествие! Уехали на юг и вернулись с севера! – в восторге кричали они. – Выходит, совершили кругосветное путешествие!

– Да нет, – вздохнул дядюшка Белоне, – кругосветное путешествие мы, наверное, не совершили, а вокруг этого шеста точно объехали.

КОРОНАЦИЯ ЛЬВА ДЕСЯТОГО

После смерти Феликса Четвёртого следовало короновать Льва Десятого. Коронация любого Льва – это всегда пышная церемония: золотая карета, военный парад, усыпанная бриллиантами корона на бархатной подушке и множество гостей со всех концов света – словом, спектакль, рядом с которым меркнет даже конный цирк. Да и кушанье под стать – не только пальчики, но даже локти оближешь.

Церемониймейстер – князь Леонидо – дядюшка молодого короля. Три дня и три ночи он наставлял его и учил, что тот должен и чего не должен делать на коронации: тут – поклониться матери-королеве, там – приветствовать правой рукой придворных... Но самое главное – не отправить, упаси боже, во время церемонии в рот какую-нибудь мышку, попавшуюся в когти!

– Во время коронации не едят, понятно?

– Понятно.

– И никаких транзисторов!

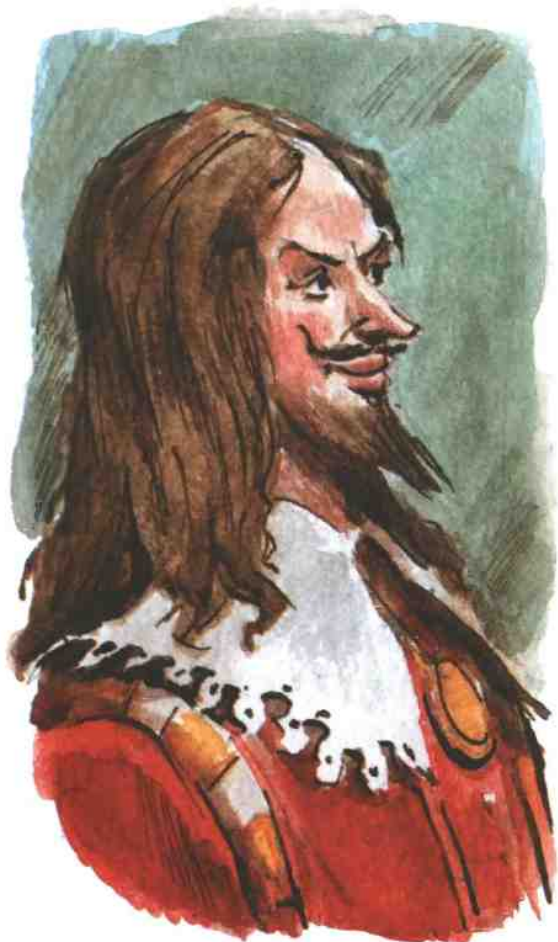
Молодой король жить не мог без радиоприёмника. Он не расставался с ним, даже когда плавал в бассейне, – надо же узнать последние новости с чемпионата.

Наконец настал великий день. Настал раньше обычного, потому что уже в три часа утра зазвонили колокола, и больше никому не удалось поспать.

Лев Десятый начал наряжаться для церемонии. Дядюшка Леонидо распорядился этой важной процедурой:

– Сначала нижнее бельё пурпурного цвета. Потом туфли с пряжками. Затем парчовый камзол и, наконец, горностаевая мантия. Так, так... Ну-ка покажите перчатки! Дыр, слава богу, нет. Перед коронацией вашего отца никому не пришло в голову проверить перчатки. И когда он приветствовал восторженную толпу, у него пальцы вылезали наружу.

В девять часов утра во внутреннем дворе королевского дворца выстроился кортеж парадных карет. В девять

пятнадцать первый экипаж приблизился к воротам. И тут князь Леонидо нахмурился:

– Никаких рукоплесканий? Странное дело! Обычно, когда кортеж выезжает на дворцовую площадь, раздаются, как пишут журналисты, «бурные аплодисменты».

Удивление князя Леонидо перешло в горестное изумление, когда карета, в которой он сидел рядом со Львом Десятым, выехала за ограду, – площадь оказалась пуста! Пуста, как ведро без воды. Не видно даже ни одной собаки. Ни одной мыши.

– Чёрт возьми! – воскликнул князь. – Где же восторженная толпа? Где туристы, которые приез-

жают обычно, чтобы не упустить ни одной детали этого грандиозного зрелища? Где же ну хотя бы дети – дети, которые всегда бегут за оркестром, где они?!

Кортеж пересёк площадь и двинулся по проспекту. Какое праздничное убранство повсюду – знамёна, разноцветные полотнища, цветы. Поразительная картина! Но на тротуарах за кордоном полицейских, выставленных поддерживать порядок, ни души. Ни один человек не вышел на порог своего дома, никто не выглядывал в окна.

– Трижды чёрт побери! – вскипел князь Леонидо. – Никто даже не залез на фонарные столбы, чтобы лучше видеть! И на крышах нет любопытных! Куда же они все подевались?!

На крышах сидели только птички.

– Мои верные подданные устроили забастовку, – с грустью произнёс король Лев Десятый.

– Господь не допустит, – пробормотал до смерти напуганный князь Леонидо, – чтобы они подняли восстание!

– Не волнуйтесь, – успокоил его Лев Десятый. – Будь это восстание, мы наткнулись бы на баррикады и гильотины.

– Никогда не угадаешь, что они затеяли, – ответил дядюшка. – Теперь научились изобретать столько способов устраивать революции!

– Сегодня отличная погода, – невесело пошутил король, – наверное, мои подданные отправились за город на пикник.

– Пикник в день коронации? – удивился дядюшка. – Это совершенно исключено! Нет ничего более скучного, чем пикник! А посмотреть на проезжающего в карете короля в тысячу раз интереснее. Хотя бы потому, что можно незаметно скорчить ему рожицу...

Королевский кортеж проследовал по всем главным улицам и площадям города. Поистине неповторимое зрелище! Но никто не восхищался им. Казалось, кареты движутся по совершенно опустевшему городу, как в Италии бывает в августе, в самую жаркую пору.

– Следовало отложить коронацию, – вздохнул Лев Десятый, изнемогая от зноя в своих парадных одеяниях. – Ах, с каким удовольствием я нырнул бы сейчас в бассейн!

– И думать нечего! – возразил дядюшка-князь. – Коронация должна проходить строго по ритуалу, хоть луна свались с неба!

И действительно, всё шло своим чередом. Однако по-прежнему никто не аплодировал только что взошедшему на престол королю, когда он появился на ступенях собора с короной на голове и скипетром в руке.

Кортеж печально двинулся обратно ко дворцу, вновь проезжая по тем же самым пустынным улицам и площадям.

Князь Леонидо, сложив на груди руки, недвижно сидел по правую сторону от короля, даже не утирая слёз, которые текли по лицу.

Лев Десятый, украдкой взглянув на него, решил, что момент самый подходящий. Он нагнулся и вытащил из-под сиденья маленький транзистор, который припрятал его верный слуга, и приложил к уху.

«Вот он! Вот он! – возбуждённо кричал репортёр. – Вот королевский кортеж подъезжает к ограде королевского дворца! Великолепный спектакль подходит к концу. Но его величество ещё должен выйти на главный балкон, чтобы приветствовать радостную толпу...»

– Как же, – усмехнулся Лев Десятый, – так я и стану раскланиваться перед пустой площадью и оградой...

«Миллионы людей, – продолжал захлёбываться репортёр, – имели счастье присутствовать сегодня на этой бесподобной церемонии, самой прекрасной, какую только помнят со времени коронации Льва Первого, основателя славной династии...»

– Миллионы людей? – удивился Лев Десятый. – Надо же так врать!

«Миллионы людей, – кричал репортёр, – со слезами на глазах, исполненные патриотизма, смотрели коронацию любимейшего монарха на своих телеэкранах...»

Наушник выпал из рук короля.

– Пусть меня хватит удар! – воскликнул он. – Но наконец-то я понял, в чём тут дело! ОНИ ЖЕ ВСЕ СИДЕЛИ У ТЕЛЕВИЗОРОВ! Чтобы насладиться зрелищем, не толкаясь в толпе, не заглядывая через головы друг друга. Ну и хитрецы мои подданные! А что, я ведь тоже не раз предпочитал смотреть футбол по телевизору, вместо того чтобы мёрзнуть на стадионе...

И действительно, всё так и происходило. Люди так привыкли к телевизору, что, выйди они на улицу, настоящая коронация показалась бы им не настолько восхитительной.

Лишь на экране телевизора она выглядела такой, какой ей и полагалось быть.

Сообразив это, Лев Десятый заулыбался и принялся усердно раскланиваться направо и налево. А князь Леонидо, который ничего не понял, проворчал:

– Бедняга, от огорчения он сошёл с ума! Приветствует безлюдную площадь и булыжники!

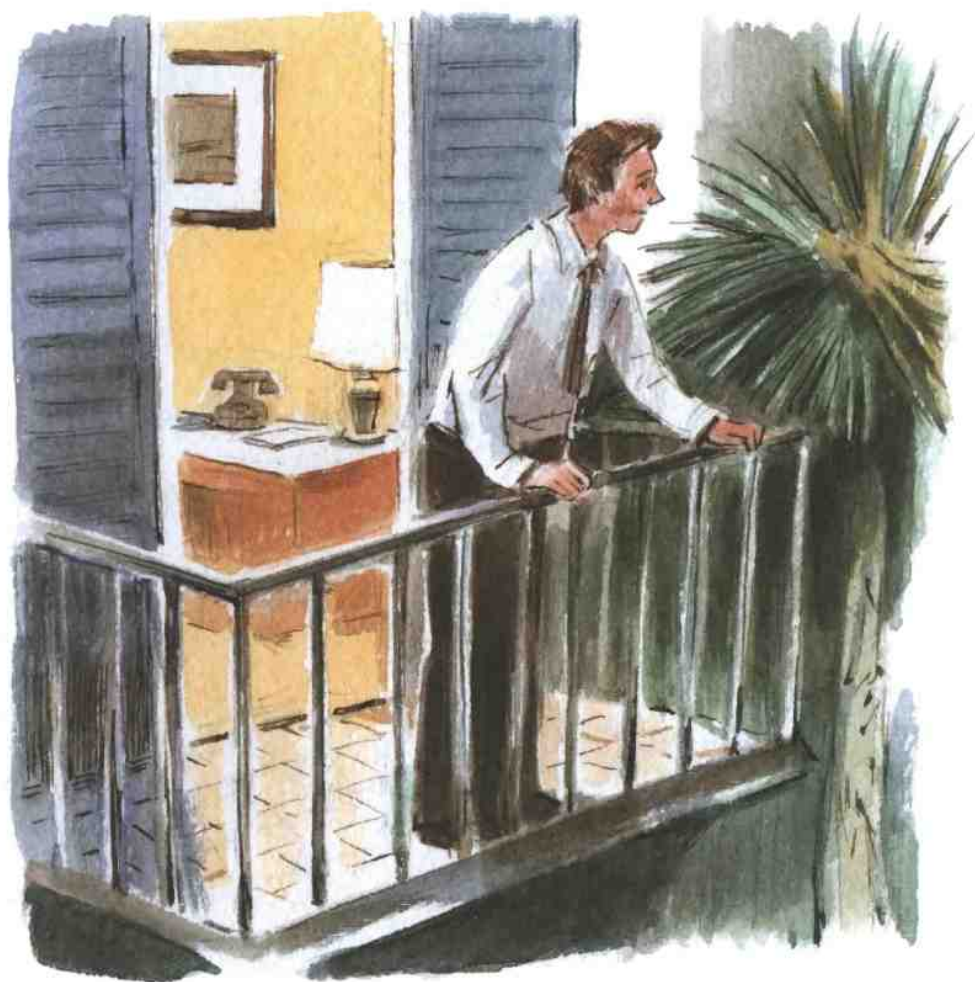

НЕБОСКРЁБ В МОРЕ

Наверное, никто мне не поверит, но однажды ночью я видел в порту Генуи небоскрёб, который плыл по волнам, словно гигантское трансатлантическое судно. Я стоял на балконе своего номера в гостинице и смотрел в сторону моря. Там, в порту, возвышаясь над тесным скоплением небольших торговых судов, буксиров и парходиков, сверкал сотнями, тысячами огней огромный, высокий, как небоскрёб, пассажирский лайнер.

Откуда-то из калейдоскопа тёмных и недвижных мачт и труб донёсся низкий парходный гудок.

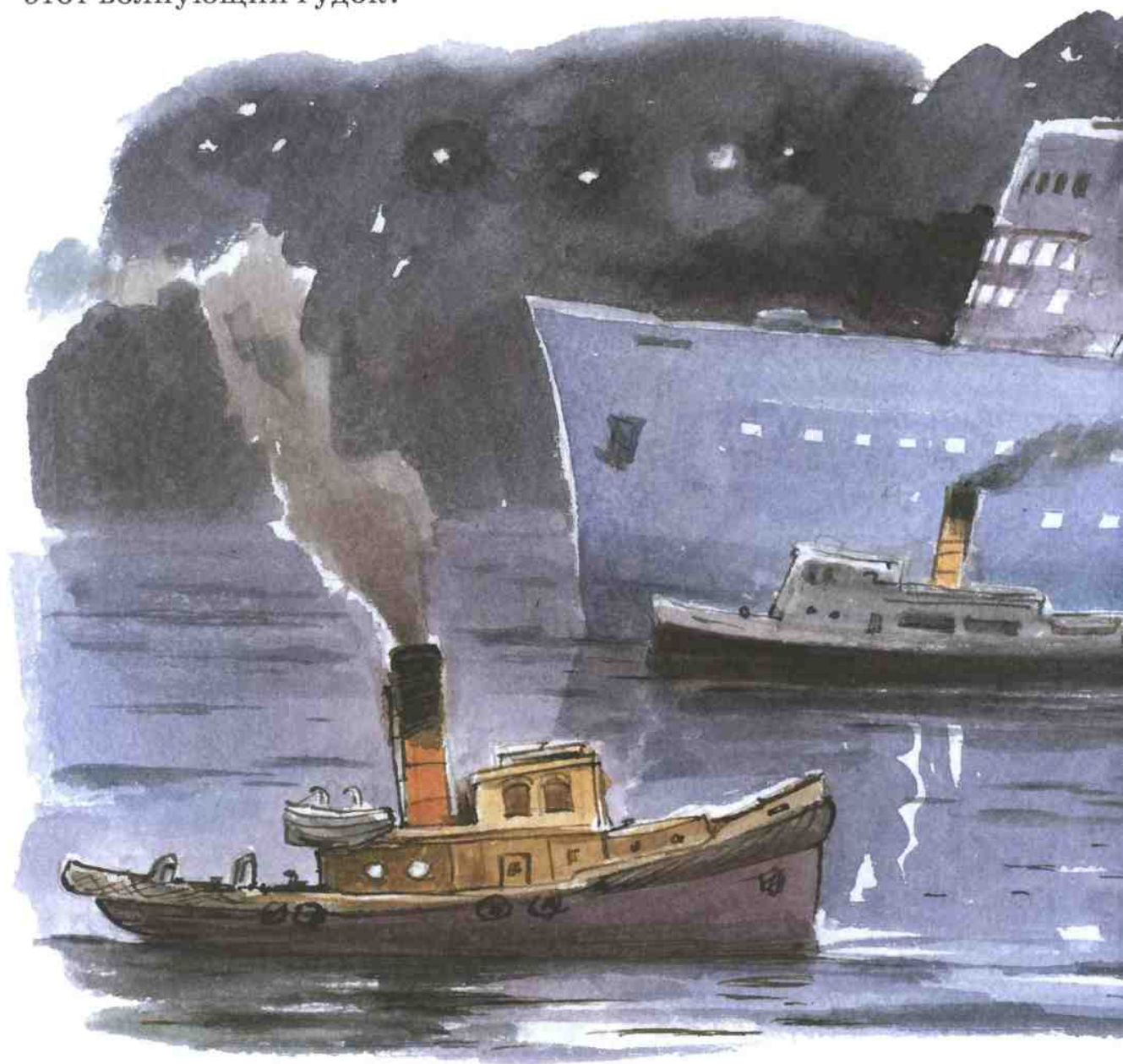
Невозможно, услышав этот звук, не испытать острое желание отправиться в путешествие – навстречу морским и небесным просторам. Это неодолимое желание сразу же охва-

тывает тебя целиком – и душу, и тело. Его ощущаешь даже в ногах. Вернее, я хотел сказать – в корнях. Хочется высвободить эти корни и двинуться куда-нибудь далеко-далеко.

Ночью в Генуе мне никогда не удавалось спать спокойно. Поэтому я вышел на балкон. А пароходный гудок всё звал.

Есть ли у небоскрёбов уши, чтобы слышать? Не знаю, не спрашивайте меня об этом. На самом верху здания, на крыше, стоит целый лес телевизионных антенн. Они ловят электромагнитные волны. Так неужели небоскрёбы не слышат этот волнующий гудок?

А он всё звал и звал...

И тогда небоскрёб шевельнулся на своих корнях.

Есть ли у небоскрёба корни? Я думаю, есть. Должны быть. Наверное, это водопроводные и газовые трубы, телефонные и электрические кабели – всё это стальное переплетение, что змеится по нему внутри и уходит в землю, под фундамент.

Поначалу я подумал, что это идёт трансатлантический лайнер: огромная машина со светящимися там и тут на разной высоте иллюминаторами величаво плыла по тёмной воде, направляясь в открытое море.

Но, присмотревшись, я понял, что трансатлантический лайнер по-прежнему стоит на своём месте, а небоскрёб, знаменитый гонуэзский небоскрёб уже не возвышается над крышами города – огромный железобетонный, стеклянный пастырь покинул своё стадо. Небоскрёб плыл по морю...

Наверное, мне следовало бы позвонить портье, сообщить в полицию, пожарным – не знаю. Только я стоял на балконе, замерев от изумления. Меня зачаровало это зрелище.

Небоскрёб вышел из порта и направился, как мне показалось, на восток. Но потом вдруг, круто развернувшись, изменил курс и двинулся на запад.

– Во Францию, значит, направляется? – удивился я. – Без паспорта?

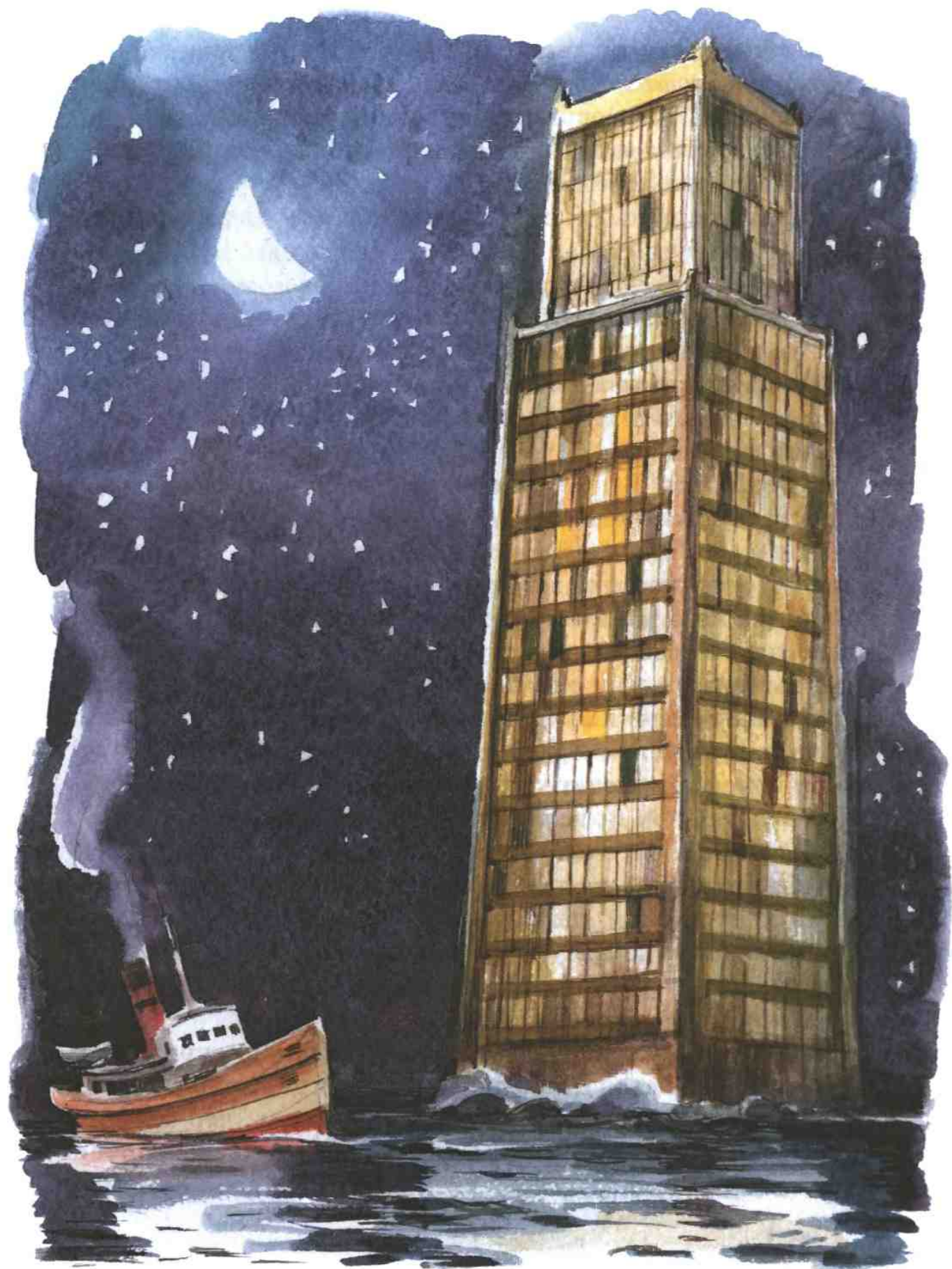
Мне стало смешно. Я представил себе, как моторный катер таможенников спешит за небоскрёбом, чтобы проверить его документы.

– Что у вас записано в декларации? Не везёте ли какие-нибудь ценные грузы?

– Исключительно ценные – почти полтысячи спящих пассажиров, среди которых немало детей.

– Нам очень жаль беспокоить вас, но мы должны провести досмотр.

– Хорошо, только не шумите. На пятнадцатом этаже едва удалось заснуть одному больному синьору. На двадцатом

этаже готовится к трудному экзамену студент. Может быть, кстати, вам удастся уговорить его отложить учебники и немного поспать? Здоровье прежде всего, не так ли?

– Остановите машины и дайте нам подняться на борт! – потребовали таможенники.

– Какие машины? Где вы их видите? Это же котёл для парового отопления.

– Встаньте на якорь!

– Ещё не хватало, чтобы я выбросил все свои кабели! А на десятом этаже ждут важный телефонный звонок из Нью-Йорка. Так уж устроены эти генуэзцы: лишите их удовольствия работать в любое время суток – и у них от огорчения заболит горло.

– Стоп! Стоп! Вы не смеете возвращаться назад! – уже кричали таможенники.

– Не смею? Вот ещё! – фыркнул небоскрёб. – Хотел бы я посмотреть, кто мне может помешать! Взгляните, пожалуйста, на небо. Нет, не туда – на восток. Видите на горизонте слабую светлую полосу? Ночь на исходе. И я должен вернуться на службу ещё до того, как придёт мальчик-посыльный от молочника. Если он заметит, что я ухожу по ночам на прогулку, к вечеру об этом будет знать вся Генуя. Мне это ни к чему. Я дисциплинированный небоскрёб и дорожу своей репутацией. Во всяком случае, днём.

– А ночью?

– Ночью другое дело. Ночью воображаю, будто я тоже трансатлантический лайнер. Представляю, как покидаю порт и плыву куда-нибудь далеко-далеко... Мы, генуэзцы, славимся любовью к далёким путешествиям. Вам доводилось слышать про Христофора Колумба?

Небоскрёб возвращался в порт со скоростью примерно десять узлов. Он явно спешил на своё привычное место. Я ухватился за перила балкона, словно боясь, что кто-нибудь оттащит меня. Ни за что на свете не хотел бы я пропустить момент, когда небоскрёб будет занимать своё место на

фундаменте, чтобы дожидаться мальчика-посыльного от молочника, газетчика и посыльного от булочника с корзиной знаменитых гонуэзских булочек.

К сожалению, за моей спиной в комнате зазвонил телефон.

– Алло, – ответил я машинально, не покидая своего наблюдательного поста.

Телефон продолжал настойчиво звать меня. Если я не хотел разбудить соседей, следовало ответить. Я подбежал к аппарату и взял трубку.

– Доброе утро, синьор! Шесть часов.

Будильник! Проклятье! Ведь это я сам попросил портье разбудить меня в шесть утра. Не потому, что всегда встаю так рано. Просто иногда люблю почитать часок-другой в постели, прежде чем начнётся день.

Я поблагодарил и побежал на балкон.

Небоскрёб уже стоял на своём месте! Он возвышался над морем низких крыш и хитро подмигнул мне одним из своих окон – оно зажглось и тут же погасло. Наверняка кто-то проснулся, включив свет, бросил взгляд на часы и решил, что можно поспать ещё немножко. Словом, я всё прозевал!

Небоскрёб стоял как обычно, такой же, каким я видел его всегда, даже на гонуэзских открытках. Вскоре в его стенах опять забурлит жизнь, но в этот момент он будто дремал в ожидании рассвета.

Осветилось и погасло ещё одно окно. Неужели небоскрёб подмигивал мне, словно проказник, которому удалось сухим выбраться из воды?

Я так никогда и не узнаю об этом.

СЛЕПОЙ ПРИНЦ

– Принц Медоро слепой!

– Не может быть! На фотографии в газете у него такие красивые голубые глаза!

– Красивые, но он слеп. Королева дни и ночи плачет от горя.

– Король собрал во дворце лучших врачей Морландии и пообещал им горы золота, если они вернут сыну зрение.

– Но всё, похоже, впустую. Видите, врачи покидают дворец, безутешно качая головой.

– Профессор Беллонис, профессор Картонис, профессор Де Максимис... Неужели все уезжают?

– Говорят, только один остался.

– Кто? Вон тот? Но это же вовсе не врач!

– И что же он думает предпринять? Впрочем, если наука признаёт своё бессилие...

Наука – да, но Дзербино – нет. Дзербино не врач, не профессор, а просто старик в скромной тёмной одежде, и единственное яркое пятно в его облике – рыжая борода.

– Это кудесник. Он обещал вылечить принца волшебством.

Люди, как известно, нередко болтают всякую чепуху... Особенно когда говорят о вещах, в которых ничего не понимают.

Толпа, собравшаяся у ограды королевского дворца, не переставала обсуждать трагедию принца.

Дзербино – не добрый волшебник и не злой колдун – каким-то непонятным образом оказался среди врачей, прибывших отовсюду, чтобы осмотреть маленького принца Медоро, который лежал в кровати, устремив свои прекрасные незрячие глаза в пространство.

Дзербино держался в стороне, в учёные споры не вступал, лекарств никаких не назначал, операцию не предлагал. Только когда с печалью, словно проигравший сраже-

ние генерал, удалился последний врач, Дзербино осторожно приблизился к королю.

– Что вам нужно, добрый человек? – спросил король. – Вы же видите, какое у нас горе. Если с каким-нибудь прошением, приходите завтра.

– Я хотел, – произнёс Дзербино, теребя рыжую бороду, – я только хотел попросить вас разрешить мне попробовать...

– Что попробовать?

– Я даже не прикоснусь к глазам его высочества. Я только поговорю с ним.

– Добрый человек, но ему же нет и двух месяцев! Он не поймёт вас.

– Я думаю, поймёт. Позвольте попробовать...

Дзербино подошёл к позолоченной кровати Медоро и взял ручку принца. Все вокруг затаили дыхание, а Дзер-

бино взглянул на короля, вытиравшего слёзы горностаевой мантией, и заговорил:

– В некотором царстве, в некотором государстве жил-был однажды король. Великий король. В плаще, расшитом золотом и серебром и украшенном горностаем. На голове у него корона, усыпанная рубинами. И чёрная, остроконечная борода...

– Какой невоспитанный человек! – шепнул мажордом главной горничной королевы. – Описывает нашего короля, словно какой-нибудь неодушевлённый предмет, без подобающего уважения. Вот увидите, король не замедлит прогнать его, не пожалеет даже своего скипетра – сломает о его голову!

– ...И был у него, – продолжал Дзербино, – скипетр из резной слоновой кости, и он то и дело чесал им свою бороду.

Король, который как раз в это время чесал бороду скипетром, сперва оторопел от изумления, а потом возмутился. И хотел было обрушиться на бедного Дзербино с бог знает какими гневными словами, как вдруг произошло совершенно неожиданное.

Принц Медоро заулыбался так, словно увидел великого короля из только что рассказанной сказки, и протянул

к нему ручки, как будто хотел поиграть с его скипетром из резной слоновой кости.

– Он видит меня! – вскричал король, сразу же догадавшись, что происходит. – О боже, он видит меня!

А Дзербино между тем продолжал рассказывать принцу:

– Жила-была в некотором царстве, в некотором государстве и королева. Великая королева, в красном, расшитом золотом плаще. У неё белокурые волосы и сияющая диадема, которая сидит на её голове, словно птичка в своём гнёздышке...

И малыш Медоро улыбнулся королеве, совсем так, будто видел её, и протянул ручки к диадеме. Королева опустилась на колени у кровати сына, и маленький принц ухватился ручонками за её волосы.

– Он видит меня! Он улыбнулся мне! – воскликнула королева, плача от радости.

Люди не переставали удивляться столь странному способу исцелять.

– Надо же, самый обычный сказочник – и сумел сделать то, что оказалось не под силу знаменитым учёным!

– Что, принц и в самом деле исцелился? Совсем-совсем?

– Ну, пока ещё не совсем... Но он на верном пути.

– Так всё-таки видит он или не видит?

– Видит, но только когда с ним говорит Дзербино.

– А что же он ему говорит?

– Он описывает окружающее так, словно рассказывает сказку. Например, стоит на столе стакан, и Дзербино говорит: «Жил-был однажды стакан...» И принц сразу же видит и стакан, и воду в нём, и розу или камелию.

– А если он ничего не говорит?

– Тогда принц ничего и не видит. Но пока он видит только то, о чём ему рассказывает Дзербино.

– Интересный случай! Будем надеяться хотя бы, что Дзербино не придёт в голову выдать лягушку за принцессу...

Но Дзербино нисколько не заслуживал таких дурных подозрений. Это был очень честный сказочник, и он скорее дал бы отрубить себе руку, чем обмануть принца.

Медоро мог без усталости слушать его рассказы. И это понятно — ведь наши глаза никогда не устают смотреть. Едва проснувшись, Медоро звал Дзербино, спавшего в соседней комнате.

— Дзербино, где ты? Иди скорее сюда! Покажи мне голубое небо и сияющее солнце...

И Дзербино сразу же начал описывать терпеливо и точно:

— Стояла однажды прекрасная погода...

А если небо застилали тучи или в королевском саду зависал туман, Дзербино начинал свой рассказ так:

— Стояла однажды очень плохая погода...

Принц Медоро видел свинцовые тучи, дождь за окном и сердился:

— Не хочу! Не хочу смотреть на неприятные вещи! Расскажи по-другому!

— Ваше высочество, не могу.

— Я приказываю тебе!

– Ваше высочество, глаза даны нам для того, чтобы видеть то, что есть, – и хорошее, и плохое.

Принц бледнел от гнева и за весь день не произносил больше ни слова.

Однажды, вскоре после того как принцу исполнилось восемнадцать лет, он прогуливался с Дзербино в лесу верхом на коне.

Случилось так, что из гнезда выпал совсем крохотный птенчик и дикая лесная кошка, притаившаяся под деревом, быстро схватила его и съела.

Медоро увидел это, потому что Дзербино подробно рассказал ему всё, не пропустив ни одной детали, – рассказал, как дрожал несчастный неоперившийся птенчик, как довольно ухмылялась кошка, эта гадкая тварь.

– Не хочу! – вскричал Медоро, останавливая коня.

– Но, ваше высочество...

– Замолчи! И смотри, что я сейчас буду делать.

Он закрыл глаза и принялся рассказывать сам себе:

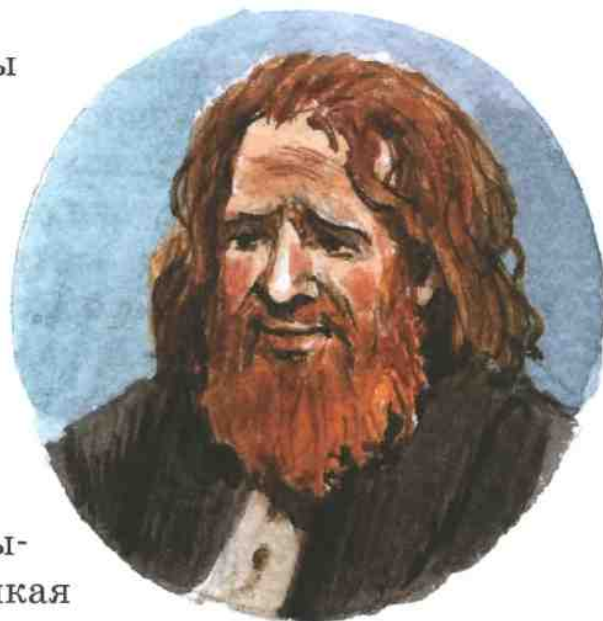
– Однажды крохотный, едва родившийся птенец выпал из гнезда, и злая кошка хотела схватить его, но отважный принц, который проезжал мимо на белом коне, выстрелил в кошку и убил её. А потом положил птенца обратно в гнездо и, напевая песенку, двинулся дальше...

Принц и в самом деле запел весёлую песенку и прищиприл коня. Дзербино пришлось галопом догонять его.

– Я видел всё, что рассказал тебе, – воскликнул Медоро, счастливый и довольный. – И ты мне больше не нужен. Теперь я сам буду рассказывать себе всё, что захочу!

Дзербино огорчился, но покорно опустил голову и промолчал.

– Почему не радуешься вместе со мной? Чем ты недоволен?

– Я бы радовался, если б нам действительно удалось спасти птенца от когтей кошки. Мало придумать красивую сказку, чтобы помешать плохим делам.

– А по мне, так не мало! – отрезал принц.

И с этого дня всякий раз, когда Дзербино, описывая ему окружающее, говорил о чём-нибудь печальном или неприятном, Медоро приказывал замолчать и сам рассказывал себе происходящее по-своему, придумывая какую-нибудь весёлую и прекрасную, как солнечный летний день, историю.

Так ему удавалось видеть только безмятежные, радостные картины. Дзербино попробовал поговорить с королём-отцом, но не сумел объяснить ему, что возникает новая болезнь, ещё более опасная, чем слепота, потому что безнадёжно слепой человек – это тот, кто не хочет видеть вещи такими, какие они есть на самом деле.

– Он ещё молод, – сказал король, – он пережил такую беду. Что плохого, если Медоро пытается найти для себя какое-то утешение? Принц изменится, когда займёт мой трон.

Но, к сожалению, когда король-отец умер и Медоро занял его трон, он по-прежнему предпочитал вымыслы действительности.

Если министр финансов говорил ему, что государственная казна почти пуста, юный король представлял себе горы золотых монет и тотчас устраивал роскошный праздник, чтобы потратить побольше денег.

А потом началась война, и страну захватили враги. Но Медоро и тут утешал себя рассказами про славные победы и необыкновенные завоевания.

Понятно, что вскоре он лишился трона, и все покинули его. Все, кроме верного Дзербино, который следовал за ним, чтобы помогать видеть.

– Стояла в лесу хижина, и в этой хижине жил принц Медоро. Вокруг росли сорняки и колючки...

– Нет! Розы и магнолии, розы и жасмин!

Принц оказался неизлечимым даже в нищете. Но однажды...

Однажды Медоро услышал, что кто-то стучится в дверь. И Дзербино рассказал ему, что пришли дети – мальчик и девочка – и протягивают руку за подаванием. Их отец погиб на войне, а мать умерла от горя. Оставшись без родителей, дети оказались бездомными. Им негде спать, нечего есть. От этих несчастий мальчик ослеп, и девочка стала его поводырём.

Медоро захотел было, как обычно, закрыть глаза и всё рассказать по-своему, будто пришли к нему в гости принц и принцесса и приглашают на большой бал. Но в этот момент слепой мальчик споткнулся о порог. Медоро протянул руку, чтобы поддержать его, и увидел – по-настоящему увидел его бледное лицо, слёзы, текущие по грязным щекам, худенькую, дрожащую фигурку в лохмотьях.

Прикоснувшись к чужой беде, он увидел мальчика таким, каким тот был на самом деле, и в сердце его родилось сочувствие. Он увидел, что этому маленькому несчастному ребёнку нужно помочь. И понял, что желание уйти в красивую сказку – это подлость.

– Заходите! – сказал он детям. – Вы похожи на птенцов, выпавших из гнезда. Но дикая лесная кошка не съест вас.

Пусть этот дом будет вашим домом, а я стану вашим отцом. Может быть, слишком молодым отцом, но если согласитесь, начну работать, чтобы вам жилось хорошо.

Дзербино ничего не сказал. Он только улыбнулся. Старик был счастлив, потому что Медоро наконец исцелился.

«Теперь он действительно видит, – подумал Дзербино. – Видит, потому что хочет видеть, и понимает, что нужно сделать, чтобы принести людям счастье».

СОДЕРЖАНИЕ

Машинка для приготовления уроков	5
Маленький поезд	7
Синьор Боэмондо	8
Дом синьора Венчеслао	10
Дерево Паолино	12
Дождевичок	14
Билет номер тринадцать	16
Дядюшка Бородач	18
Усы синьора Эджисто	20
Праздничный нос	22
Крохотный домик	23
Колокольчик для воров	24
Скульптор Риккардо	26
Приключения старого моряка	30
Разбойник	33
Добрый волшебник	37
Пиковый валет	38
Говорящий портфель	41
Дерево, на котором растут туфли	44
Крыша-путешественница	46
Письмо паука хозяину дома	48
Гонки по саду	50
Медвежий танец	52

Говорящий кот	54
Как развлекаются в джунглях	56
О чём вспоминает Луна	58
Молния.....	60
География на каникулах.....	62
Горы-путешественницы	65
Самая короткая сказка.....	69
Снег	70
Как взбунтовались машины	72
Небосвод	74
Подарок на каникулы	76
Старые Пословицы	78
Дополнение к телефонному справочнику	80
Коротенькие истории.....	83
Лиса-фотограф.....	85
Хозяин луны	87
Лиса и хвост	94
Слоны-эквилибристы	96
Бродячий кот	98
Завещание Большой Мыши	100
Медведь-рыболов	102
Араб и верблюд.....	104
Кошачий концерт.....	106
Черепашьи гонки.....	108
Дрессированный конь	110
Волшебная кисть	112
Созвездие Кот.....	116
Терезина-Которая-Не-Растёт	133
Пудовичок и Пушинка	143
Жареная Кукуруза	154
Принц-лесник	168
Принц Дуралей	177
Принцесса Веселина.....	186

Волшебник Гару	197
Говорящая статуя	206
Королевская гитара	217
Солдатская гармоника	226
Пуговкин домик	237
Король Мидас и разбойник Филоне	247
Зеркальное отражение	256
Пастух и фонтан	263
Полярный гость	269
Кругосветное путешествие	274
Коронация Льва Десятого	279
Небоскрёб в море	285
Слепой принц	292

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста
Серия «БОЛЬШАЯ КНИГА»

РОДАРИ Джанни
БОЛЬШАЯ КНИГА СКАЗОК

Ответственный редактор *Н. Н. Родионова*
Художественный редактор *Д. С. Ретунская*
Технический редактор *М. В. Гагарина*
Корректор *Е. В. Туманова*
Компьютерная верстка *М. Ю. Ковригина*

ISBN 978-5-389-14203-9

© 1980, Maria Ferretti Rodari and Paola Rodari, Italy
© 2008, Edizioni EL S.r.l., Trieste Italy
© Константинова И. Г., перевод на русский язык, 2020
© Челак В. Г., иллюстрации, 2020
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020
Machaon®

Подписано в печать 10.03.2020. Формат 60×90^{1/8}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,0.
Доп. тираж 4000 экз. D-LL-22422-02-R. Заказ № ВЗК-02814-20.
Дата изготовления 10.04.2020.
Срок службы (годности): не ограничен.
Условия хранения: в сухом помещении.

304 с., с ил.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака Machaon
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. №1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА»,
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

В 2020 году исполняется 100 лет со дня рождения Джанни Родари — знаменитого во всём мире писателя, автора замечательных стихотворений, рассказов и сказок для детей. Его «Приключения Чиполлино», «Путешествие Голубой Стрелы», «Торт в небе», «Дворец из мороженого» и другие произведения переведены на многие языки. В 1970 году за вклад в детскую литературу Джанни Родари был награждён престижной международной премией имени Ханса Кристиана Андерсена.

Книга, которую мы предлагаем вашему вниманию, поистине уникальное издание. Впервые под одной обложкой представлена наиболее полная коллекция великолепных сказок Джанни Родари, проиллюстрированных известным художником Вадимом Челаком.

Без сомнения, «Большая книга сказок» достойна занимать лучшее место в библиотеке ценителей творчества великого сказочника!

